

Габузян Ара Арутюнович

УДК 343 (479.25)
ББК 67.99(2Ар.) 8
Г 122

*Одобрено к публикации Советом юридического факультета
Ереванского государственного университета*

Рецензент: Член корреспондент НАН РА,
доктор юридических наук,
профессор, *Г.С. Казинян*

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Габузян А.А.

Г 122 Проблемы преступности в Республике Армения в переходный период.
Изд. Ереванского ун-та.–Ер., 2007, 256 ст.

В монографии представлены общая картина преступности переходного периода в РА и тенденция ее развития; дана криминологическая характеристика отдельных видов преступности; исследованы региональные особенности преступности в РА; сделана попытка оценить эффективность контроля над преступностью в РА, сформулированы предложения по повышению эффективности контроля над преступностью.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется проблемами преступности.

**Издательство Ереванского университета
Ереван - 2007**

Г $\frac{1203021100}{704(07)-2007}$ 2007

ББК 67.99(2Ар)8

ISBN 978-5-8084-0823-4

© А. Габузян, 2007

Введение

В процессе построения новой государственности и демократического общества Армения, как и другие страны СНГ, столкнулась с различными кризисными явлениями социального, экономического, духовного, правового характера. Происходящие в республике революционные преобразования, по ряду объективных и субъективных причин продолжают сопровождаться негативными процессами практически во всех сферах жизнедеятельности армянского общества.

На фоне кризисных явлений, происходящих в обществе, в Армении, как и в других странах СНГ, негативным количественным и качественным изменениям подверглась также преступность. В частности, наблюдался небывалый абсолютный рост ее уровня, она стала более общественно опасной, вооруженной и организованной. Масштабы преступности, особенно таких ее видов, как коррупция, экономическая преступность, достигли такого уровня, что поставили под угрозу национальную безопасность страны. Такая ситуация продолжается до сих пор, что диктует необходимость выработки и принятия адекватных мер по контролю над преступностью.

Для выработки эффективных мер контроля над преступностью необходимо иметь четкое представление о феномене преступности вообще и переходного периода в частности. А для этого очень важно выявление факторов преступности—тех явлений, которые детерминируют преступность, влияют на ее уровень и структуру, определяют тенденции ее развития на современном этапе.

За последнее десятилетие проблемы преступности переходного периода активно обсуждались в криминологической литературе, особенно в России. Подробно анализировались тенденции преступности, ее количественные и качественные показатели, проблемы причин и ус-

ловий, вопросы профилактики¹. Однако в Армении до сих пор такие исследования не проводились. Между тем преступность имеет и национальные особенности, обусловленные культурными, этническими особенностями народа, исследования которых могли бы существенно обогатить криминологическую науку.

Другой важной проблемой является тот факт, что в криминологических исследованиях в центре внимания в основном оказываются криминогенные факторы, а антикриминогенные факторы как бы остаются в тени. Между тем выявление антикриминогенных факторов, учет их взаимодействия с криминогенными могли бы иметь существенное значение для выработки эффективных механизмов контроля над преступностью.

Еще одна важная проблема связана с тем, что переходный период, со своими социальными потрясениями, социальными, политическими, идеологическими, культурными преобразованиями, дает больше воз-

¹См.: Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора юрид. наук. М., 1996; Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001; Гыске А.В. Современная российская преступность и проблемы безопасности общества. Политический анализ. М., 2000; Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования. М., 1998; Устинов В. Причины качественных изменений преступности в современной России. Уголовное право. М., 1999, № 4.; Бабаев М., Крутер М. Современная криминологическая ситуация России и проблемы ее изучения и оценки. Уголовное право, М., 2000, №2; Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. М., 2002; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. М., 2006; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005 Изд. 2-е, переработанное и дополненное; Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею. Лекция. М., 1990; Побегайло Э.Ф. Криминальное насилие в России: основные тенденции. Вып. 8. М., 1995; Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998; Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере. М., 2004; Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем: Новая концепция и отрасли криминологии. М., 2003; Алауханов Е.О. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений. СПб., 2005.

возможностей исследовать проблему соотношения биологических, психологических и социальных детерминант преступности. На мой взгляд, биологические особенности человека, его инстинкты имеют существенное значение в человеческом поведении. Генетически обусловлены не только нейрофизиологические, но и психологические и поведенческие особенности человека. Психология человека обусловлена и биологическими, и социальными, культурными явлениями. Социальное и культурное обусловлены и биологией, и психологией человека. Создание культуры обусловлено биологическими и психологическими особенностями человеческих существ. Поэтому, будучи относительно автономными явлениями биологическое, психологическое и социальное (культурное) взаимообусловлены, дополняют друг друга и определяют поведение человека. Анализ феномена преступности и ее отдельных видов с этих позиций поможет лучше и более всесторонне понять закономерности преступности и выработать эффективные меры контроля над ней.

Данная работа является первой попыткой всестороннего исследования преступности переходного периода в отечественной науке. В основу исследования положены обобщающие данные криминологических, социологических, психологических исследований автора и других ученых.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке данной работы научному консультанту, заведующему сектором уголовного права и криминологии института Государства и Права Академии Наук Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Луневу Виктору Васильевичу, сотрудникам кафедры уголовного права Ереванского государственного университета, кандидатам юридических наук Сергею Аракелян и Анне Маркарян за ценные советы и предложения, а также кандидату юридических наук Карену Геворгяну за редактирование работы.

ГЛАВА 1. Криминологическая характеристика преступности в РА в переходный период

§1. Уровень, структура, динамика преступности

23 августа 1990г. Верховный Совет Армянской ССР принял Декларацию о независимости, а после проведения референдума Армянская ССР была переименована в Республику Армения, вышла из состава СССР и провозгласила себя независимым государством. С этого момента в республике начались революционные перемены во всех областях социальной жизни—в экономике, сфере управления, законодательстве, идеологии и т. д. Армянское общество вступило в переходный период своего развития.

Можно сформулировать следующие основные задачи армянского общества переходного периода:

- создание демократического государства (политическая задача),
- формирование рыночной экономики (экономическая задача),
- создание гражданского общества (социальная задача),
- создание независимого государства (национальная задача).

Нетрудно заметить, что эти задачи затрагивают основы социальной системы¹.

Естественно, построение качественно нового общества всегда сопровождается глубокими потрясениями, кризисными явлениями во всех областях жизни. В литературе справедливо отмечается, что обществу переходного периода присущ динамический хаос².

Ситуация усугубляется еще и субъективными факторами: политизация переходных процессов, отсутствие четкой, научно обоснованной

¹ См.: Арутюнян Э. Переходное общество, как система трансформационной деятельности. на арм. языке, Ереван, 2000, с. 6.

² См.: Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе. Социологические исследования, 1995, N2, с. 5.

программы деятельности у реформаторов, чаще действующих методом проб и ошибок и т. д.

Более чем десятилетний период построения нового общества в Армении привел к истинно трагическим последствиям почти во всех сферах жизни. Приведу некоторые социально-экономические данные.

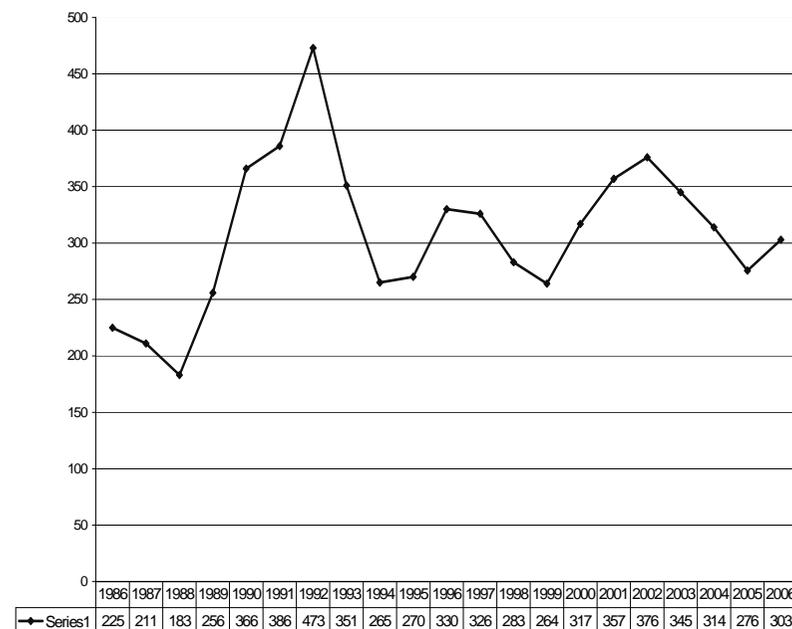
По сравнению с 1980-ыми годами производство электроэнергии сократилось в 2,5 раза, денежные сбережения граждан после 1993 г., когда внедрялась национальная валюта, сократились в 200 раз, ныне работает лишь 7%-ов промышленных предприятий страны, 55,05% населения республики находятся ниже уровня бедности (по некоторым экспертным оценкам 86.3% населения республики можно считать бедным), практически исчез средний класс (коэффициент Джинса составляет 0,593), возникло ранее неизвестное армянскому обществу явление-безработица, официальный коэффициент которой составляет 11,7 на 100 тыс. населения (это явно заниженная цифра, потому что в основу расчета брались лишь официально зарегистрированные безработные). По сведениям управления гражданской авиации РА республику, по состоянию на 2000г., покинуло 644 тыс. человек (без учета перевозок по автомобильному и железнодорожному транспорту).

Негативные сдвиги в экономике и социальной жизни, разрушение коммунистической идеологии привели к утрате сложившихся жизненных ориентиров, распаду традиционных ценностей. Общество оказалось в состоянии аномии.

На фоне кризисных явлений в экономике и других сферах жизни количественным и качественным изменениям подверглась преступность. С 1986г. она увеличилась почти в полтора раза. Абсолютное число преступлений к 2004г. возросло с 7569 до 10083, а коэффициент преступности с 224,7 до 313,5.

Однако надо отметить, что динамика преступности не была равномерной. Графическое изображение данных официальной статистики по динамике преступности наглядно показывает это (рис.1):

Динамика преступности в Армении (рис. 1)

Как видно из приведенных выше данных, пик абсолютного и относительного роста преступности приходится на 1990-1993г.г. (коэффициент преступности на 100 тыс. населения соответственно равен 365,8; 386,3; 473,4).

Такие коэффициенты преступности в Армении никогда ранее не наблюдались. С 1992 по 1994г.г. уровень преступности снизился. При этом, в 1994г., по сравнению с 1992г., почти в 2 раза.

Аналогичная картина наблюдается в большинстве стран СНГ. По мнению В.В. Лунеева, такая тенденция в данном промежутке времени может быть и отражает объективную реальность, так как нельзя исключить и того, что волна преступности после неорганизованной суверенизации, массовых межнациональных конфликтов, шоковых рыночных реформ и разрушения прежнего социального контроля снижается¹.

¹ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999, с. 121.

Соглашаясь с этим мнением хотелось бы отметить о некоторых факторах, которые, на мой взгляд, сыграли существенную роль в снижении уровня преступности в Армении.

Прежде всего необходимо отметить, что в 1992г. преступность в Армении, на мой взгляд, достигла порога насыщения. При этом скачок уровня преступности приходится на очень короткий промежуток времени—2 года. В 1992г. уровень преступности увеличивался по сравнению с 1989г. почти в 2 раза. Абсолютное число преступлений к 1992г. возросло с 8415 до 16250, а коэффициент преступности с 256 до 473,4. Такого роста преступности, как уже отмечалось, Армения не знала. И дело не столько в уровне преступности, сколько в резком контрасте на фоне предыдущих лет. На мой взгляд, порог насыщения преступностью определяется и объективными, и субъективными факторами. Объективный—реальный рост преступности до определенного уровня. Субъективный—ощущение страха перед преступностью, угрозы для личной и общественной безопасности. Но эти ощущения зависят не только от уровня преступности, но и от того, насколько быстро она растет. Если преступность растет постепенно, то общество как бы привыкает к этому и тогда порогу насыщения будет соответствовать больший уровень преступности. Если же преступность растет лавинообразно, то порогу насыщения видимо будет соответствовать меньший уровень преступности. Как точно заметил В. В. Лунеев, порог насыщения преступностью свой для каждой страны в тот или иной период ее эволюции. Он не является константной и может в определенных пределах «дрейфовать» к более высоким показателям по мере привыкания населения¹.

Порог насыщения преступностью, на мой взгляд, зависит и от структуры преступности. Если в структуре преступности резко растет доля насильственных и корыстно-насильственных преступлений, то порогу насыщения соответствует меньший уровень преступности. Если же растет доля корыстных, экономических преступлений, то порогу насыщения будет соответствовать больший уровень преступности. Ска-

занное подтверждается следующими данными: умышленные убийства с покушениями в Армении за 1986-1992 года увеличились более чем в 6 раз, тяжкие телесные повреждения – в 4,2раза, грабежи и разбои – в 10раз (преступность же в целом увеличилась в 2,1 раза).

Другим фактором, влияющим на снижение уровня преступности с 1992 по 1994 гг., на мой взгляд, является некоторая активизация правоохранительных органов, связанная с изменениями в руководстве МВД республики. Как правило следствием активизации правоохранительных органов является рост официально регистрируемой преступности. Однако в то время в Армении складывалась особая ситуация. В конце 1992г. МВД республики возглавил один из авторитетных представителей тогдашней правящей партии (АОД)¹. В то время в республике складывалась кризисная, нестабильная политическая ситуация. Кроме экономического, правового и политического беспредела, вызывающего всплеск преступности, в республике шла борьба за власть. Ведущей политической партией тогда было Армянское общенациональное движение. Назначение на пост министра МВД авторитетного представителя этой партии имело целью укрепить позиции партии, свести счеты с политическими противниками. Справедливости ради надо отметить, что политические оппоненты АОД сами дали эту возможность своим криминальным поведением. Почти у каждой партии имелись свои вооруженные отряды (этому способствовал армяно-азербайджанский конфликт, который в то время был в разгаре), которые в основном и творили беспредел. В те дни население республики боялось выходить из дома, особенно в ночное время. Министру МВД удалось навести порядок и существенно снизить уровень насильственной преступности, однако, не за счет профессионализма и не на основе права, а за счет ответного насилия и репрессий. При этом, есть основание полагать, что сам министр очень скоро монополизировал криминальную сферу (в дальнейшем он обвинялся в совершении нескольких тяжких преступлений, предстал перед судом, но сбежал и скрылся). Поэтому мне кажется, что с 1992 по 1994гг. реально снизился уровень лишь насильственной преступности (если не считать часто

¹ См.: Лунеев В.В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские. Советское государство и право. N4, 1993, с. 9-10.

¹ Партия "Армянское общенациональное движение" правила в Армении в 1991-1998 гг.

используемое незаконное насилие со стороны правоохранительных органов), а уровень корыстной, экономической и политической преступности вырос.

С 1995г. уровень преступности вновь стал расти. Этот рост сохранился до 1997г. И это, на мой взгляд, более реально отражает тенденцию преступности в республике. С 1997 по 1999гг. вновь наблюдалось снижение уровня преступности, а в 2000г. он опять вырос. Как видно из графика динамики преступности (рис. 1), она в Армении с 1986 по 2000гг. развивалась зигзагообразно. И если снижение уровня преступности с 1992 по 1994гг. может и отражает более или менее реальную тенденцию преступности в эти годы, то дальнейшее снижение вызывает сомнение.

Официальная статистика преступности показывает снижение ее уровня по абсолютным показателям. Если в 1996г. было совершено 12479, то в 1997г.–12355, 1998г.–10761, 1999г.– 10056, 2000г.–12050, 2001г.–11483, 2002г.–12074, 2003г.–11073, 2004г.–10083, в 2005г.–8875 преступлений.

Однако, изменение в абсолютных показателях, особенно в Армении, не может отражать реальные тенденции преступности. Как уже отмечалось, с 1992г. республику покинуло 644 тыс. человек (не считая покинувших автомобильным и железнодорожным транспортом). Поэтому реальные тенденции развития преступности можно наблюдать только по коэффициентам. Но и здесь должны вноситься некоторые поправки. Дело в том, что официальная статистика неправильно отражает численность населения республики. Если при расчетах коэффициента преступности за основу брать численность населения по официальной статистике, то получится, что и по коэффициентам преступность с 1997 по 1999гг. снижается- с 325,8 до 283,3 на 100тыс. населения. Может быть коэффициенты преступности до 1992г. (не считая латентную преступность) отражают реальность (массовый отток населения начался с 1991-1992гг.). После этого при расчете коэффициента преступности нужно сделать поправку на число покинувших республику. К сожалению я не располагаю информацией о реальной численности покинувших республику по годам. Однако факт, что в каждом последующем году численность населения республики сокращалась. И

если при расчете коэффициента преступности из официального числа населения вычесть число покинувших республику¹, то получатся другие коэффициенты. Можно полагать, что при мизерном снижении абсолютного числа преступлений в 1997г. (на 125 преступлений), коэффициент преступности вырос.

В 1998 и 1999 г.г. абсолютный уровень преступности по данным официальной статистики снизился значительно. Но и здесь нужно сделать поправку на число покинувших республику. Кроме этого, на мой взгляд, в этот период вырос уровень латентности преступности. В 1998 г. политическая обстановка в Армении обострилась—произошла бархатная революция. Президент республики подал в отставку. Нестабильная обстановка продолжалась в течение года. В такой ситуации, на мой взгляд, «захромала» регистрация преступлений. Косвенным образом об этом свидетельствует тот факт, что в анализируемый период увеличилось абсолютное число некоторых тяжких преступлений (таблица 1):

Таблица 1

(динамика некоторых тяжких преступлений с 1997 по 1999 г.г.)

ГОДЫ		1997	1998	1999
Преступления	Убийство с покушениями	136	145	156
	Тяжкие телесные повреждения	191	207	178
	Хулиганство	285	303	364
	Разбой и грабежи	212	251	230
	Вымогательство	27	39	79

Между тем наблюдалось снижение абсолютного числа таких высоколатентных преступлений, как изнасилование, хищение гос. имущества, взяточничество, транспортные преступления без смертельного исхода. Больше чем в 5 раз сократилось число такого преступле-

¹ Как уже отмечалось, по сведениям Главного управления гражданской авиации РА, с 1991г. республику покинуло 644 тыс. человек. Хотя по некоторым экспертным оценкам число покинувших республику реально достигает от 800 тыс. до 1млн (см. Ходжабекян В. Е. Воспроизводство и перемещения населения Армении в XIX-XX века, на арм. языке, Ереван, 2001, ст. 307-309), при расчетах я брал за основу число, предоставленное официальной статистикой-644 тыс. человек.

ния как уклонение от очередного призыва на действительную военную службу— с 2037 в 1997г. до 483 в 1999г. То, что в периоды политической нестабильности или активности возрастает латентность преступности, не вызывает сомнения. Аналогичную картину можно наблюдать и в 2003г., когда уровень зарегистрированной преступности по сравнению с предыдущим годом снизился на 1000 единиц. Дело в том, что в 2003г. в РА проходили выборы президента и Национального Собрания. Выборы в Армении всегда проходят на фоне политической нестабильности, возрастающего противостояния, в которой не последнюю роль играют и правоохранительные органы. Естественно, что в такой ситуации правоохранительные органы не имеют возможности выполнять свои функции на должном уровне и в результате растет уровень латентности.

Есть все основания полагать, что в последнее время преступность в Армении все больше латентизируется.

В 2000 г. уровень преступности в Армении опять возрос (абсолютное число—12050, коэффициент—316,9, а если исходить из того, что республику к тому времени покинуло по меньшей мере 644тыс. человек, то—322,4 и более). В 2000г. возросло абсолютное число таких преступлений, как тяжкие телесные повреждения, изнасилования, кража гас. и личного имущества, мошенничество, хозяйственные преступления, взяточничество, хищения путем присвоения и растраты. В 2001г. уровень преступности снизился, в 2002г.—вырос, в 2003, 2004 и 2005гг. опять снизился. Но снижение уровня преступности в эти годы, на мой взгляд, результат латентизации, потому что, как уже отмечалось, 2003г. был годом политической нестабильности, которая продолжалась и в течение 2004г. Сказанное косвенным образом подтверждается тем, что в 2006г. уровень зарегистрированной преступности вырос почти на 10%.

По сравнению с динамикой преступности некоторых стран СНГ и Европы, динамика преступности в Армении по официальной статистике благоприятна. Так, с 1997г. до 2003г. наблюдается устойчивый рост уровня преступности в Грузии, где почти аналогичная социально-экономическая, политическая, нравственно-психологическая ситуация как в Армении, в России, Литве, Германии, Голландии, Латвии. В то же

время в Молдове, Украине, Румынии почти такая же тенденция преступности как в Армении¹. Учитывая социально-экономические, политические, правовые, нравственно-психологические реалии названных стран, можно предполагать, что наблюдаемое снижение уровня преступности по официальной статистике в большинстве стран СНГ и восточной Европы—результат латентизации преступности².

Несмотря на то, что сглаживание динамического ряда преступности в Армении с 1986 до 2005 г.г. показывает тенденцию снижения уровня преступности, в действительности, дело, на мой взгляд, обстоит иначе. Официальная статистика не отражает реальных тенденций преступности. Во-первых, как уже говорилось, надо сделать поправку на численность населения. Во-вторых, на латентизацию преступности. Мои выводы о все большей латентизации преступности подтверждаются некоторыми данными, предоставленные мне Генеральной прокуратурой республики. Так, в 1998г. было выявлено 26 случаев сокрытия преступлений от регистрации, в 1999г.—48, в первом полугодии 2000г.—24. Все чаще жертвы преступлений не сообщают о факте преступления. Так, в 1995г. было выявлено и зарегистрировано 426 незаявленных преступлений, в 1996г.—485, в 1997г.—696, в 1998г.—849, в 1999г.—822, в первом полугодии 2000г.—717 (это данные только о выявленных случаях, а сколько остается невыявленных). Виктимологические исследования, проведенные мною в течение 2001-2002гг., показали, что о факте совершенного преступления не заявили около 70% опрошенных жертв. Среди не заявленных преступлений 35% составили насильственные преступления против личности и 65% имущественные преступления. Можно предполагать, что в Армении остаются латентными около 70% преступлений, а то и больше, если учитывать очень высокий уровень латентности коррупционных преступлений, о которых в виктимологическом опросе никто из опрошенных не упоминал. Кроме этого, хотелось бы обратить внимание на то, что на абсолютное число

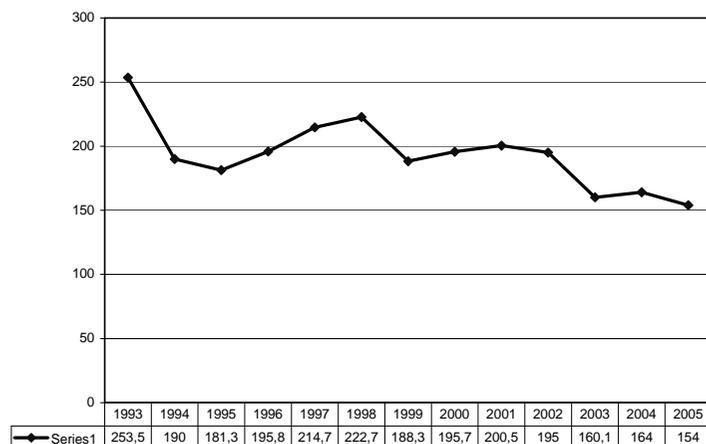
¹ См.: European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2003, Second edition, p. 33, European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2006, Third edition, c. 37.

² К аналогичному выводу приходили и другие исследователи. См., например, Кури Х. Развитие преступности, санкции и позиция населения: Восток и Запад. В кн.: Преступность и уголовная политика в Европе. Том 1., Бохум 2004, с. 3-14.

преступлений, зарегистрированных в статистических отчетах МВД республики, существенно влияет уровень регистрации преступления, предусмотренного статьей 75 УК РА (уклонение от очередного призыва на действительную военную службу). Регистрация этого преступления зависит от политики государства в области комплектования вооруженных сил, уровня коррупции в военных комиссариатах и т. д. В Армении проблема более чем актуальна в связи с армяно-азербайджанским конфликтом и большим оттоком населения из республики. В различные годы преступление, предусмотренное статьей 75 УК РА, отражалось в статотчетностях по разному. Например, в 1995 г. доля этого преступления в преступности составила 17%, в 1996 г.–24%, в 1999 г. всего 4,8%, в 2001г.–13,7% а в 2005г.–16,5%.

Чтобы выявить реальные тенденции преступности в Армении, мною была сделана попытка рассчитать коэффициенты преступности без учета преступления предусмотренного ст. 75 УК РА, а также кражи личного имущества, как одного из самых нерегистрируемых преступлений. Получился следующий динамический ряд (рис. 2):

Динамика преступности в Армении, без учета преступления, предусмотренного ст. 75 УК РА и краж личного имущества по коэффициентам на 100 000 населения (рис. 2)

Как видно из приведенного графика, уровень преступности с 1995 до 1999гг. возрастает. Между тем, графическое изображение динамики преступности с учетом преступления предусмотренного ст. 75 УК РА и краж личного имущества (рис. 1) свидетельствует о снижении уровня преступности с 1996 по 1999гг. Кроме того, из приведенного графика видно, что уровень преступности в 2004г. по сравнению с 2003г. вырос, между тем графическое изображение динамики преступности с учетом ст. 75 и краж личного имущества (рис. 1) свидетельствует о снижении уровня преступности в 2004г.

Для выявления реальных тенденций развития преступности, на мой взгляд, необходимо сделать поправку еще на одно обстоятельство. Речь идет о состоянии криминализации и декриминализации общественно опасных деяний и, в связи с этим, состоянии так называемой фактической преступности.

Как известно, преступлением считается общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным кодексом. В литературе отмечается, что такое определение преступления подчеркивает не только то, что преступление опасно для общества, но и то, что перечень преступлений не существует изначально, а создается людьми, с учетом опасности соответствующих деяний, и закрепляется в уголовном законодательстве. Деяние признается преступлением только в результате соответствующей социальной акции–законодательной оценки. Преступление в конечном счете выступает не как объективное свойство поступка человека, нарушающего объективно существующий порядок отношений между людьми, а как результат применения к индивиду норм и санкций, которые, собственно, и превращают его в «преступника»¹. Этот верный взгляд на преступление и преступность все же нуждается в некотором уточнении. Преступление и преступность– социальные явления. Сущностью преступления является не противоправность, а общественная опасность. Именно общественная опасность, как социальное свойство преступления, является основанием противоправности. И если на процесс криминализации существенное влияние оказывают

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования. М., 1998, с. 6.

субъективные факторы, то очевидно, что в обществе всегда будут деяния, объективно имеющие сущностные черты преступления, но не криминализованные по тем или иным причинам: ибо и до закона грех был в мире, но грех не вменяется, когда нет закона. (К римлянам, 5, 13).

В течение долгих лет такая ситуация складывалась в Армении по отношению к такому деянию как ростовщичество. С начала 90-х годов население Армении оказалось в бедственном положении. Появилась безработица. В то же время появилась возможность заниматься бизнесом. Многие ринулись в бизнес. Но для этого нужен был первоначальный капитал. Те, у которых не было собственных денег, стали брать займы у своих состоятельных знакомых. Последние же стали на этом «греть руки». Деньги выдавались не просто так—должник должен был платить проценты от суммы долга. Как и ожидалось, очень многие «сгорели» на своем бизнесе. Не сумев выплатить проценты и вернуть долги, многие оказались в трагическом положении. Люди вынуждены были продавать свои дома, имущество. Многие оказались на улице. Часто такая ситуация приводила к насилию, убийствам.

Рыночная экономика привела с собой новые формы общественно опасного поведения. Насущной потребностью стало принятие нового уголовного кодекса. Работы над проектом последнего начались еще с 1996 года. Однако новый УК был принят лишь в 2003г. В новом УК только в главе «Преступления против экономической деятельности» было предусмотрено более двух десятков новых составов. При этом, многие из деяний, криминализованных новым УК, были довольно распространены и нанесли реальный вред экономике страны еще до его вступления в силу. Речь идет о таких деяниях, как преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве, заведомо ложная реклама, монополистические действия и ограничение конкуренции, незаконное получение кредита, легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем и т. п. В настоящее время очень распространены, например, факты преднамеренного и фиктивного банкротства, которые используются как способ завладения имуществом. Наши суды стали очень удобным местом для приобретения имущества, новым видом «биржи», которая, в зависимости от финансовых возможностей клиента, может предоста-

вить услуги ускоренным или замедленным способом (можно завладеть предприятием в течение пяти месяцев, а можно и по частям—в течение пяти лет)¹.

Следовательно, для реальной оценки уровня криминализации общественных отношений учет фактической преступности, на мой взгляд, также необходим.

В юридической социологии уже сложилось понятие фактической преступности. Она определяется как совокупность насильственных деяний индивидов, которые обрекают людей на нужду и бедствия, психические и физические страдания или преждевременную смерть, но в действующей правовой системе не значатся². При этом, отличительной чертой «фактических преступлений» является то, что они всегда служили и служат (в исторической ретроспективе и перспективе) средством первоначального классового образования³.

Выделяются следующие виды фактической преступности: а) анонимное насилие, б) репрессии, в) насилие в теневой экономике, г) насильственное переселение людей. Конкретное содержание перечисленных видов фактической преступности раскрыто в юридической социологии⁴.

Вызывает сомнение то, что фактическая преступность определяется как совокупность насильственных деяний. Фактическую преступность может составить и совокупность ненасильственных деяний. В переходные периоды особенно ощутим вред от фактических преступлений в сфере экономики. Поэтому я бы определил фактическую преступность как совокупность общественно опасных, но некриминализованных деяний, которые наносят ощутимый вред общественным отношениям и служат средством первоначального классового образования и накопления первоначального капитала.

Для Армении в анализируемый период особо актуальна проблема фактической преступности в сфере экономики. Я уже привел пример

¹ См.: Маркосян А.Х. Государство и рынок. на арм. языке, Ереван, 2000, с. 10-11.

² См.: Юридическая социология. учеб. для вузов, изд. НОРМА, М., 2000, с. 230.

³ См.: Грибакина Э.Н. Социальная сфера общества, ее специфика. Екатеринбург, 1992.

⁴ См.: Юридическая социология. указ. соч. с. 231-236.

распространенности общественно опасных деяний, связанных с банкротством. Кроме вышеперечисленных к общественно опасным деяниям в экономической сфере можно отнести в частности: произвольное удержание заработной платы на низком уровне, задержка выдачи заработной платы на продолжительное время, расхищение государственного имущества под благовидным предлогом, выходящим за рамки юридического преследования (например, приватизация, продажа государственного имущества частным лицам за бесценок и т. д. По состоянию на 1-ое сентября 2000 г. в республике было приватизировано около 1200 объектов, из которых на рынке ценных бумаг было зарегистрировано лишь 750. До 1997 г. за 800 тыс. долларов США в Армении было приватизировано 55% производственных мощностей республики. Получается, что большая часть национального богатства республики, группой заинтересованных лиц, приравнялась к стоимости личного имущества среднего американца)¹.

Оценить реальный уровень фактической преступности и судить о ее размерах можно по некоторым косвенным показателям: число гражданских дел о банкротстве в судах, число приватизированных объектов, задержка выплаты заработной платы и т. д.

Хотелось бы отметить, что на мой взгляд, уровень фактической преступности намного выше именно в переходные периоды, когда уголовное законодательство отстает от преобразований в других сферах жизнедеятельности общества.

С учетом вышесказанного можно было предполагать, что после вступления в силу нового УК РА уровень преступности, с учетом криминализации многих распространенных общественно опасных деяний, особенно в сфере экономики, должен был расти. Однако официальная статистика показывает обратную тенденцию—снижения уровня преступности. Объективно такого не может быть.

Вышеизложенное позволяет сделать первый вывод о тенденциях преступности в Армении: *преступность в стране обнаруживает устойчивую тенденцию абсолютного и относительного роста при все большей латентизации.*

¹ См.: Манасерян Т. Контуры новой экономической политики. на арм. языке, Ереван, 2000, с.7.

Для полной оценки состояния и тенденции преступности в Армении важное значение имеет также анализ ее структуры. Именно последняя как-то выявляет «цену» преступности, ее характер, степень общественной опасности.

Отмечу также, что анализ динамики структуры преступности может выявить тенденции качественного преобразования преступности. Проблема более чем актуальна.

В российской криминологической литературе распространено мнение, что преступность переходного периода—это качественно новое явление по сравнению с преступностью предшествующих этапов развития страны¹.

Это мнение подверглось критике некоторыми учеными. Соглашаясь с тем, что картина нынешней российской преступности полна новаций, если сравнивать ее с тем, чем отличалась преступность советского времени, тем не менее профессор Бабаев М. и заслуженный юрист России Крутер М. высказали мнение, что речь все же идет не о качественно новом феномене преступности, взятой как некая целостность (система), а всего лишь о новых чертах, признаках, элементах, которые на предшествующих этапах развития общества либо отсутствовали, либо не были выражены столь явно и масштабно².

В подтверждение этому мнению приводятся следующие аргументы: 1) сохраняется и остается неизменным на все времена «ядро» преступности, которое составляют посягательства на фундаментальные ценности—естественные права человека: на его жизнь, здоровье, честь и достоинство, свободу, имущество и т. д., 2) одни и те же обстоятельства, как раньше, так и теперь, определяют суть, качество той или иной разновидности криминального поведения, 3) в полной мере сохраняются закономерности, предопределяющие формирование основных тен-

¹ См.: Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора юрид. наук., М., 1996, с. 7, Устинов В. Причины качественных изменений преступности в современной России. журнал Уголовное право, М., 1999, N 4.

² См.: Бабаев М., Крутер М. Современная криминологическая ситуация России и проблемы ее изучения и оценки., журнал Уголовное право, М., 2000, N2, с. 97.

денций преступности, темпы ее динамических изменений, перемены в структуре и т. д.¹.

Очевидно, что вышеуказанные авторы хотели выступить против чрезмерной драматизации ситуации, сваливания всей вины происходящего на рыночную экономику и демократизацию страны. И это правильно. Ведь если вникнуть в суть происходящих изменений в преступности, то окажется, что они касаются в основном способов и путей достижения криминальных целей и удовлетворения потребностей. Рыночная экономика и демократизация расширяют круг этих способов. Преступление является способом удовлетворения потребностей, и новые формы преступного поведения есть не что иное, как дополнительные способы, которые в условиях плановой экономики и тоталитарного режима отсутствовали. Да и многие виды преступного поведения, увеличение числа которых особенно беспокоит общество, давно были известны (организованная преступность у нас возникла в 60-е годы, хотя масштабы были другими; рэкет, коррупция отнюдь не новые явления для нашего общества).

Однако отмечу, что количественные и структурные изменения в преступности неизбежно приводят и к качественным изменениям. Скажем, рост уровня преступности и достижение ею порога насыщения, превращают преступность в политическую проблему².

Качественные изменения преступности еще более наглядны при структурных изменениях. Скажем, изменения доли насильственных, корыстно-насильственных и корыстных преступлений изменяют саму суть преступности, степень ее общественной опасности.

При увеличении доли насильственных и корыстно-насильственных преступлений преступность становится дестабилизирующим фактором, наводящим страх на общество. Однако и ответная реакция общества может быть довольно жесткой и дать скорый положительный эффект. Увеличение же доли корыстных преступлений гуманизирует преступность³. Корыстная преступность не пугает, ее опасность не оче-

видна. Поэтому ответная реакция общества может запоздать и не быть эффективной. Между тем, именно корыстная преступность в ее нынешнем виде (интеллектуализация, организованность, коррумпированность и т. д) представляет реальную и большую угрозу для общества. Как справедливо отмечает В. В. Лунеев, главной опасностью была и остается преступность высокого должностного положения, интеллекта и богатства. Респектабельная преступность «белых и перламутровых воротничков», срастаясь с продажными представителями политической и правящей элиты, законодательных, исполнительных и судебных властей, не только успешно использует имеющиеся возможности для своей преступной деятельности, но по своему усмотрению формирует их путем многообразных воздействий на политическую, экономическую и управленческую ситуацию в стране или регионе¹.

Не зря ныне коррупцию, наряду с терроризмом и СПИДом, называют третьей глобальной проблемой мирового сообщества.

Кроме этого хотелось бы отметить, что рост корыстной преступности может дать толчок росту насильственных, корыстно-насильственных преступлений, организованной преступности. Например, многие криминологи связывают возникновение организованной преступности в СССР именно с ростом корыстной преступности, формированием теневой экономики². Хотелось бы отметить, что рост корыстной преступности в неблагополучных в социально-экономическом отношении странах, переживающих переходный этап своего развития, еще более усугубляет ситуацию и может стать одним из детерминант насильственной преступности, потому что социально-экономическая напряженность, во-первых, расширяет круг фрустрирующих обстоятельств, во-вторых, усугубляет социальное неравенство и формирует социально-экономическую зависть, в-третьих, формирует у людей намерение любым способом получить доступ к ограниченным ресурсам и преодолеть социальную несправедливость. Поэтому, на мой взгляд, при общей тенденции роста доли корыстной преступности, в странах переживающих переходный период, время от времени можно ожидать всплеск насильственной преступности.

¹ Там же.

² См.: Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980, с. 20.

³ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1999, с. 29.

¹ См.: Там же, с. 478.

² См.: Криминология. учебник под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова-2-е изд. перераб. и доп. М., Юристъ. 2000, с. 403.

Проанализируем качественные тенденции преступности в Армении.

Как и ожидалось, доля насильственной и корыстно-насильственной преступности уменьшается, а корыстной – увеличивается.

При расчете доли насильственной и корыстно-насильственной преступности я подобрал следующие преступления: убийство с покушениями, тяжкие телесные повреждения, сопротивление сотруднику милиции, изнасилования с покушениями, разбой. Легкие и менее тяжкие телесные повреждения и хулиганство не учитывались, ввиду их большей латентности и большей зависимости регистрации от политики правоохранительных органов и законодательных новелл (особенно при хулиганстве). При расчете доли корыстной преступности за основу брались следующие преступления: кражи, мошенничество, хозяйственные (экономические) преступления, налоговые преступления, взяточничество, хищение путем растраты или присвоения. Тенденции структуры преступности выглядят следующим образом (рис. 5):

Таблица 2

(тенденции структуры преступности в РА)

Годы	Доля в %	
	насильственная и корыстно-насильственная преступность	корыстная преступность
1993	10,7	61
1994	7,4	48,2
1995	6,8	37,6
1996	6,8	42
1997	6,7	45
1998	7,0	45
1999	7,1	50
2000	6,9	54
2001	4,3	45
2002	3,9	41,6
2003	4,4	32,1
2004	5,2	38,2
2005	5,1	38,1

Цифры, отражающие долю отдельных видов преступности, не могут быть достоверными ввиду различной степени их официальной регистрации и латентности (насильственные и корыстно-насильственные преступления регистрируются полнее, чем корыстные). Кроме этого, как уже отмечалось, не учитывались некоторые насильственные преступления. Однако общую тенденцию отражает даже официальная статистика.

Как видно из приведенной таблицы (рис. 5), доля насильственной и корыстно-насильственной преступности хоть и уменьшается, однако незаметно, а в отдельные годы даже увеличивается. Это подтверждает высказанную мысль о том, что в переходные периоды доля насильственной преступности время от времени может расти. Что касается корыстной преступности, то здесь очевидна устойчивая тенденция роста в последние годы (уменьшения доли корыстной преступности в 1994 и 1995гг., 2001, 2002 и 2003гг. результат большей латентизации преступности из-за нестабильной политической ситуации. При этом латентизация преступности естественно больше всего касается корыстной преступности).

Исходя из социально-экономической, политической, правовой ситуации, складывающейся ныне в Армении, можно предположить, что и далее *доля корыстной преступности будет расти, в связи с чем доля насильственной и корыстно насильственной–уменьшаться, но это не означает ее абсолютного снижения.*

Для оценки объективного состояния преступности важное значение имеет также выявления доли рецидивной преступности. Официальная статистика показывает увеличение доли рецидивной преступности в Армении за последние годы. В 1987 г. 9,6% преступлений было совершено ранее судимыми, 1988 г.–17,4%, в 1989 г.–16,3%, в 1990 г.–11,4%. Снижение доли рецидивной преступности наблюдается до половины 90-х годов. После этого начинается рост: если в 1996 г. ранее судимыми было совершено 9,2% преступлений, то в 1997 г.–10,9%, в 1998 г.–12,9%, в 1999 г.–18,5%, в 2000 г.–18,4%, в 2001г.–17,1, в 2002г.–18,9, в 2003г.–17,8, в 2004г.–17,3, в 2005г.–14,9. Среднегодовой темп прироста рецидивной преступности составил +15,3.

Рост доли рецидивной преступности невозможно оценить однозначно. Невозможно и с уверенностью сказать, что официальная статистика отражает действительность.

Рост доли рецидива с одной стороны показывает, что постепенно сокращается первичная преступность, а значит, в криминогенных факторах происходят положительные процессы. Можно предположить, что в обществе не возникают новые криминогенные факторы, а ранее существующие постепенно нейтрализуются. С другой стороны с ростом доли рецидивной преступности повышается общественная опасность преступности за счет повышения профессионализма и организованности. Другим негативным моментом роста рецидивной преступности является тот факт, что рецидивисты–активные носители и распространители традиций преступной и иной антисоциальной среды. По примерным оценкам, рецидивист способствует переходу на преступный путь в среднем 3-8 человек¹.

Анализ тенденций рецидивной преступности в Армении показывает, что снижение ее доли приходится на тот промежуток, когда наблюдается рост уровня преступности (1989-1992 г. г.), и наоборот–рост рецидивной преступности наблюдается тогда, когда уровень преступности снижается (1996-1999 г. г.). Это, на первый взгляд, подтверждает ту мысль, что рост уровня рецидивной преступности свидетельствует о нейтрализации или ослаблении тех криминогенных факторов, которые детерминируют первичную преступность. Однако, надо учитывать, что наличие изменений обратного характера по сравнению с первичной преступностью может быть результатом колебания в уровне раскрываемости и латентизации преступности. Динамика общей и рецидивной преступности, а также раскрываемости в Армении дает возможность констатировать следующую закономерность: **при снижении абсолютного числа преступлений растет раскрываемость и доля рецидивной преступности.** Проиллюстрируем сказанное цифрами. В 1987 г. было зарегистрировано 7213 преступлений, рецидив составил 9,6%, в 1988 г.– 6324 преступлений, рецидив –17,4%, в 1989 г.– 8415 преступ-

лений, рецидив – 16,3%, в 1990 г.–12110 преступлений, рецидив – 11,4%. Возьмем другой промежуток времени: в 1996 г. зарегистрировано 12479 преступлений–рецидив составил 9,2% (раскрываемость–78,9%), в 1997 г.–12355 преступлений, рецидив–10,9% (раскрываемость 84,8%), в 1998 г.–10761 преступлений, рецидив–12,9% (раскрываемость 85,1%), в 1999 г.–10056 преступлений, рецидив–18,5% (раскрываемость 83,4%), в 2000 г.–12050 преступлений, рецидив–18,4% (раскрываемость 83,8%), в 2001г.–11483 преступлений, рецидив–17,1% (раскрываемость 84,6%), в 2002г.–12074 преступлений, рецидив–18,9% (раскрываемость 84,2%), в 2003г.–11073 преступлений, рецидив–17,8% (раскрываемость 82,7%) в 2004г.–10083 преступлений, рецидив–17,3% (раскрываемость 84,7%). Можно предположить, что снижение числа официально зарегистрированных преступлений, с небольшими исключениями в отдельные годы, результат латентизации преступности и политики «управления» преступностью правоохранительными органами. Поэтому судить о реальной доле рецидивной преступности и тенденциях ее развития по официальной статистике бессмысленно. Можно лишь предполагать, что уровень рецидивной преступности действительно растет. Это предположение основывается на анализе факторов, способствующих росту рецидивной преступности. Такими факторами являются: 1) неуправляемая миграция населения, и в связи с этим, их социальная и бытовая неустроенность, 2) низкий уровень профилактической работы правоохранительных органов, 3) безработица и вытекающее из нее нежелание принимать на работу лиц, отбывших наказание, 4) недостатки в работе органов, исполняющих наказание, 5) отсутствие надлежащего социального контроля за поведением лиц, отбывших уголовное наказание, 6) бытовая и трудовая неустроенность многих лиц, освобожденных из мест лишения свободы, негативно влияющая на процесс их социальной адаптации и т. д.¹.

Влияние вышеуказанных факторов в Армении в настоящее время более усилилось.

¹ См.: Агамов Г. Правовые и социальные проблемы предупреждения рецидивной преступности. журнал Уголовное право, 2001 N 3, с. 85-86.

¹ См.: Криминология. изд. Московского университета. М., 1994, с. 334.

Причиной тому, во-первых, миграционные процессы. В 80-е годы наблюдался большой приток сельского населения в города (в среднем в году 10-11 тыс. человек). С конца 1988 г. ситуация изменилась. Тяжелая социально-экономическая ситуация в республике прежде всего повлияла на город. В результате начался обратный процесс-приток городского населения в село (в 1991-1993 г. г. от 8 до 12 тыс. человек в год)¹. Однако ни в том, ни в другом случае миграция не была управляема, ни коим образом не находилась в поле внимания властей. Большинство сельского населения в городе так и не обстроилось, а многие гаража не в селе потерпели крах².

Во-вторых, как уже отмечалось, ныне работает всего 7% промышленных предприятий республики, а значит обеспечить работой мигрирующее население и лиц, освобожденных от несения наказания, не возможно.

В-третьих, у государства нет средств ни для обеспечения нормального быта осужденных, ни для организации их работы и учебы. В такой ситуации говорить о воспитательной роли наказания не возможно.

Вышеизложенное позволяет предположить, что в течение по крайней мере ближайшего десятилетия уровень рецидивной преступности будет расти. Есть все основания полагать, что и доля рецидивной преступности растет. Однако, в случае Армении это не дает основания полагать, что криминогенные факторы, детерминирующие первичную преступность, ослабли или нейтрализуются. Если даже доля рецидивной преступности растет, то за счет того, что республику покинула и продолжает покидать огромная часть населения. При этом, в основном республику покидают в социально-экономическом отношении необустроенные, а значит те, которые потенциально могли пополнить «армию» первичных преступников.

То, что детерминанты первичной преступности не утратили свое воздействие подтверждается и тем, что в последние годы наблюдается рост преступности несовершеннолетних.

¹ См.: Ходжабекян В.Е. Указ. соч. с. 325-330.

² См.: Там же, с. 326-327.

Динамика преступности несовершеннолетних показывает тенденцию устойчивого роста:

Таблица 3

(динамика преступности несовершеннолетних)

годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
прест.	436	379	420	502	741	589	588	610	554	520	553	557	557

Как видно из приведенных данных, самым неблагополучным был 1997 год, после этого уровень преступности несовершеннолетних как будто снижается. Однако, за последние годы опять наблюдается рост уровня преступности несовершеннолетних.

Кроме этого, как уже отмечалось выше, есть все основания полагать, что в 1998 и 1999 гг. вырос уровень латентности. Если анализировать динамику преступности несовершеннолетних по коэффициентам то получится следующая картина:

Таблица 4

(динамика преступности несовершеннолетних по коэффициентам на 100 тыс. населения)

годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
прест.	11,6	11,0	11,1	13,2	19,5	15,6	15,5	16,0	15,3	15,2	15,3	15,4	15,4

Надо учитывать еще и то, что преступность несовершеннолетних по сравнению с преступностью совершеннолетних характеризуется большей латентностью. Кроме этого, как уже отмечалось ранее, год за годом численность населения республики все более снизилась.

О неблагоприятных тенденциях, происходящих в преступности несовершеннолетних в Армении свидетельствует и динамика некоторых тяжких преступлений, совершаемых ими. Так, если в 1993г. несовершеннолетними было совершено 5 убийств и 1 покушение на убийство, то в 1998г.– 7 убийств и 2 покушение, в 1999г.– 5 убийств и 5 покушение, в 2000г.– 3 убийств и 3 покушение. Количество краж выросло по сравнению с 1993г. почти в полтора раза. Участились случаи совершения преступлений с применением оружия (в 1998г. 18 случаев, в 1999г.– 23).

О неблагоприятных тенденциях преступности в Армении свидетельствует также рост групповой преступности. С 1995г. до 2004г. она выросла в 1,6 раза (593–в 1995г., 961–в 2004г.). Среднегодовой темп прироста групповой преступности составил +13,9. Это свидетельствует о росте организованности преступности.

Важной характеристикой преступности является доля тяжких преступлений в общем массиве преступности.

Официальная статистика показывает снижение их доли в преступности до 2003г. В 1990г. доля тяжких преступлений составила 56,6%, в 1992г.–29,3%, в 1993г.–45%, в 1994г.–29%, в 1995г.–23%, а в 2000г.–12%, в 2001г.–9,4%, в 2002г.–8,4%,. Однако эти данные вызывают сомнение. Может быть, что в связи со все больше ухудшающейся социально–экономической обстановкой и все большей криминализацией населения растет уровень менее тяжких преступлений и доля тяжелой преступности уменьшается. С другой стороны, вышеуказанные данные могут быть и результатом все большей латентизации тяжких преступлений (из 72 случаев незарегистрированных преступлений в 1999г. и первого полугодия 2000г. 14 (19,4%) были тяжкими преступлениями). С 2003г., после вступления в силу нового УК РА, доля тяжких и особо тяжких преступлений растет. Так, в 2003г. она составила 20%, в 2004г.–34,5%, а в 2005г.–36,8%. Хотя из-за новой классификаций преступлений в новом УК РА статистика тяжких и особо тяжких преступлений несопоставима с данными до вступления нового УК в силу, однако от этого суть происходящего не так уж изменяется–доля тяжких и особо тяжких преступлений, в течении действия нового УК, растет.

Несмотря на неблагоприятную криминологическую обстановку уровень преступности в Армении традиционно низок по сравнению с другими странами СНГ да и мира. И хотя одним из причин такого положения может быть низкий уровень регистрации преступлений, однако мне кажется, что в действительности в Армении уровень преступности сравнительно низок¹.

Причиной этому, на мой взгляд, могут быть следующие явления:

1) **территория.** Армения маленькая страна. На маленькой территории осуществление социального контроля легче;

¹ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века, с. 121-122.

2) **достаточно сильный неформальный контроль.** Несмотря на сложности переходного периода в Армении сохранился достаточно сильный неформальный контроль (контроль семьи, соседей, родственников, трудовых коллективов). Особенно важную антикриминогенную роль играет армянская семья. Несмотря на то, что в последнее время увеличилось число разводов, семья остается одной из главных ценностей для армянина, а любовь армянина к детям зачастую принимает форму жертвенности;

3) **национальный состав.** Армения мононациональная страна (около 97% населения–армяне), поэтому здесь отсутствует межнациональный конфликт культур;

4) **национальная культура.** Несмотря на вторжение в армянское общество западной культуры здесь достаточно сильны именно позиции национальной культуры. Армянам удалось избежать полной западнизации, особенно в сфере межличностных отношений и нравов. Например, эмансипация армянской женщины происходит очень медленно, конфликт между поколениями не такой острый, и т. д.

Несмотря на вышесказанное настораживают тенденции развития армянского общества. Массовый отток населения, постепенное внедрение западной культуры (армяне очень восприимчивы к другим культурам), дальнейшее социально-экономическое расслоение общества, увеличивающаяся безработица и бедность, в купе с некоторыми негативными чертами армянского менталитета (индивидуализм, отсутствие национальной доктрины, тот факт, что армянин не государственный и т. д.¹)–те факторы, которые могут детерминировать дальнейший рост преступности.

§2. Мотивационные особенности преступности переходного периода

Преступление, как способ удовлетворения потребностей, есть психологический акт человеческого поведения. Поэтому для понимания его сути очень важное значение имеет анализ мотивации преступного поведения. Как справедливо замечает В.В. Лунеев, криминоло-

¹ См.: Левон Мелик-Шахназарян Характер Армянского народа, на арм. языке, Ереван, 1999, с. 73-93.

гическую суть преступлений составляет их мотивация, которая в субъективной форме отражает всю совокупность объективных причин и условий. Криминальная мотивация полнее и точнее отражает социальную сущность криминологической обстановки¹.

В таком случае очевидно, что социальные, экономические, идеологические, политические, правовые и другие преобразования, происходящие в обществе, не могут не повлиять на мотивацию человеческого поведения вообще и преступного, в частности. Значит исследование мотивационных особенностей преступности переходного периода—это одновременно и исследование причинного комплекса преступности.

Прежде чем приступить к анализу мотивационных особенностей преступности в Армении в переходный период, важно определить понятие мотивации. Дело в том, что ни в психологии, ни в криминологии нет единого понятия данного явления. Перечислить разные определения мотивации не имеет смысла—они достаточно подробно проанализированы в психологической и криминологической литературе. Поэтому остановлюсь лишь на тех исходных положениях, которые взяты мною в качестве рабочего понятия мотивации.

В первую очередь надо отметить, что все определения мотивации можно отнести к двум направлениям. Первое рассматривает мотивацию со структурных позиций, как совокупность факторов или мотивов.² Второе направление рассматривает мотивацию не как статичное, а динамическое образование, процесс, механизм³.

В обоих случаях возникают одни и те же вопросы: 1) является ли мотивация вторичным по отношению к мотиву образованием, или наоборот; 2) можно ли сводить мотивацию к мотивам. Ответы на поставленные вопросы более чем важны. Например, если исходить из того, что вторична мотивация, то можно констатировать, что она

¹ См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991, с. 10.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Мотивация преступлений и тенденции ее изменения //Вопросы советской криминологии (материалы науч. конф.). М., 1976. Ч.2, с. 3, Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982, Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969, с. 12.

³ См.: Лунеев В.В. Указ. соч. с. 27-32, Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.

выступает как средство или механизм реализации уже имеющихся мотивов. Например, В. А. Иванников считает, что процесс мотивации начинается с актуализации мотива¹. Такой подход основательно критиковался в психологической литературе на том основании, что в таком случае мотивация выступает как средство или механизм реализации уже имеющихся мотивов².

Если же исходить из того, что вторичным является мотив, то придется констатировать, что все элементы или этапы мотивации так или иначе входят в структуру (содержание) последнего. Косвенно эта идея была выдвинута В.В. Лунеевым, который, связывая начало процесса мотивации с актуализацией потребности и формированием мотива, в то же время подчеркивает, что дальнейшее формирование и трансформация мотива связаны с целеобразованием и другими элементами или этапами, являющимися условными единицами криминологического анализа, в процессе развертывания которых потребность все более актуализируется, а мотив опредмечивается и конкретизируется³.

О стадийности формирования мотива (мотивационного процесса) говорится и в психологической литературе. При этом отмечаются три стадии его формирования. Первая – **принятие стимула** (возникновение первичного, абстрактного мотива). В этой стадии потребность актуализируется, появляется абстрактная цель, что ведет к формированию побуждения, поиску конкретного предмета удовлетворения потребности. Появление же побуждения означает конец формирования первичного (абстрактного) мотива.

Вторая стадия – **поисковая активность**, связана с мысленным перебором конкретных предметов удовлетворения потребности и условий их получения. На этом этапе осуществляется выбор цели и путей ее достижения – с учетом многих факторов: внешних условий, имеющихся знаний, умений и качеств, нравственных норм и ценностей, предпочтений и уровня притязаний.

¹ См.: Иванников В.А. Формирование побуждения к действию //Вопросы Психологии. М., 1985, N 3.

² См.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000, с. 65.

³ См.: Лунеев В.В. Указ. соч., с. 27-28.

Третья стадия формирования мотива – *выбор конкретной цели и формирование намерения ее достичь*. На этом этапе возникает намерение достичь цели, побуждение воли, выражающееся в сознательном, преднамеренном побуждении к действию. С возникновением этого побуждения заканчивается формирование конкретного мотива¹.

Таким образом, мотивацию можно рассматривать как процесс формирования мотива. Именно такое ее понимание достаточно распространено и в криминологии².

В данном случае очевидно, что мотив нельзя сводить к побуждению, которое является лишь одной стороной мотива, определенным состоянием готовности к началу действия. Надо отметить, что многие психологи, особенно в последнее время, критикуют монистические представления о мотиве. В. А. Аверин по этому поводу пишет: “Когда ищут ответ на вопрос, “что же такое мотивы”, нужно помнить, что это одновременно ответ на вопросы: “зачем”, “для чего”, “почему”, “отчего” человек ведет себя именно так, а не иначе”. Чаше всего бывает так, что то, что принимают за мотив позволяет ответить только на один или два из перечисленных вопросов, но никогда на все. Это снижает объяснительный потенциал даваемого определения и психологи приступают к поиску другого, более адекватного поставленной задаче”³.

Е. П. Ильин отмечает, что определение мотива как побуждения показывает лишь его энергетическую сторону. Между тем мотив сложное, интегральное, системное психическое образование, в структуру которого входят потребности, интересы, склонности, знания, ценностные ориентации, нравственные установки, цели, а также пути и средства их достижения. Автор выделяет в структуре мотива три блока:

– *потребностный*, включающий в себя биологические, социальные потребности и долженствование;

– *блок внутреннего фильтра*, который включает предпочтение по внешним признакам, предпочтение внутреннее (интересы и склонности), декларируемый нравственный контроль (убеждения, идеалы,

ценности, установки,), недекларируемый нравственный контроль (уровень притязаний), оценка своих возможностей (т.е. знаний, умений, качеств), оценка своего состояния в данный момент, учет условий достижения своих целей, предвидение последствий своих действий;

– *целевой блок*, куда входят потребностная цель, определенное действие и сам процесс удовлетворения потребности (последние два из них, на мой взгляд, вряд ли являются компонентами мотива – А. Г.). В состав мотива могут входить один или несколько компонентов из того или иного блока, один из которых может играть главную, а другие – вспомогательную, сопутствующую роль¹.

Такое понимание мотива, на мой взгляд, более правильно отражает суть этого психологического явления. Ведь если определить мотив только как побуждение к деятельности, то тогда он превратится в слепое, безличное психологическое явление, которое активизирует человека, но не определяет ни направленность, ни характер, ни содержание человеческой деятельности. Между тем мотив играет не только побудительную но и направляющую, регулятивную (управляющую), контролирующую, смыслообразующую, отражательную функции². Значит мотив не сводим не только к побуждению, но и к другим психологическим явлениям. Скажем, потребность побуждает, активизирует, но не направляет. Ведь одну и ту же потребность можно удовлетворять различными средствами и путями. Цель направляет, но не отвечает на вопрос: почему же человек действует? Видимо только понимание мотива, как интегрального, системного явления, дает возможность рассматривать его как основание, смысл человеческой деятельности.

Надо сказать, что косвенно такое понимание мотива присутствует и в криминологической литературе. В коллективном труде «Криминальная мотивация» отмечается, что о мотиве преступления можно говорить только тогда, когда уже появились или по крайней мере формируются иные элементы преступного поведения – объект, предмет, цель или средство достижения преступного результата³.

¹ См.: Ильин Е.П. Указ. соч., с. 77-82.

² См.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981, с. 115, Механизм преступного поведения. М., 1981, с. 39.

³ См.: Аверин В.А. Психология личности. учебное пособие. СПб., 1999, с. 61.

¹ См.: Ильин Е.П. Указ. соч., с. 116-120.

² См.: Аверин В.А. Указ. соч., с. 64, Ильин Е.П. Указ. соч., с. 122-125.

³ См.: Криминальная мотивация. М., 1986, с. 12.

В литературе говорится также о связи мотивов с устойчивыми чертами личности преступника и о том, что мотив преступления получает свою конкретную определенность, психологическую форму и правовую значимость только в связи с конкретными условиями жизнедеятельности личности преступника, с конкретными ситуациями¹.

Более того, в некоторых криминологических исследованиях обосновывается, что средства и пути достижения целей могут иметь смысловое значение².

Подводя итоги можно констатировать, что мотивация – это динамический процесс формирования мотива, а последний – результат мотивации. Мотив – сложное, интегральное, системное образование, в структуру которого входят потребности, интересы, цели, пути их достижения, ценностные ориентации, идеалы, убеждения личности. В мотивах отражается системообразующее качество личности – ее направленность, в которой выражается содержательный, качественный момент потребностно-мотивационной сферы личности, как совокупности всех потребностей, мотивационных образований и личностных черт, которые формируются и развиваются в течение жизни³.

Так как в мотиве отражается личность, ее настоящее, прошлое и будущее, то рамки мотивации не ограничиваются лишь психологическим процессом формирования мотива и включают в себя в снятом (интериоризированном) виде непосредственные и опосредованные, ближайшие и отдаленные причины его формирования, т. е. личность и среду в их динамическом взаимодействии⁴.

В свете вышеизложенного надо отметить, что исследование особенностей мотивации преступности, динамики мотивации – это прежде всего и главным образом исследование изменений содержания отдельных структурных элементов мотива (потребностей, целей, ценностных ориентаций и т.д.), а также изменений, происходящих во внешних условиях мотивации. В то же время надо подчеркнуть о преемственности

¹ См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974, с. 68.

² См.: Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995.

³ См.: Аверин В.А. Указ. соч. с. 71.

⁴ См.: Лунеев В.В. Указ. соч., с. 34.

мотивационных образований. Ведь потребности, интересы, идеалы, ценностные ориентации у большинства членов нашего общества в основе своей были сформированы в допереходный период.

Анализ изменений в структуре мотивов начну с потребностного блока в который, как уже отмечалось, входят биологические, социальные потребности и долженствование.

Происходящие в республике социально-экономические, политические, идеологические процессы не могли не отразиться на потребностях людей. И здесь главную, основную роль играют социально-экономические негативные явления и процессы – обнищание масс, имущественное расслоение общества, окорыствование общественных отношений, как результат внедрения ценностей рыночной экономики и формирования потребительской психологии.

Как уже отмечалось, 86,3% населения республики можно считать бедным. При этом около 55% живет за чертой бедности, а в социальной помощи нуждается 68,53%. Острой проблемой стала безработица, коэффициент которой растет год за годом (учитывая только зарегистрированных безработных – 10,8 в 1997г., 11,7 в 2000г.).

В такой ситуации в структуре преступности резко увеличился удельный вес мотивов, связанных с материальной нуждой. Об этом косвенно свидетельствуют данные о среднегодовом темпе прироста таких корыстных преступлений, которые больше связаны с потребностью материальной нужды. Так, среднегодовой темп прироста краж личного имущества с 1993 по 2000гг. составил +4,7, а если не считать 1998г., как год наибольшей латентизации преступности, то +18,2; среднегодовой темп прироста мошенничества составил +38, грабежей личного имущества +12,4.

О росте удельного веса мотивов, связанных с материальной нуждой, свидетельствуют и данные о контингенте лиц, совершающих преступление. Так, в 1999г. безработные составили 50,6%, а в 2000г. – 52,6% этого контингента. О вышеуказанной тенденции свидетельствует и тот факт, что среди лиц, совершивших преступление, наибольшей криминальной активностью отличаются лица от 30 до 49 лет. Доля указанной возрастной группы в контингенте преступников в последние годы составила в среднем 28%, и это не случайно. По сведениям Гос-

комстата РА именно эта возрастная группа занимает первое место среди безработных—61,4%. Между тем именно в этом возрасте человек больше всего ощущает на себе бремя ответственности за семью. Если учесть, что для армянина семья важнейшая ценность, то прояснится одна из причин криминальной активности указанной возрастной группы.

Я предполагаю, что по мотивам, связанным с материальной нуждой, совершаются от 40 до 50% преступлений. К такому мнению приводят данные об удельном весе безработных в контингенте преступников (в среднем 50%), и о доле лиц, не имеющих постоянных доходов (от 3 до 5%). Аналогичного мнения придерживаются и работники правоохранительных органов (по результатам проведенного мною опроса работники этих органов 50% случаев совершения преступлений связывают именно с материальной нуждой).

Говоря о материальной нужде и бедности, как об элементах мотивации преступлений, невозможно обойти проблему субъективной бедности. Бедность определяется количественными и качественными критериями, которые измеряются при переходе от одного общества к другому. Но и внутри одного и того же общества они, по-видимому, различны, так как, например, два человека с одинаковым материальным положением могут оценивать свое состояние по разному. Именно мнение личности по этому поводу берется за основу в концепции субъективной бедности. В рамках данной концепции выделяется субъективная черта бедности, которая оценивается как «субъективная оценка того минимального уровня потребления для каждого индивида, ниже которого он ощущает себя бедным»¹.

По данным социологического исследования эта величина в Армении имеет тенденцию к возрастанию². И это, на мой взгляд, более тревожно. Ощущение бедности имеет более сильное мотивирующее значение, чем объективная бедность. Социально—психологические исследования показывают, что эмоциональные и мотивационные состоя-

ния колеблются в зависимости от чрезвычайно ситуационных или «локальных» изменений жизненных обстоятельств, а не от абсолютного уровня удовлетворения потребностей¹. Кроме того, оценка людьми самих себя, по существу, основана на сравнении. Люди считают себя талантливыми или бесталантными, богатыми или бедными, здоровыми или больными, сравнивая себя с другими².

Таким образом, ощущение бедности зависит, по меньшей мере, от двух факторов: 1) сравнения с прошлым состоянием человека, 2) сравнения с другими людьми или группами. В Армении они оба имеют очень сильное мотивирующее значение. В советские времена Армения по благосостоянию населения занимала одно из первых мест в Союзе. Ныне по этому показателю республика занимает одно из последних мест среди государств СНГ. Резкий контраст усиливает ощущение бедности. Что касается сравнения с другими людьми или группами, то можно констатировать сильно фрустрирующее влияние последнего. В Армении небывалых размеров достигло социально-экономическое расслоение общества—коэффициент Джинса в 1999г. составил 0,593, а в 2003г. 0,438, разрыв в уровне доходов 10% населения с самыми низкими доходами и 10% населения с самыми высокими доходами в 2003г. достиг 20-кратного размера. У богатых сконцентрированы огромные денежные средства, которые не то, что не скрываются, а наоборот, наглядно демонстрируются. Это еще более усугубляет нравственно-психологический кризис в обществе, тем более, что богатство-то в основном накоплено в результате незаконной, преступной деятельности.

Другим важным изменением, происходящим в системе потребностей, является распространение так называемых гипертрофированных потребностей среди богатых. Важную роль здесь играет заимствование западного образа жизни, рекламируемого телевидением, кинематографом, другими средствами информации. Мотивирующее значение в этом плане имеет также очное знакомство с подобным образом жизни, в силу расширения возможностей.

¹ См.: Изменяющееся общество. Под ред. Л.А. Арутюняна (на арм. языке). Ереван, ЕГУ, 1997, № 1–2, с. 45.

² Там же, с. 107.

¹ См.: Л. Росс, Р. Нисбетт. Человек и ситуация. М., 1999, с. 127.

² Там же, с. 128.

Вышеуказанные гипертрофированные потребности связаны с предметами роскоши, автомобилями, отдыхом за границей, покупками недвижимости и т.п. Жажда накопления денег и материальных ценностей достигла небывалого уровня. Богатые не ограничиваются одной автомашиной, одним роскошным особняком, которые напоминают дворец.

Ранее я уже отмечал, что одним из антикриминогенных факторов в Армении является жертвенная любовь к детям, а также тот факт, что семья – одна из главных ценностей для армянина. Однако в плане корыстной мотивации эти же факторы играют совершенно обратную, негативную роль. Ради семьи и детей армянин готов на все, в том числе на преступление (частично и этим можно объяснить ранее отмеченную криминальную активность лиц в возрасте от 30 до 49 лет). Эти же факторы играют огромную роль в деле формирования гипертрофированных потребностей. Например, одним из целей накопления денег и материальных ценностей является обеспечение беззаботного будущего для потомков.

Кроме того, накопление денег и материальных ценностей ныне все больше и больше служит достижению таких целей, возникновение которых обусловлено переходом общества к рыночной экономике и формирующимся на этой основе новым экономическим, политическим, управленческим отношениям. Это и выделение кредитов, и лоббирование групповых интересов, и получение политической власти, и монополизирование отдельных отраслей хозяйства и т.д.

В связи со сложившейся ситуацией мотивы, связанные с потребностью просто материального благополучия и комфорта, несколько уступили свое место в системе потребностей.

Можно констатировать, что в системе потребностей населения образовалось два противоположных полюса – с одной стороны материальная нужда, с другой – гипертрофированные, завышенные материальные потребности. Аналогично в мотивации преступности наблюдается рост удельного веса корыстной мотивации, сопровождаемый поллярными изменениями в самой корыстной мотивации.

Заметные изменения происходят и в той сфере потребностей, которые мотивируют насильственную преступность.

Насильственные преступления в основном связаны с потребностями самоутверждения и самосохранения. В мотивации насильственных преступлений, связанных с неудовлетворенными потребностями самоутверждения и самосохранения главную роль играют такие психологические явления, как фрустрация и связанная с ней агрессия.

Фрустрацией называют состояние дезорганизации сознания и деятельности, возникшее, когда вследствие каких-либо препятствий и противодействий мотив (вернее потребность–А. Г.) остается неудовлетворенным или его удовлетворение тормозится¹.

Человек, будучи фрустрирован, испытывает беспокойство и напряжение, чувства безразличия, апатии и утраты интереса, вину и тревогу, ярость и враждебность, зависть и ревность и т. д.

Некоторые криминологические исследования, проведенные в Армении, показали, что около 2/3 насильственных преступлений, совершенных в сфере досуга в крупных городах Армении, носят ситуативный характер и являются результатом фрустрации². О том, что одним из главных элементов в детерминации насильственных преступлений является фрустрация, свидетельствует и тот факт, что в структуре этих преступлений очень высок удельный вес преступлений, совершаемых по хулиганским мотивам и в сфере семейно-бытовых отношений. Криминологические исследования, проведенные в Армении показали, что 16,3% убийств совершаются по хулиганским мотивам, 30,6%–в сфере семейно-бытовых отношений, 7,4%–при разбойном нападении, 3,5% сопряженные с изнасилованием, 14,5% из корыстных побуждений, 26%–иные убийства³. Важно отметить также, что лишь в 63% случаев предшествовавшая совершению преступления ситуация была объективно конфликтной. В остальных же случаях повод к убийству либо

¹ См.: Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971, с. 100.

² См.: Джангирян Г.В. Социокультурные факторы досуговой преступности.–В кн.: Материалы VII конференции молодых научных работников Института философии и права АН Армянской ССР. Ереван, 1982.

³ См.: Аракелян С.В. Убийства в сфере семейно-бытовых отношений и их предупреждение (по материалам Республики Армения), дисс. на соиск. учен. степени кандидата юридических наук. Ереван, 1999. с. 21.

вообще отсутствовал, либо явно не соответствовал действиям потерпевшего¹.

Криминологическими исследованиями установлено также, что некоторым типам насильственных преступников (убийцы, хулиганы и др.) свойственно накопление психического напряжения, которое нередко выливается в агрессивные действия. Само это напряжение является результатом неверного осознания ценности собственного "я", когда индивид подолгу носит в себе чувство неполноценности, неудовлетворенности, которое может укорениться в сознании настолько, что сам индивид не осознает его, но в то же время всегда готов к самоутверждению при помощи средств, которыми располагает².

В плане интересующей меня проблемы важно отметить и то, что обыденному сознанию свойственно связывать ценность человека как личности в первую очередь не с личностными качествами, а со статусными признаками. Кроме того, личное понимание жизненного успеха у большинства членов нашего общества связывается с признаком материальной обеспеченности (93% опрошенных).

В свете вышесказанного очевидно, что переход к рыночным отношениям, кризис во всех сферах жизни, окорыствование общественных отношений привели к снижению ценности личности как таковой. Обнищание масс, безработица, небывалое социально-экономическое расслоение, имеющие сильное фрустрирующее воздействие, не могли не привести к чувству ущемления собственного достоинства, неполноценности и неудовлетворенности, а следовательно, и к росту агрессии. Бедность, нищета, социальная напряженность порождают у человека ощущение незащищенности, хрупкости существования, он постоянно испытывает страхи, беспокойство и неуверенность, окружающий мир внушает тревогу и от него ожидается нападение. Отсюда и проистекает агрессия, как форма защиты от реальной или чаще надуманной угрозы, причем эта защита становится постоянной позицией личности³.

¹ Там же, с. 23.

² См.: Ениколопов С.М. Некоторые результаты исследования агрессии.—В сб.: Личность преступника как объект психологического исследования. с. 100.

³ См.: Антонян Ю.М. Актуальные проблемы насилия в российском обществе. // Уголовное право. М., 2000, N 3, с. 65.

Надо отметить, что если на начальном этапе перехода к рыночным отношениям, когда происходили передел собственности, борьба за власть, становление нового класса собственников, в насильственной преступности вырос уровень корыстной и политической мотивации (большинство заказных убийств в Армении произошло в течение первых 3-4 лет становления рыночной экономики), то в последующем политическая мотивация начала уступать свое место (хотя полностью не исчезла).

Насильственная преступность все больше превращается в ситуативную. Об этом свидетельствуют статистические данные о росте хулиганства и нанесения телесных повреждений, а также то, что все больше убийств заканчиваются на стадии покушения. Так, если в 1990г. 12,3% убийств заканчивались на стадии покушения, то в 1998г.—35,8%, в 2000г.—28,1%, в 2005 г.—43%.

Мне кажется дело в том, что в течение более или менее длительного периода в Армении не наблюдается улучшения ситуации ни в одной из сфер жизни общества. Переходный период чрезмерно затянулся, а благоприятных изменений нет. В подобной ситуации многие оказались в состоянии апатии (если в первые годы построения рыночной экономики они питали какие-то надежды, то теперь уже утратили их). Крушение жизненных планов, потеря смысла жизни, отсутствие надежды на улучшение формируют не только апатию, но и пессимизм, увеличивают тревожность, что приводит к озлобленности и враждебности в межличностных отношениях.

Таким образом, в переходный период, на фоне кризисных явлений, все больше актуализируются потребности самоутверждения и самосохранения, что таит в себе угрозу роста агрессивных проявлений. Поэтому, как мне кажется, и об этом я уже отмечал, время от времени можно ожидать всплеска насильственной преступности, и довольно ощутимого. При этом можно ожидать и нарастания общественной опасности этих преступлений. Скажем, убийства с особой жестокостью или серийные убийства не были свойственны Армении, но в последнее время участились случаи совершения первых.

Кроме потребностей самоутверждения и самосохранения, в результате окорыствования общественных отношений и формирования

потребительской психологии в мотивации насильственных преступлений все больше растет удельный вес материальных потребностей. Криминологические исследования последних лет подтверждают, что мотивы насильственных преступлений смещаются в сторону корысти¹.

Динамика корыстно-насильственных преступлений в Армении свидетельствует о вышеуказанной тенденции. Так, по сравнению с 1994г. насильственные грабежи в последнее время увеличились в 2,5 раза, вымогательства почти в 3 раза. Несколько зигзагообразна динамика разбоев личного имущества. Пик абсолютного роста наблюдался в 1993г.–375 случаев. После этого наблюдается снижение до 1996г., затем рост в 1997 и 1998 г. г., а затем опять снижение. Аналогичная картина наблюдается и в связи с корыстными убийствами, что вполне закономерно ввиду того, что в подавляющем большинстве случаев разбой и убийство квалифицируются по совокупности. Что касается неравномерной динамики этих преступлений и некоторой тенденции снижения их уровня, то это, на мой взгляд, результат общей тенденции в преступности – увеличение корыстной мотивации и доли ситуативных преступлений в насильственной преступности. В такой ситуации уровень тех корыстно-насильственных преступлений, которые, если можно так сказать, более насыщены насилием, проявляет некоторую тенденцию снижения, однако, с потенциалом возможного роста в последующие годы.

Другим важным элементом мотива является цель. Цель–это осознанный образ превосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека². Если актуализированная потребность активизирует, стимулирует человеческое поведение, то цель ориентирует, наводит человека на достижение определенного результата.

Говоря о цели надо отметить, что у человека могут быть некие стратегические жизненные планы, реализация которых является главной целью субъекта. Я бы назвал такие цели стратегическими. Например, мои исследования целей должностных преступлений показали,

¹ См.: Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000, с. 150-151.

² См.: Психологический словарь. М., 1985, с. 588.

что такими стратегическими целями являлись обеспечение материального благосостояния, комфорта, накопление материальных ценностей для обеспечения беззаботного будущего потомков или для получения власти и т.п.

При наличии стратегических целей, жизненных планов вся основная деятельность субъекта подчиняется им. Это и определяет цели конкретных поступков, которые выступают как средство достижения вышеуказанных целей. Способы, средства и пути достижения жизненных планов сами могут выступить в качестве промежуточных целей. Например, человек, желающий достичь материального благосостояния, ставит перед собой цель получить такую должность, которая даст возможность заниматься хищениями или взяточничеством.

Надо отметить также, что у многих людей стратегические жизненные планы отсутствуют, и тогда их поступки направляются сиюминутными, тактическими целями. Как пишет В. В. Лунеев, они (цели – А. Г.) не отражают отдаленного будущего субъекта, перспектив его жизни, а часто и социальную значимость его прошлого. В таких случаях поступки субъекта определяются потребностями сегодняшнего дня, которые связываясь с ближайшими целями, характеризуют субъекта как раба объективной ситуации и психических состояний¹. Такая ситуация в основном присуща насильственным преступлениям и хулиганству, преступлениям, совершаемым по анархисто-индивидуалистической мотивации, хотя она может быть характерна и для некоторых корыстных преступлений (например, преступлений, совершаемых из материальной нужды).

В некоторых случаях сама деятельность или деяние может быть целью человека, когда он получает удовлетворение от самой деятельности или деяния. В большинстве случаев это происходит в случаях замещения цели, не достигаемой рациональными средствами; при бессознательной мотивации; аффекте и др². Однако надо отметить, что такая ситуация может иметь место и в некоторых случаях корыстных преступлений. Иногда мошенничество, финансовые махинации и т.п.

¹ См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. с. 72.

² См.: Кудряцев В.Н. Генезис преступного поведения. с. 106.

сами по себе доставляют удовольствие субъекту. В таких случаях преступника интересует не столько конечная, главная цель (получение материальной выгоды), сколько сам процесс преступления. Человек получает удовлетворение от «хорошо продуманной» махинации, мошеннической операции и т. д.

Таким образом цель, будучи регулятором человеческого поведения (в том числе преступного), может иметь несколько проявлений: жизненные планы, стратегические цели; промежуточные цели; промежуточные цели, как способ или средство достижения главных целей; само деяние, как самоцель.

Будучи силой идеальной, цели формируются под воздействием объективной действительности и отражают ее. Кроме того, формирование целей зависит и от личности. Как и в потребностях, в целях отражается человек, его ценностные ориентации, устремления, мировоззрение. На формирование целей влияют уровень притязаний человека, его интеллектуальные, волевые, физиологические, психологические, нравственные особенности.

Исследование целей преступлений позволяет констатировать, что в переходный период им присущи некоторые особенности.

Во-первых, подавляющее большинство преступников преследуют цели материального характера. При этом стратегические цели материального характера в основном присущи должностным и экономическим преступлениям, реже мошенничествам и некоторым корыстно-насильственным преступлениям. Тактические цели материального характера присущи кражам, корыстно-насильственным преступлениям.

Во-вторых, в течение переходного периода возрастает доля ситуативных преступлений, связанных с сиюминутными тактическими целями. Это в основном свойственно насильственным преступлениям и хулиганству. Их доля в преступности, по моим подсчетам, составляет около 18%. В первые годы переходного периода доля насильственных и корыстно-насильственных преступлений резко возросла. Однако тогда эти преступления как раз меньше были связаны с сиюминутными, тактическими целями. Как ранее уже отмечалось, в тот период многие из этих преступлений выступали в качестве одного из способов передела собственности, а иногда преследовали политическую цель. В после-

дующем все более очевидным стало влияние длительной фрустрирующей ситуации, сложившейся в обществе. Насилие и агрессия все чаще превращались в инструмент разрядки, освобождения от накопившегося напряжения.

В-третьих, из-за постоянной напряженности и стрессов, обусловленных экономическими трудностями, все более увеличивается доля тех целей, которые связаны с иррациональными потребностями и служат средством устранения напряженности: употребление алкоголя и наркотиков, азартные игры.

В-четвертых, увеличивается доля внешнего целеобразования, когда готовые, сформулированные цели в положительных или отрицательных образцах поведения задаются, предлагаются, а иногда и навязываются человеку извне¹. В этом решающая негативная роль принадлежит средствам массовой информации, кинематографу, телевидению, которые насыщены низкопробными произведениями, демонстрирующими культ насилия, порнографию, роскошный, но бессмысленный образ жизни.

Вышеуказанные цели преступного поведения присущи и социально-полезному поведению. Следовательно, отличие преступного поведения от правомерного не в главных целях поведения, а в способах и средствах их достижения (в промежуточных целях). Выбор того или иного способа или средства достижения цели зависит от ряда факторов, обобщение которых позволяет утверждать, что выбор путей, средств и способов достижения целей зависит от возможностей субъекта и особенностей ситуации. Возможности субъекта могут быть объективными и субъективными. В качестве объективных возможностей могут выступать, например, занимаемая должность, социальное, материальное положение, специальность, род занятий и т.п. Субъективными возможностями являются интеллектуальные и волевые способности, уровень знаний, физическое и психическое состояние, навыки, жизненный опыт, ценностные ориентации, моральные установки. Что касается особенностей ситуации, то здесь важно учитывать наличие или отсутствие различных средств достижения цели, а также необходи-

¹ См.: Лунеев В.В. Указ. соч., с. 70.

мого времени для выбора адекватного способа ее достижения, поведение других людей, общее нравственное состояние в микросреде или обществе в целом. При выборе путей, средств или способов достижения цели важную роль играет прогнозирование последствий выбираемого пути ее достижения. Здесь также учитываются многие факторы: нравственные критерии того или иного поступка, реакция других людей, последствия для самого субъекта.

Когда же преступление выбирается как способ достижения цели? В литературе отмечается, что преступный путь выбирается правонарушителем только тогда, когда он в рамках усвоенной системы ценностей представляется ему более коротким, экономным, скорым и выгодным по сравнению с правомерными путями достижения тех же целей¹.

В связи с этим представляется важным также обсуждение несоответствия или разрыва между целями и возможностями их достижения.

Как уже отмечалось, подавляющее большинство преступлений совершаются для достижения материальных целей. При этом в переходный период отмечается поляризация последних: почти половина преступлений совершается для удовлетворения минимальных, естественных потребностей; увеличивается доля целей, связанных с гипертрофированными потребностями.

Возможности достижения этих целей, в связи со складывающейся социально-экономической ситуацией в республике, все более ограничены. Я уже привел данные об уровне безработицы и бедности в Армении, о плачевном состоянии экономики. Даже те, у которых есть работа, из-за низкой зарплаты не в состоянии удовлетворить минимальные потребности. Работа по совместительству могла бы смягчить ситуацию, однако на фоне высокого уровня безработицы найти работу почти невозможно.

С огромными трудностями связана организация собственного бизнеса. Во-первых, для этого нужен первоначальный капитал. Во-вторых, из-за высоких налогов и неплатежеспособности населения малый бизнес в Армении связан с большим риском. В-третьих, бизнес монополи-

зирован несколькими кланами. В такой ситуации круг правомерных способов достижения целей значительно сужен. Это является одним из решающих факторов, детерминирующих выбор противоправных способов достижения целей.

Возможность удовлетворения потребностей и достижения целей ограничен даже для крупных бизнесменов. Правда эта ограниченность относительна. Здесь, как правило, можно говорить лишь об ограниченности возможностей удовлетворения гипертрофированных потребностей и связанных с ними целей, потому что законный и честный бизнес в условиях Армении редко дает такие возможности.

Что касается целей, связанных с потребностями самоутверждения, самозащиты, эмоциональной разрядки, то и здесь можно констатировать сужение круга правомерных возможностей. Вышеуказанные потребности и цели могут реализовываться различными способами: повышением знаний, навыков, достижением успехов в работе, занятием соответствующей интересам данного субъекта деятельностью, развлечением и т. д. Однако в условиях переходного периода подавляющее большинство граждан в Армении лишены таких возможностей. Соответствующий опрос показал, что около 70% населения не может развлекаться и проводить досуг так, как считает нужным, потому что услуги определенного характера им не по карману. В условиях длительной фрустрирующей ситуации такая обстановка может стать одной из детерминант насильственной преступности, она связана с ограничением возможности эмоциональной разрядки.

Выбору преступных путей, способов и средств достижения целей способствует также нравственная атмосфера общества.

Рыночная экономика привела к формированию потребительской психологии, усугублению индивидуализма и эгоизма, расширению почвы для действия механизмов психологической защиты (не один я, все так поступают; это был единственным способом и т.п.).

Результаты моих исследований, проведенных в первые годы переходного периода уже настораживали. Тогда около 80% опрошенных ответили, что личное благополучие важнее общественного (что наверно естественно), около 20% связывали счастье в первую очередь с материальным благополучием, около 80% считали, что на одной зарплате

¹ См.: Лунеев В.В. Указ. соч., с. 77.

не возможно прожить¹. Последний опрос дал следующие результаты: около 35% опрошенных связывали счастье в первую очередь с материальным благополучием, около 96% считали, что на одной зарплате не возможно прожить.

Результаты другого опроса, проведенного в первые годы переходного периода, показали, что около 60% граждан приняли бы взятку². При последнем опросе уже 76% опрошенных признались, что они готовы брать взятку. При этом взяточничество и другие корыстные преступления не осуждаются. Мои ранние исследования показали, что если большинство членов нашего общества пошли бы на должностные преступления ради удовлетворения своих потребностей, то не одобряли совершение краж, мошенничества, тем более преступлений, связанных с насилием. Но постепенно ситуация изменяется. В последнее время все больше людей не так уж осуждают совершение краж и мошенничества, хотя к насильственным преступлениям отношение не изменилось—они по прежнему, как правило, осуждаются. В переходный период, на фоне роста коррупции, разрушения системы социального и правового контроля над преступностью, все большей латентизации преступности, в целеобразовании и прогнозировании последствий выбираемого преступного варианта поведения еще более мотивобразующую роль играет расчет на безнаказанность. Особенно это относится к экономическим и должностным преступлениям. В частности, опрос осужденных за должностные преступления показал, что около 80% из них были уверены, что избегут наказания. Такая уверенность имеет объективные основания—вышеуказанные преступления все более латентизируются. При этом, основной причиной латентизации является коррупция в высших эшелонах власти и правоохранительных органах. По сути никакой реальной борьбы с подобными преступлениями не ведется. Об этом свидетельствуют данные официальной статистики о динамике должностных и экономических преступлений—с 1991 по 1996

г.г. экономические преступления сократились почти в 2,5 раза, взяточничество по сравнению с 1993 г.— в 1,5 раза, хищение путем присвоения — более, чем в 3 раза. Объективно такого не могло быть.

Рыночная экономика все более разнообразила виды экономической деятельности, увеличила число проблем, стоящих перед человеком, интенсифицировала жизнедеятельность людей. Все это привело к тому, что расширился круг противоправных способов достижения целей, а также тех сфер, где возможно применять эти способы и средства. Например, возрастающая роль банков, появление частных банков и фирм дает дополнительные возможности для преступной деятельности. Увеличение проблем расширяет круг возможностей для мошенников. Появление у части населения огромных денежных средств, занятие бизнесом формирует благоприятную почву для рэкеты. Не случайно, что среднегодовой темп прироста мошенничеств в 1993–2000 г.г. составил +38%, а вымогательств +30%.

Таким образом выбор противоправного, преступного способа достижения целей зависит от объективных и субъективных факторов, среди которых одну из решающих ролей играет несоответствие между потребностями и возможностями их удовлетворения. В связи с этим очевидно, что профилактика преступлений должна основываться на преодолении или смягчении данного несоответствия, а также на нейтрализацию влияния тех объективных и субъективных факторов, которые детерминируют такой выбор. И здесь решающее значение имеют изменения в объективных условиях жизнедеятельности общества. В конечном счете главное сводится к тому, чтобы расширить круг правомерных способов достижения целей. Однако этого не достаточно. Важно, чтобы правомерные способы достижения целей стали инструментальной ценностью. Но это весьма трудная задача, учитывая сегодняшнюю нравственную атмосферу в обществе. Есть и объективные трудности. Ведь это нормально, когда субъект стремится пользоваться такими способами или средствами достижения целей которые наиболее эффективны, экономны, надежны, быстроедейственны. Между тем правомерным способам люди дают следующие оценки: ненадежность, неопределенность, длительность пути движения к цели, грубость, затрата неоправданно большого количества энергии, низкие гарантии

¹ См.: Габузян А.А. Должностные преступления: криминологический и уголовно-правовой аспекты субъективной стороны. Ереван, 2000, с. 29, 30, 57.

² Там же, с. 32.

справедливого результата¹. К сожалению эти оценки часто совпадают с реальной действительностью. Очевидно, что надо задуматься над тем, как превратить правомерное поведение в действенную альтернативу противоправного.

В связи с этим уместно проанализировать ценностные ориентации.

Они отражают отношение лица к различным социальным ценностям и их иерархию по степени значимости для него². Ценностные ориентации—это ориентир личности, направленность выбора варианта поведения в социальной сфере³. Система ценностей человека—стержень его личности. Человек оценивается как личность в зависимости от того, на какие ценности он ориентируется, насколько его система ценностей совпадает с теми, которые общество признает в качестве наиболее важных⁴.

Полагаю, что именно ценностные ориентации играют решающую роль в генезисе преступного поведения. Дело в том, что любые потребности, даже гипертрофированные, в принципе можно удовлетворять правомерными способами, любых целей можно достичь правомерными способами. В то же время нормальные потребности могут быть удовлетворены неправомерными способами. И хотя разрыв между потребностями и возможностями их удовлетворения имеет огромное криминогенное значение, однако при сдерживающих компонентах в блоке нравственного фильтра (в ценностных ориентациях) человек может воздержаться от преступного способа удовлетворения потребностей, и наоборот, даже если между потребностями и возможностями их удовлетворения не будет разрыва, то при негативной ценностно-нормативной системе преступный способ удовлетворения потребностей будет более чем вероятным.

В литературе отмечается, что при совпадении системы базовых ценностей индивида, малых или больших социальных групп и домини-

рующей культуры (системы ценностей, которыми руководствуется большинство членов общества) в обществе царит относительная стабильность, в нем меньше конфликтов. Рассогласование системы ценностей индивида, социальных групп и общества является одной из причин отклоняющегося поведения.

Я не согласен с таким категоричным утверждением. Некоторые криминологические исследования показали, что чем ближе желаемая ценность к тем, которые тот или иной тип общества провозглашает в качестве основополагающих ценностей-целей, тем, при иных равных условиях, опаснее форма отклоняющегося поведения для существующего правопорядка¹.

В нынешних условиях в Армении как раз доминирующая культура, на мой взгляд, имеет более мощную криминогенную нагрузку. Для большинства членов общества в иерархии ценностей первое место занимают материальные ценности, под воздействием которых формируется потребительская психология, а обман, ложь, взяточничество становятся инструментальными ценностями. Если говорить о рассогласовании системы ценностей индивида, социальных групп и общества, то в моральном и правовом плане это рассогласование как раз в пользу отдельных индивидов и малых социальных групп. К стати, такое положение складывалось задолго до того, как наше общество вступило в период формирования рыночной экономики. Исследование, проведенное мною еще в начале 90-х годов показало, что такие провозглашаемые ценности, как коллективизм, честный труд, отрицание частной собственности и т.п., в нашем обществе не являлись реальными. Наше общество вступило в период формирования рыночной экономики с провозглашением перестройки с середины 80-х годов. Можно ли предполагать, что в течение менее, чем пяти лет ценностные ориентации членов нашего общества так резко изменились. На мой взгляд, нет.

Однако надо отметить, что хотя и до переходного периода в ценностно-нормативной системе армянского общества существовали криминогенные элементы, но их масштабы и распространенность

¹См.: Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996.

² См.: Криминология. М., 1988. с. 98.

³ См.: Курс советской криминологии. М., 1985, с. 554.

⁴ См.: Социология для юристов. М., 1999. с. 75.

¹ См.: Саркисов Г.С. Объект индивидуального профилактического воздействия в теории предупреждения преступности. Ереван, 1985, с. 99.

несравнимы с тем, что имеем сегодня. Мои собственные и другие криминологические исследования ценностно-нормативной системы нашего общества показывают, что небывалых размеров достиг культ денег и материального благополучия. Как уже отмечалось около 35% опрошенных основной предпосылкой счастья в первую очередь считают материальную обеспеченность. Еще для 58% опрошенных материальное благополучие занимало второе место в иерархии ценностей. Почти аналогичные результаты дали и другие исследования проведенные в Армении (по результатам этих исследований около 91% опрошенных основной предпосылкой счастья считают материальное благополучие)¹. В то же время по сравнению с началом 90-х годов в ценностно-нормативной системе общества существенно снизилось значение духовных ценностей. Так, если в начале 90-х годов около 48% опрошенных считали, что для счастья важно иметь интересную, любимую работу, то ныне так считает лишь 32% опрошенных; если в начале 90-х годов около 63% опрошенных считал, что для счастья важно быть уважаемым со стороны окружающих, то ныне так считает только 14% опрошенных. Лишь 17% опрошенных отметил важность для счастья реализацию такой потребности—как потребность самосовершенствования, лишь 5% отметил потребность творчества², лишь 2,3%—быть полезным для друзей, и лишь 0,6%—для общества. Такое положение связано с негативными явлениями происходящими в Армении, о которых я уже говорил: бедность, безработица, социально-экономическое расслоение, социальная несправедливость, окорыствление общественных отношений, формирование потребительской психологии, внедрение западного образа жизни.

Отрицательным изменениям подвергаются и ценности-средства. Как уже отмечалось подавляющее большинство наших граждан готовы брать взятку и не осуждают взяточничество, другие корыстные преступления не связанные с насилием. По сути многие виды преступ-

ления стали инструментальной ценностью¹. Этому способствовали такие явления как ослабление социально-правового контроля, правовой беспредел, всеобъемлющая безнаказанность, падение нравственности, обесценивания права, закона, человеческой личности.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам:

—В настоящее время из-за экономических трудностей, бедности и безработицы, небывалого социально-экономического расслоения и социальной несправедливости в системе потребностей населения образовалось два противоположных полюса—с одной стороны материальная нужда, с другой—гипертрофированные, завышенные материальные потребности. Аналогично в мотивации преступности наблюдается рост удельного веса корыстной мотивации, сопровождаемый полярными изменениями в самой корыстной мотивации.

Заметные изменения происходят и в той сфере потребностей, которые мотивируют насильственную преступность. Обнищание масс, безработица, социально-экономическое расслоение и социальная несправедливость привели к чувству ущемления собственного достоинства, неполноценности и неудовлетворенности, а следовательно, и к росту агрессии. Бедность, нищета, социальная напряженность порождали у человека ощущение незащищенности, хрупкости существования, он постоянно испытывает страхи, беспокойство и неуверенность, окружающий мир внушает тревогу и от него ожидается нападение. Отсюда и происходит агрессия, как форма защиты от реальной или чаще надуманной угрозы.

В переходный период, на фоне кризисных явлений, все больше актуализируются потребности самоутверждения и самосохранения, что таит в себе угрозу роста агрессивных проявлений. Кроме потребностей самоутверждения и самосохранения, в результате окорыствования общественных отношений и формирования потребительской психологии в мотивации насильственных преступлений все больше растет удельный вес материальных потребностей.

¹ См.: Маргарян А.Р. Криминологическая характеристика корыстно-насильственной преступности. Дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Ереван 2003, с.41 (на арм. языке).

² Там же, с. 41.

¹ Об этом свидетельствуют и исследования российских ученых, см.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. М., 2004, с.72.

В то же время разрыв между уровнем потребностей и правомерными возможностями их удовлетворения все больше возрастает.

—Наблюдаются некоторые изменения в целевом блоке мотивов—корыстные преступления чаще связаны либо с предметами первой необходимости, либо роскоши; жизненные планы, стратегические цели чаще связаны с воздействием западного образа жизни, желанием властвовать. В последние годы увеличивалась доля внешнего целеобразования, тактических целей.

—Более заметны изменения в блоке нравственного фильтра, ценностных ориентациях, способах и путях удовлетворения потребностей. Политические изменения, происходящие в обществе, демократизация, которая иногда трактуется как вседозволенность, разрушение системы тотального контроля над членами общества, внедрение западной культуры и образа жизни, сопровождающиеся экономическими трудностями, расслоением общества, обнищанием населения, породили негативные изменения в ценностных ориентациях людей, сформировали отрицательный нравственно-психологический климат в обществе. Деньги и материальное благополучие стали чуть ли не единственными ценностями. В обществе сформировалась потребительская психология, бездуховность, безразличие, безответственность. На фоне все более усугубляющейся социальной несправедливости, коррупции, проникшей во все эшелоны власти, двойной морали представителей властей, попирания принципов равенства перед законом и неотвратимости наказания, преступные способы удовлетворения потребностей стали инструментальными ценностями а правомерные способы еще более утратили эффективность по сравнению с допереходным периодом.

На мой взгляд, именно в этом и есть суть преступности переходного периода. Состояние аномии, складывающаяся нравственно-психологическая атмосфера, социально-экономические трудности и другие негативные явления стали благоприятной почвой для оправдания преступлений, отрицания тех моральных и этических начал, которые в условиях стабильности так или иначе сдерживали многих членов нашего общества от противоправных поступков.

Можно предполагать, что рост преступности в переходный период во многом обусловлен не столько социально-экономическими

неурядицами, бедностью, некачественными законами и неэффективной правоохранительной деятельностью (хотя недооценивать их значение будет неправильно), сколько психологическими, духовными явлениями: возрастающая несправедливость, культ материальных ценностей, обесценивание человеческой жизни, его прав и свобод, отрицание высоких нравственных принципов, ощущение собственной незащищенности, неполноценности и вытекающего из этого чувства вины, стыда, тревожности, страха, отчужденности—чувств и эмоций, которые всегда присущи человеку, но которые обостряются в переходные периоды.

Такая ситуация особенно неблагоприятно сказывается на подрастающем поколении. И если учесть то обстоятельство, что психология изменяется медленно и трудно, то даже устранение объективных детерминант преступности, что весьма трудно из-за того же нравственно-психологического климата, не скоро может привести к положительным изменениям в преступности.

§3. Лица, совершающие преступления

Проблема личности преступника всегда была краеугольным камнем криминологии. Суть проблемы заключается в следующем: есть ли некие специфические свойства и качества личности, которые, во-первых, отличают преступника от законопослушного гражданина; во-вторых, могут рассматриваться как основание для выделения социального типа—типа преступника; в-третьих, определяют выбор противоправного варианта поведения в ситуациях, которые можно назвать проблемными? Но этим круг вопросов не исчерпывается. Другой важной проблемой является соотношение социального и биологического в личности преступника. В конечном счете проблема личности преступника— эта также проблема причин преступлений. И хотя накоплен богатый эмпирический материал, сформулированы различные концепции и гипотезы, однако ответы на поставленные вопросы пока еще не найдены. До сих пор идут бурные дискуссии между сторонниками концепции личности преступника и их противниками, между сторонниками социального и биологического направления криминологии. И это понятно. Человек— величайшая тайна природы. Он достиг больших успехов в раскрытии закономерностей природы, но в деле познания самого себя успехи незначительные. Между тем, от решения поставленных

вопросов зависит эффективное решение проблем криминологической профилактики.

Если обобщить имеющиеся криминологические теории, то можно выделить два основных направления—теорию личности и теорию среды (аналогично персонализму и ситуационизму в психологии).

Теория среды исходит из того, что попытка найти внутри человека такие специфические черты, свойства, которые объясняли бы причины его противоправного поведения, обречены на неудачу. Причины противоправного поведения следует искать в наличном социальном окружении индивида¹. Надо сказать, что эта концепция долгое время была ведущей в отечественной криминологии. Хотя почти все советские криминологи отвергали бихевиоризм, обвиняя его в игнорировании активного начала личности в детерминации поведения, в то же время заимствовали тезис о решающей роли внешнего воздействия. Сформулированное С. Л. Рубинштейном положение о том, что “внешние причины действуют через внутренние условия”, стало почти общепризнанным. Стало быть личности отводилась роль условия². Хотя отмечалось, что личность не только объект общественных отношений, но и активный субъект, наделенный сознанием и волей, способный конструктивно творчески преобразовывать действительность, изменять поведение в соответствии с изменением ситуации, разумно регулировать и саморегулировать действия, но в то же время подчеркивалось, что именно социальная среда формирует личность, она является первичным и определяющим моментом ее сознания и поведения³.

Теория личности исходит из того положения, что в генезисе преступного поведения первопричиной является личность, ее некие особенности. В последнее время эта позиция стала ведущей в российской криминологии. При этом различные авторы в качестве первопричины преступного поведения рассматривают различные явления: де-

¹ См.: Яковлев А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения. Горький, 1977, с. 36-37, Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985, с. 89-93, Блувштейн Ю.Д. О понятии личности преступника. //В кн.: Теоретическое учение о личности преступника.

² См.: Зелинский А.М. Криминальная психология. Киев, 1999, с. 12-13.

³ См.: Курс советской криминологии. М., 1985, с. 249.

формированное правосознание¹, высокая степень тревожности², деформированная, извращенная система потребностей³, ценностных ориентаций и т.д. Появились и работы, где утверждается, что нет личности преступника, так как нет личности непереступника, и что причиной преступления является духовное несовершенство человека⁴.

Наконец, есть мнение, что среда и личность играют одинаковую роль в генезисе преступного поведения, что биологическое и социальное в человеческом поведении равнозначны и предпочтение чему-либо одному недопустимо⁵.

Надо сказать, что в условиях переходного общества, в условиях меняющейся среды, складывается благоприятная ситуация для попытки найти ответы на поставленные вопросы.

На первый взгляд может показаться, что рост преступности в условиях меняющегося общества доказывает правоту позиции сторонников теории среды. Однако, с другой стороны, исследование мотивационных особенностей преступности переходного периода показало, что существенные изменения касаются только ценностно-нормативной системы, особенно ценностей-средств, да и то только в том плане, что люди все чаще стали прибегать к преступным средствам достижения целей и стали более терпимо к ним относиться. Возникает вопрос: если причины преступного поведения находятся в среде, то можно ли ожидать, что устранение тех или иных негативных факторов из жизни общества повлечет устранение преступности и исчезновение лиц, ранее ориентированных на удовлетворение потребностей преступным путем, или же произойдет перекалфикация спекулянта во взяточника, мошенника в расхитителя и т.п.?

Надо сказать, что последнее десятилетие истории армянского общества подтверждает вероятность второго варианта—среди депутатов

¹ См.: Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры. //В кн.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974, с. 55 и сл.

² См.: Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991, с. 73 и сл.

³ См.: Механизм преступного поведения. М., 1986, с. 50, 55.

⁴ См.: Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрোকриминология). М., 2001.

⁵ См.: Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998, с. 64-78.

Национального собрания РА, должностных лиц всех звеньев управленческого аппарата немало лиц с криминальным прошлым, в том числе лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за насильственные преступления, которые ныне переквалифицировались во взяточника, коррупционера и т.д. В то же время есть лица, особенно среди безработных, ранее имевших довольно высокий социальный статус и по всей видимости совершивших корыстные преступления (к этому есть все основания, так как должность и корыстное преступление в Армении—понятия неразделимые), которые ныне привлекаются к ответственности за насильственные и корыстно-насильственные преступления—разбой, вымогательство, убийство.

Кроме того, есть преступные формы поведения, которые сопутствуют человеческому обществу сначала своего возникновения. Насилие над личностью, отбирание имущества—привычные атрибуты цивилизации. Ю.М. Антонян, на мой взгляд, основательно доказал, что преступность была и в первобытном обществе¹.

Я придерживаюсь той концепции, что преступная форма поведения—одна из привычных форм человеческого поведения, которая обусловлена биопсихологической и духовной способностью человека к такому поведению, которое в принципе может быть объявлено преступным, и что в принципе каждый человек—потенциальный преступник или правопослушник. Однако биопсихологические особенности человека не имеют изначально преступного содержания. Такое содержание им дают социальные факторы. Кроме того среда и социальные факторы могут усиливать или смягчать деструктивные, аморальные либо высококонтрастные тенденции, существующие в человеке.

Кстати, то, что в переходные периоды каждой страны наблюдается рост преступности, является доказательством сказанного. В переходные периоды, в состоянии аномии и утраты прежней ценностно-нормативной системы, происходит распад и разрушение культуры, в результате чего люди возвращаются в свое докультурное, безнормативное и в некотором смысле естественно-биологическое состояние. Отсутствие или, вернее сказать, слабость сдерживающих норм контроля над человеком способствует выбору таких форм поведения, таких способов удовлетворения потребностей, которые были блокированы нор-

¹ См.: Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. М., 2005, с. 8-25.

мами морали, религией и правом. Не случайно, что исследование мотивационных особенностей преступности переходного периода показали, что заметным и существенным изменениям подвергся лишь мотивационный блок нравственного фильтра.

Попытаемся доказать идею о биопсихологической и духовной способности человека к преступному поведению.

Во-первых, есть множество исследований, которые доказывают, что преступная форма поведения достаточно распространена. Результаты этих исследований опубликованы в литературе¹. Кроме этого, опросы, проведенные мною относительно взяточничества, показали, что достаточно много людей, которых можно называть потенциальными преступниками. Это доказывается и тем, что ныне в составе лиц, совершающих преступления, достаточно велика доля безработных, среди которых 61% составляют лица от 30 до 49 лет. Эта же возрастная группа отличается наиболее высокой криминальной активностью (28%). Можно ли предполагать, что в течение менее десяти лет у этих лиц произошли такие существенные личностные изменения, что превратили их из неправошника в преступника. Очевидно, что нет. Вероятнее всего была готовность к преступному поведению, которая реализовалась в благоприятных для этого условиях.

Во-вторых, общеизвестно, что круг деяний, объявляемых преступлением, исторически изменчив. Это обстоятельство позволило многим криминологам считать доказанным, что преступление имеет социальные корни и не может иметь биологическую основу.

То, что преступность—исторически изменчивое явление, и что круг преступных деяний изменяется в зависимости от исторических, социальных, экономических, культурных особенностей и условий существования каждого народа и страны, не подвергается сомнению. Даже такие преступления, как убийство, воровство, у некоторых племен не считаются преступными, а наоборот поощряются.

Однако, на мой взгляд, сказанное подтверждает как раз то, что преступная форма поведения имеет не только социальные, но и биопсихологические и духовные корни.

Если какое-либо деяние объявляется преступным, то очевидно, что до этого оно оценивается как общественно опасное. Очевидно и то,

¹ См.: Шнайдер Г.Й. Криминология. М., 1994. с. 127.

что эти деяния совершались до объявления их преступлением и были лица, совершающие эти деяния. То, что эти деяния лишь в последующем были объявлены преступными, а лица, их совершившие, лишь после этого рассматривались преступниками, явление формальное, а не существенное. Тем более, что нет доказательств тому, что после объявления каких-либо деяний преступными, все лица их совершившие перестали их совершать. Если даже некоторые перестают совершать деяние, объявленное преступлением, то не в силу солидарности с законом или в силу утраты своих личностных качеств, которые детерминировали преступное поведение, а в силу страха перед наказанием. Кроме того, со временем происходит процесс не только криминализации, но и декриминализации. Значит ли это, что лица, совершившие эти деяния после декриминализации, утратили те свои личностные особенности, которые детерминировали преступное поведение до декриминализации. Очевидно, что нет.

В-третьих, многочисленными криминологическими и психологическими исследованиями доказано, что у человека есть область бессознательного, содержанием которого являются особые переживания: страх, тревожность, отчужденность, чувство неполноценности и т.д., которые, будучи неосознаваемыми, направляют поведение человека и являются источником человеческой деструктивности. Область бессознательного состоит из трех пластов: а) область бессознательного, сформировавшаяся в результате филогенеза, имеющая филогенетическое происхождение, б) область бессознательного, сформировавшаяся в результате антропогенеза (часть филогенеза), в) область бессознательного, сформировавшаяся в результате онтогенеза.

Первые два пласта идентичны у всех людей.

Первый, самый глубокий пласт бессознательного, сформировавшийся в результате филогенеза, включает биологические инстинкты человека, как представителя животного мира. Самая древняя часть мозга – мозговой ствол. В нем хранятся инстинкты, уходящие своими корнями в жизненный опыт пресмыкающихся: хранение добытого, соблюдение твердых правил, стремление к прочной, незыблемой системе устройств мира¹, агрессивность, защита «огороженной» территории, которая обеспечивает достаточно пищи, питья и пространства для двига-

тельной активности и воспроизводства¹. По В. К. Вильюнасу, в мотивационном аспекте инстинкт можно охарактеризовать как унаследованный механизм удовлетворения потребностей, специфика которого состоит в побуждении индивида к совершению ряда частных действий без отражения общей их направленности, контроль за которой превышает приспособительные возможности психики ранних этапов ее развития².

Второй глубокий пласт бессознательного, сформировавшийся в результате антропогенеза, включает вековой опыт наших предков. В нем во-первых включены негативные, неприятные эмоции и раздражители. Экспериментально показано, что в процессе угнетения жизнедеятельности мозга первыми исчезают положительные эмоции, последними – отрицательные, а при восстановлении деятельности мозга наблюдается обратная последовательность. Следовательно, можно полагать, что отрицательные эмоции возникли в процессе эволюции раньше, чем положительные³. Окружение человека с момента его появления было враждебным и ужасающим: природные катаклизмы, окружение хищных животных, агрессивных себе подобных, постоянная борьба за выживание. Поэтому страх и тревожность были первыми эмоциями человека, сопровождающие его до наших дней.

Кроме того, в содержание бессознательного, сформировавшегося в результате антропогенеза, входит коллективное бессознательное. На это указывает основоположник аналитической психологии Карл Юнг. В характеристике души человека Юнг особое внимание уделяет архетипам, которые являются наследственными, бессознательными, универсальными идеями, символами и образами. Архетипы являются компонентами коллективного бессознательного. Последнее есть сверхличная память рода, ее коллективная душа. Она является продуктом психической наследственности, свидетельством исторически-генетической преемственности поколений, связывающим современного человека с его дальними предками. Архетипы, являющиеся компонентами коллек-

¹ См.: Бартол К. Психология криминального поведения. СПб., 2004, с. 154-155.

² См.: Вильюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986, с. 116.

³ Чайченко Г.М., Харченко П.Д. Физиология высшей нервной деятельности. Киев, 1981, с. 11.

¹ См.: Фишер П. Чудеса и тайны нашего мозга // За рубежом, 1985, N 10.

тивного бессознательного и лежащие в основании психики человека, направляют поведение человека на бессознательном уровне. Одним из таких архетипов является, например, §Тень»—генетически унаследованное от архаического прошлого примитивное, докультурное, животное, оттесненное в область бессознательного. Тень—память о первобытном, диком прошлом, информация о вековом опыте применения насилия, которая будучи вытесненной в область бессознательного, все же воздействует на поведение человека, направляет ее. Именно архетип §Тени» §ответственен», например, за агрессивное поведение человека.

В свете сказанного можно утверждать, что преступная форма поведения основана на архаических, глубоко заложенных моделях поведения.

Третий пласт бессознательного, сформировавшегося в результате онтогенеза, хотя и индивидуален, но и здесь есть общие для всех закономерности. Первые эмоции, впечатления и раздражители, которые переходят в область бессознательного, формируются уже в утробе матери. С одной стороны, с момента оплодотворения и до появления на свет в материнском организме находится лишь биологический компонент будущего человека. С другой стороны, уже в организме матери будущий человек живет своей собственной жизнью, реагирует на материнский голос, на ее настроение, на стимулы извне. Интересные данные по этому поводу есть в учебном пособии Е.Е. Сапогова по психологии развития человека. В пять месяцев человек весит около фунта и проявляет свой дурной или хороший нрав. Он уже слышит громкие крики из шумного мира, в котором живет его мать, по своему их пугается или, напротив, если характер у него агрессивный, сердится и грозит. Мысли, переживания, ощущения матери передаются ребенку. Он не только чутко воспринимает их, но и запоминает, и эти впечатления определяют потом его характер, поведение, степень психического здоровья.

Травматичным в психологическом плане является и акт рождения, который сопровождается сильным стрессом для новорожденного. Проходя через родовые пути, ребенок испытывает сильную гипоксию и сдавливание головки. Его организм отвечает на это необычайно мощным выбросом в кровь гормонов стресса: очень активных и сильных биохимических веществ—адреналина и норадреналина, уровень кото-

рых в крови новорожденного выше, чем у взрослого в состоянии сильного эмоционального напряжения¹.

Можно сказать, что первые бессознательные образования онтогенетического плана имеют пренатальную природу. При этом они имеют криминогенное значение. Криминологическими исследованиями доказано, что страх, беспокойство, тревожность являются глубинными детерминантами преступного поведения.

И, наконец, онтогенетический пласт бессознательного формируется в результате социализации. Здесь криминогенное значение имеют негативные события жизни индивида, особенно, в детстве.

В результате эмоционального отвергания родителями, лишения родительской ласки и попечения у ребенка на уровне подсознательного формируется тревожность, беспокойство, боязнь утраты себя, своего §я», своего положения в жизни. Маленький человек ощущает, что под сомнение поставлено само его право на существование, поэтому он страшится небытия и постоянно ожидает враждебных, даже агрессивных действий со стороны окружающих².

Криминогенное значение имеет не только эмоциональное отвергание ребенка, но и жестокое с ним обращение, применение телесных наказаний, издевательства. Ребенок, выросший в такой обстановке, воспринимает окружение как нечто враждебное, от которого ничего хорошего нельзя ожидать. Отсюда встречная враждебность к окружению.

Если человек с детских лет видит не ласку и заботу, а грубость и насилие, он воспринимает последние в качестве вполне допустимых форм поведения. Кроме того, у него формируется установка на защиту от постоянно ощущаемой угрозы. А эта установка носит агрессивный характер³.

Таким образом, психические травмы и неприятные переживания детства, отрицательные эмоции усиливают влияние таких психических формирований как комплекс неполноценности, тревожность, отчужденность, которые на бессознательном уровне направляют поведение человека в будущем. И если дальнейшая социализация не компенсирует ущербность первичной социализации, то вероятность преступно-

¹ См.: Сапогова Е.Е. Психология развития человека. М., 2001, с. 198.

² См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е., Указ. соч. с. 3.

³ См.: Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001, с. 109.

го, деструктивного поведения многократно увеличивается. Криминологические исследования, проводимые в Армении, подтвердили этот факт: среди осужденных за нанесение телесных повреждений неблагоприятная первичная социализация обнаружилась у 56%, при этом дальнейшие условия их жизни никак не компенсировали ущербность первичной социализации (трудное материальное положение в течение всей жизни, безработица, развод и т. д.).

В-четвертых, агрессия, ложь, обман, насилие присущи человеку как биологическому существу. То, что человек часть животного мира, не вызывает сомнения. Достаточно проследить за развитием человеческого эмбриона. Более того, последние данные науки по поводу специфики генома человека говорят о том, что человек находится в глубочайшем родстве с живой и неживой природой¹.

Есть основания полагать, что нет сугубо человеческих способов удовлетворения потребностей и достижения целей, которыми бы не пользовались высокоразвитые животные. Обман, агрессия, любовь, доверие присущи и животным (по телевидению показали, как шимпанзе дал ложный сигнал о нападении анаконды, чтобы воспользовавшись замешательством соплеменников отнять у них пищу).

О том, что высокоразвитые приматы демонстрируют схожие с человеком способы поведения и имеют схожие эмоции, описано в научной литературе. Биоантрополог Ричард Ренгхем пишет, что самец шимпанзе в расцвете сил посвящает всю свою жизнь достижению высокого ранга. В своих попытках достичь статуса самца-альфа, а затем поддержать его он проявляет коварство, настойчивость, энергию и готовность уделить этому много времени.

Затем, описывая поведение самца, автор пишет, что все эти виды поведения порождаются не жадностью насилия, как такового, а эмоциями, которые проявляют люди, когда мы их называем гордостью или меньшей симпатией, высокомерием².

Есть основания полагать, что и способы, и средства человеческой деятельности передаются генетически. Формирование и становление человека невозможно без информации, а последняя передается и через

гены¹. При этом, через гены передается информация и о способах, и о психологических и духовных особенностях предков. Немецкие ученые отмечают, что человеческое наследство может быть явлено на свет и в виде благопорядочных поступков, которые также исторически перенесены в психологическую память. Например, если люди постоянно руководствуются требованиями “хороших манер”, то они неосознанно становятся их второй натурой, а их назначение состоит в торможении агрессии. Следовательно, та группа людей, где так называемые “хорошие манеры” были гораздо более естественны, чем “плохие”, передает их из поколения в поколение, фиксируя генетически². Интересные исследования по этой проблеме были проведены в Дании. Группа ученых исследовала уголовные дела 14400 мужчин-датчан, усыновленных в детстве и ничего не знавших о своих настоящих родителях. Выяснилось, что влияние криминальных наклонностей приемных родителей гораздо слабее, чем влияние биологических родителей. Когда ни биологические, ни приемные родители не подвергались суду, то только 13,5% детей были признаны в совершении преступлений. Уровень преступности возрастал лишь до 15% в случае, когда приемные родители были осуждены, а биологические родители – нет. И наоборот, около 20% мужчин, имевших лояльных приемных родителей, но хотя бы одного биологического родителя-преступника, сами были преступниками³.

К каким выводам приводит вышеизложенное?

Первое, есть основания полагать, что большинство людей в течение своей жизни хотя бы раз совершают преступление. К этому выводу приводят исследования латентной и потенциальной преступности.

Второе, в каждом пласте бессознательного каждого человека есть криминогенные компоненты. Тревожность, чувство вины, страх и беспокойство – свойства каждого человека. То, что эти свойства имеют криминогенное значение, доказано. Правда, в криминологических исследованиях было показано, что преступники отличаются от законопос-

¹ См.: Равия-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М., 2000, с. 55.

² См.: Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998 с. 40-41.

³ Приводится из книги Леонарда Берковица "Агрессия: причины, последствия и контроль". СПб., 2001, с 455.

¹ См.: Философия. Ростов-на-Дону, 1999.

² Цит. по Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003, с. 224-225.

лушных людей повышенной степенью тревожности. Но это никак не опровергает ту идею, согласно которой всякий человек потенциальный преступник. Во-первых, исследования тревожности осужденных и законопослушных граждан проводились в неравных условиях. Очевидно, что на высокую степень тревожности осужденных влияет и та обстановка, в которой они находятся. Это подтверждается и исследованиями других авторов¹. Во-вторых, нет никаких оснований полагать, что исследованные законопослушные граждане действительно законопослушны и не совершили преступления. В-третьих, среди преступников много лиц, имеющих ту же степень тревожности, которая присуща так называемым законопослушным гражданам, и наоборот. В-четвертых, тревожность, страх смерти могут способствовать не только деструктивному, преступному поведению, но и творчеству².

Третье, преступление и преступность имеют двойственную природу. С одной стороны, они явления культуры, так как криминализация деяний – результат культуры. С другой стороны корни такого поведения кроются в биопсихологических и духовных особенностях людей. Такими особенностями так или иначе обладают все люди: агрессивность, отчужденность, страх, тревожность, беспокойство, комплекс неполноценности, чувство вины, зависть, желание доминировать, властвовать, самоутвердиться свойственны каждому человеку. При этом различные деяния, обусловленные вышеуказанными свойствами, совершались и совершаются до объявления их преступлением. Значит совершение такого деяния, которое в принципе может быть объявлено преступлением, не зависит от его оценки.

Вышеизложенное позволяет отметить, что в детерминации преступного поведения значительную роль играет биологическая и психологическая способность человека к деструктивному поведению.

Однако, как уже отмечалось, вышеупомянутые детерминанты преступного поведения не имеют фатального значения и не предreshают выбор преступного варианта поведения. Чтобы потенциал преступного поведения был реализован нужны соответствующие социальные факторы.

¹ См.: Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991, с. 68.

² См.: Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2005.

Во-первых, как уже отмечалось, преступление имеет двойственную природу и определяется еще и культурой. По мере культуризации человек сам определяет круг преступных деяний. В некотором смысле преступление продукт культуры. Социальные, политические, экономические, идеологические процессы происходящие в обществе влияют на круг преступных деяний. Ярким доказательством этого УК РФ 2003 года, олицетворяющее вышеуказанные процессы происходящие в армянском обществе, где сто с лишним новых составов преступлений.

Во-вторых, социальные факторы могут усиливать влияние тех биопсихологических формирований, которые при столкновении с конкретной ситуацией толкают человека на преступление, на выбор докультурного, деструктивного способа поведения, превращают потенцию в действительность. Как уже отмечалось при исследовании мотивационных особенностей преступности переходного периода бедность, безработица, социально-экономическое расслоение, социальная несправедливость способствуют накоплению психической напряженности, приводят к чувству ущемления собственного достоинства, неполноценности и неудовлетворенности, а следовательно, и к росту агрессивности. В то же время ослабление социально-правового контроля, обесценивание права и закона, падение нравственности, социальная аномия приводят к тому, что насилие, обман, захват становятся инструментальными ценностями для большинства людей.

В-третьих, социальные факторы могут сами формировать такие отрицательные качества человека, как алчность, тщеславие, зависть, гордыня, которые, на мой взгляд, результат ущербного сравнения с другими, проявления комплекса неполноценности. В этом плане также процессы происходящие в переходный период имеют огромное негативное воздействие. Например, небывалое социально-экономическое расслоение способствует формированию зависти, усиливает чувство собственной неполноценности.

В-четвертых, социальные факторы формируют социальную установку человека как выражение его ценностной ориентации в форме социально-детерминированной предрасположенности личности к заранее определенному отношению (позиции) к данному человеку, явлению, событию¹. Как справедливо отмечается в литературе социальное в

¹ См.: Душков Б. А. Индустриально-педагогическая психология. М., 1981, с. 127.

личности преступника—это процесс, в основе которого лежит превращение "внешних" общественных отношений во "внутреннюю" структуру человека: его потребности, интересы, цели, взгляды, установки, направленность поведения и т.д.¹

Неблагоприятное воздействие среды начинается с первых дней внеутробной жизни человека. Эмоциональное отвергание родителями, безразличие, насилие над ребенком, как уже отмечалось, формируют такие психические явления, которые лежат в основе преступного поведения. Комплекс неполноценности, тревожность, беспокойство, чувство вины, отчужденность, враждебность к окружению существенно затрудняют процесс социализации и культуризации человека. Человек уже изначально не готов к усвоению культуры, нравственных и правовых норм. Неблагоприятное воздействие семьи тормозит и интеллектуальное развитие ребенка, что тоже имеет криминогенное значение. Торможение интеллектуального развития приводит к когнитивным искажениям—дисфункциональные мысли, стереотипы мышления, ограниченные знания, мифы, предрассудки, неадекватные установки. Низкий уровень интеллекта способствует сужению круга интересов, обеднению системы потребностей. Криминологические исследования показывают, что мотивационная система правонарушителей на статистическом уровне уже и беднее, и тяготеет к потребностям материально-биологического предметного характера².

В этом плане складывающаяся обстановка в Армении настораживает. Как уже отмечалось у большинства членов нашего общества потребности материально-биологического предметного характера доминируют над духовными потребностями. Особенно ярко это проявляется у несовершеннолетних и молодежи, что является основанием для неблагоприятного криминологического прогноза.

Кроме того, из-за экономических трудностей, бедности, безработицы многие семьи не способны надлежаще выполнять свои функции. Многие армянские семьи превратились в неполные, потому что родители, в основном отцы, уезжают за границу за заработками. Экономичес-

¹ См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький. 1974, с. 15, Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978, с. 45, Кириллов С.И. Личность преступника (проблемы типологии). М., 1998.

² См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения, с. 114.

кие трудности привели к негативным тенденциям в статистике браков и разводов. В 2003 г. коэффициент разводов на 1000 населения по сравнению с 1999 г. увеличился в 2 раза—от 0,3 до 0,6. Многие вполне психически благополучные семьи, но занятые своими интересами, загруженные работой, не в состоянии обеспечить последовательность воспитания, контроль и помощь ребенку в становлении необходимых качеств.

Интеллектуальное развитие тормозится и под воздействием других социальных явлений: механическое расширение школьной программы, внедрение калькуляторов, рекламные ролики, поп-музыка, клипы и т. д.¹

Нравственная, эмоциональная и интеллектуальная ущербность создают реальные предпосылки выбора противоправного варианта поведения в будущем.

В дальнейшем процессе социализации в плане выбора противоправного варианта поведения существенную роль играет процесс научения. Теория социального научения (Бандура, Роттер, Экерс, Сазерленд) объясняет причины преступного поведения процессом усвоения криминальной формы поведения. Вкратце суть теории научения в том, что криминальному поведению учатся, наблюдая за поведением других. При этом, будет или нет эта форма поведения закрепившейся и устойчивой, зависит от некоторых факторов: получение выгоды, вознаграждение в результате такого поведения, отсутствие быстрого и адекватного наказания, ценность и значимость той модели поведения, которому подражается, частота такой формы поведения в окружении человека. В отечественной криминологии также подчеркивается, что преступный путь выбирается тогда, когда она представляется более коротким, экономным, скорым и выгодным по сравнению с правомерными путями достижения тех же целей².

Как уже отмечалось, в нынешней ситуации, при бедности, небывалом социально-экономическом расслоении, социальной несправедливости, ослабления социально-правового контроля, падении престижа права и закона, нравственности преступные и аморальные способы

¹ См.: Пятницкая И.Н., Шаталов А.И. Девиантное поведение подростков. М., 2003, с. 76-78.

¹ См.: Лунеев В.В. Указ. соч., с. 77.

² См.: Лунеев В. В. Указ. соч. с. 77.

достижения целей и удовлетворения потребностей стали инструментальной ценностью и очень распространены. Преступления, особенно корыстные, при всеобъемлющей безнаказанности и терпимого к ним отношения стали эффективными способами достижения целей. И хотя по данным некоторых исследований ценностных ориентаций молодежи Армении "ответственность", "честность", "дисциплинированность" назывались в качестве наиважнейших ценностей-средств¹, однако, по точному наблюдению В.Н. Кудрвцева в основе такого ответа–литературный эталон, к которому стремится ответивший, но у него не всегда получается в жизни².

Надо заметить, что теория научения во многом объясняет причины выбора противоправного варианта поведения. Нет сомнения, что распространенность того или иного вида преступного поведения, польза от этого варианта поведения, расчет на безнаказанность играют важную мотивообразующую роль в выборе противоправного варианта поведения. Однако теория научения, на мой взгляд, не отвечает на главный вопрос: почему существуют такие модели деструктивного поведения, которым люди учатся и усваивают?

Поэтому, как уже отмечалось, в выборе противоправного, преступного варианта поведения, преступного способа удовлетворения потребностей и достижения целей наиважнейшую роль играют ценностные ориентации человека, его отношение к таким ценностям, как жизнь, телесная неприкосновенность, здоровье, собственность, права и свободы другого человека, право и закон, государство и т.д.

В настоящее время в литературе все чаще обращается внимание на духовные причины преступного поведения. Духовное измерение обнаруживает себя через нравственные законы отношений между людьми, через их этнос, фиксируемый в моральных, духовных ценностях человеческой культуры³. Духовность определяется как отношение человека к другим людям, обществу, государству и самому себе, сформиро-

ванное на основе существующих в обществе социальных ценностях¹. При этом признается, что поведение человека определяется его индивидуальной сущностью, выраженной в его индивидуальной духовности, от которой зависит способ его существования, которая позволяет “в созерцании, в подсознании, в любви...отнестись к миру и другому человеку в соответствии с его сущностью”.

Поэтому, если общество заинтересовано в высокодуховных отношениях людей, оно должно не просто провозглашать духовные ценности, но и заботиться о том, чтобы они стали ценностями индивидуальными, личностными².

От отношения человека к вышеупомянутым ценностям зависит и его отношение к способам и средствам достижения целей. Человек, для которого другие люди, общество, государство, право и закон являются ценностями, вряд ли выберет противоправные или аморальные способы удовлетворения своих потребностей и достижения целей. Высоконравственный человек отвергнет насилие, обман, захват, как способы своей деятельности.

Но что же из себя представляет отношение к ценностям, как же формируются ценностные ориентации человека, его нравственные, духовные качества?

Отношение к ценностям, на мой взгляд, может проявляться в дихотомиях: признание–отвергание, любовь–ненависть.

И здесь очень важную роль играют социальные факторы. Социальные факторы, процесс социализации и культуризации индивида имеют познавательное значение. В ходе культуризации человек получает знание о ценностях общества, о моральных, правовых нормах, способах поведения и т. д. В процессе социализации так или иначе формируется и его отношение к этим ценностям. Формирование отношения к ценностям общества зависит от многих факторов: примера родителей, окружающих, воспитания в школе, в трудовом коллективе, нравственно-психологического климата общества, социальных, экономических процессов, происходящих в обществе, интеллектуальных, психологических особенностей личности и т.д.

¹ См.: Симонян Т.В. Криминологическая характеристика преступности молодежи в Республике Армения. Дисс. на соиск. учен. степени кандидата юрид. наук. Ереван 2004, с. 48. (на арм. языке).

² См.: Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002, с. 159.

³ См.: Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998, с. 9.

¹ См.: Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003, с. 423.

² Там же, с. 425.

Как уже отмечалось негативные процессы, происходящие в армянском обществе препятствуют процессу нормальной социализации, интериоризации правовых и нравственных норм. В то же время усиливается воздействие криминогенных психологических явлений: увеличивается степень тревожности, чувство вины, отчужденности. Все больше и больше человек руководствуется низшими потребностями биологического характера. Так как эффективность правовых, законных и нравственных способов удовлетворения потребностей снижается, человек все чаще выбирает противоправные и аморальные способы. Право и нравственность утрачивают свою значимость и обесцениваются. Начинается процесс негативной социализации и культуризации. Более интенсивно начинают действовать законы дикой природы, нецивилизованного общества—“человек человеку волк”, “прав тот, кто сильнее” и т. д. Под влиянием вышеуказанных негативных факторов формируется негативная или криминогенная, а подчас и криминальная установка¹.

Естественно в такой обстановке увеличивается число лиц, готовых к преступному способу удовлетворения потребностей. Более чувствительны к негативным процессам, происходящим в обществе, те слои населения, у которых низкий образовательный уровень, ограниченный кругозор, ограниченная система потребностей и интересов, плохое материальное состояние, недостаточный жизненный опыт. Эти характеристики способствуют тому, что человек падает в глубокую и сильную зависимость от ситуации и не имеет возможности стоять над ситуацией.

Однако, хотелось бы отметить, что даже в такой ситуации преступная деятельность для большинства людей не становится ведущей деятельностью. По данным официальной статистики в Армении доля рецидива в преступности не превышает 20%. Даже если учесть то, что фактический рецидив может оказаться намного выше, то это в основном касается ненасильственных корыстных преступлений, в основном экономических и коррупционных, в которых элементы криминальной субкультуры либо мало выражены, либо не выражены вовсе. Это обстоятельство имеет важное значение для определения понятия “личность преступника”. Ведь личность человека в значительной мере фор-

¹ См.: Арзумян С.Д. Психолого-криминологическая теория становления личности правонарушителя. Ереван, 2000.

мируется в процессе деятельности, а ведущая деятельность откладывает свой отпечаток на личность. А это значит, что о личности преступника можно говорить лишь в отношении человека, виновного в преступной деятельности, то есть учинившего ряд умышленных, целенаправленных, предусмотренных уголовным законом действий ради реализации общего для них мотива¹. Но это только необходимое условие признания лица преступником. Чтобы считать лицо преступником, на мой взгляд, необходимо, чтобы он был носителем криминальной субкультуры, идентифицировал бы себя с ролью преступника. Мотивообразующее значение социальной роли довольно досконально раскрыто в криминологической литературе. Здесь же хотелось отметить, что из многочисленных социальных ролей одна или некоторые являются главной для человека ценностью и определяют стратегическое направление его деятельности. Для личности преступника характерно то, что для него роль преступника, представителя криминальной субкультуры является главной ролью, определяющей стратегическую линию поведения. Включение же индивида в криминальную субкультуру зависит от нескольких факторов: частоты контактов с представителями данной культуры, наличия в микросреде представителей этой культуры, негативной социализации—когда отчужденный индивид ищет другую социальную среду, где чувствовал бы себя наиболее комфортно, ценностно-нормативной системы общества в целом и ближайшего социального окружения, особенностей и эффективности управления обществом и социального контроля и т.д. Если общество в основном управляется неписаными законами, если государство не выполняет свои функции по защите прав и свобод человека, если неформальный контроль наиболее эффективен, чем государственный, если законы не действуют и складывается нигилистическое отношение к праву, то в такой обстановке наличие в ближайшем окружении индивида криминальной субкультуры, особенно тогда, когда семья не выполняет свои функции, почти фатально предопределяет выбор роли преступника. Происходит это в основном в несовершеннолетнем возрасте. Исследование рецидивистов, многие из которых являются представителями криминальной субкультуры, показали, что почти 80% из них имели первые контакты с представителями криминальной субкультуры имен-

¹ См.: Зелинский А.Ф. Указ соч., с. 23.

но в этом возрасте, а их социальное окружение характеризовалось как крайне неблагоприятное: бедная семья, распространение насилия, алкоголизма, наркотизма, низкий образовательный уровень родителей, отсутствие одного из родителей и т. д.

В свете вышесказанного мне кажется, что социально-демографические и психологические характеристики личности не могут быть положены в основу разграничения лиц, совершающих преступления и, так называемых, законопослушных граждан. Скажем, констатация того факта, что у лиц, совершивших преступление, низкий образовательный уровень, ограниченный круг интересов, что большинство из них не работают или заняты тяжелым физическим трудом, никак не объясняют причины преступного поведения. Более того, мне кажется, что многие из этих характеристик являются не причиной, а следствием. Становление личности преступника происходит за долго до того как у него образуются вышеуказанные характеристики. Например, низкий образовательный уровень может быть результатом потери интереса к учебе, что является следствием формирования негативного отношения к родителям, к учителям. В свою очередь, это негативное отношение начинается с деформации эмоциональных взаимоотношений между родителями и детьми, между детьми и учителями. При неблагоприятной социализации негативизм может перерасти в негативную установку, а последняя в криминогенную или криминальную. Так что низкий образовательный уровень является следствием формирования негативизма или негативной установки.

То же самое можно сказать и об ограниченности круга интересов.

Что касается потребностей лиц, совершающих преступления, то, на мой взгляд, они не подлежат правовой оценке и не определяют выбор противоправного варианта поведения. Даже так называемые гипертрофированные потребности не подлежат правовой оценке. Скажем, потребность к накопительству в социальном плане хоть и не одобряется, однако правовой оценке она сама по себе не подлежит. Другое дело какими средствами, способами лицо ее удовлетворяет (по выражению Д. Гиббонса "воры стараются "делать деньги", как и люди, занятые обычной деятельностью, но избирают для этого противозаконные средства"¹). То же самое можно сказать и о так называемых извращенных потребностях.

Потребление алкоголя, курение, тяга к наркотикам даже не являются потребностями в собственном смысле слова. Исследования психологов показывают, что употребление алкоголя подростками и юношами больше, чем в трети случаев обусловлено традициями и обычаями, соблюдение которых служит средством включения в определенную референтную группу. Потребление наркотиков связано с любопытством, модой. У взрослых поводом для употребления алкоголя или наркотиков может быть стремление разрешить конфликт, устранить напряженность и т. д.¹.

Поэтому, так называемые извращенные потребности являются либо результатом неудовлетворения потребностей, либо средством удовлетворения других потребностей.

Кроме того, как показало мое исследование, в переходный период, из-за все более ограниченных возможностей их удовлетворения, возрастает криминогенность любых, в том числе нормальных потребностей.

В связи с этим я согласен с высказанным Е.П. Ильиным мнением, что криминальны не сами по себе потребности и многие цели, взятые в отдельности, криминальный оттенок им придают другие компоненты мотива, связанные с блоком внутреннего фильтра. И здесь основную криминальную нагрузку несет компонент, связанный с нравственным контролем, в который входят убеждения, идеалы, ценности, установки, отношения. В этом плане, как уже отмечалось, переходный период отличается некоторыми особенностями: преобладание материальных ценностей над духовными, обесценивание права, закона и нравственности и в связи с этим превращение преступлений в инструментальную ценность, обесценивание человеческой жизни, его прав и свобод, рассогласование ценностей-целей и ценностей-средств. И все это касается большинства членов нашего общества.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам:

1. У человека есть биопсихологическая способность к преступному поведению. Однако биопсихологические особенности человека не имеют изначально преступное содержание. Такое содержание им дают социальные факторы. Во-первых, круг преступных деяний определяется культурой. Во-вторых, социальные факторы способствуют проявлению

¹ Цит. по Гидденс Э. Социология. М., 1999, с. 126.

¹ См.: Ильин Е.П. Указ. соч., с. 249.

нию негативных, деструктивных тенденций заложенных в человеке, и формированию таких криминогенных качеств и психических состояний, как зависть, алчность, гордыня, тщеславие, комплекс неполноценности и т. д. Поэтому выбор преступного способа поведения определяется взаимодействием биопсихологических и социальных факторов. Поэтому чем больше социальные явления способствуют проявлению деструктивных тенденций, заложенных в человеке, тем больше уровень преступности. При этом от характера и глубины противоречий и от степени культуризации данного общества зависит структура преступности. Там, где выше уровень культуры а глубина противоречий незначительна, там в основном совершаются ненасильственные корыстные преступления, а там, где низкий уровень культуры а глубина и острота противоречий велика, там выше уровень насильственной преступности. Поэтому в переходный период, который характеризуется состоянием аномии, неустойчивости, и во время которого резко обостряются все существующие противоречия, а социально-правовой контроль ослабевает, естественно растет и уровень преступности вообще, и уровень насильственной, корыстной, неосторожной, в частности.

2. Так как у подавляющего большинства людей есть биопсихологическая и духовная способность к преступному поведению, и так как подавляющее большинство людей в течение своей жизни хоть раз совершают преступление или же готовы его совершить (потенциальные преступники), то о личности преступника можно говорить лишь в отношении носителя криминальной субкультуры, человека, который идентифицировал себя с ролью преступника, ведущей деятельностью которого является преступная деятельность. Остальных же лиц, совершивших преступление, можно назвать лишь лицами, совершившими преступление.

3. Тревожность, страх смерти, чувство вины, отчужденность, потребность в самоутверждении, стремление защитить свой биологический или социальный статус лежат в основе всякого преступного поведения, поэтому кажется, что различные виды мотивации—корыстная, насильственная и т.д., есть лишь различные формы проявления глубинных мотивов человеческого поведения, а различные виды реализации этих мотивов, существование различных видов преступлений в основном зависит от особенностей социализации, умственных и физических способностей, ценностных ориентаций, социальных ролей, социально-

го статуса индивида. Поэтому изменение социальных условий, особенно изменение социального статуса личности может повлиять на форму реализации глубинных мотивов и на вид преступного поведения—насилие может превращаться в корыстного преступника и наоборот. Как уже отмечалось, в Армении есть достаточно оснований для такого вывода. Значит каждому типу общества соответствует свой тип личности вообще и преступников в частности. Рыночная экономика, конкуренция, легализация неравенства, внедрение западных стандартов образа жизни, обилие товаров и услуг, реклама формировали потребительскую психологию, привели к окорыстованию общественных отношений в результате чего в структуре преступности наблюдается рост корыстных преступлений а корыстная мотивация стала ведущей в поведении людей, в том числе совершивших преступление. Даже в насильственных преступлениях намечается тенденция увеличения корыстной мотивации. В то же время из-за длительного и сильного воздействия фрустрирующих человека явлений (бедность, безработица, социальная несправедливость) в обществе умножились агрессия и насилие. Поэтому переходному обществу более свойственен корыстно-насильственный тип преступника с тенденцией превалирования в будущем корыстного типа¹.

4. Искоренить преступность невозможно. Общесоциальные и специальные меры контроля над преступностью не могут искоренить криминогенные свойства заложенные в человеке, не могут искоренить такие основания деструктивного поведения, как страх, тревожность, отчужденность, чувство вины, хотя бы потому, что они сами противоречивы и могут формировать новые противоречия. Более того, мне кажется, что преступность будет расти во всем мире. Дело в том, что человечество слишком увлечено материальными ценностями, экономическое благосостояние и технический прогресс стали наивысшей ценностью, главными ориентирами человеческой деятельности, что с неизбежностью порождает все новые противоречия и обостряет уже существующие, так как не все в обществе и не все общества располагают равными возможностями. При этом постепенно ослабевает социально-правовой контроль. Наиболее тревожит то, что человечество

¹ Об этом свидетельствуют структурные изменения в преступности о чем уже говорилось.

как будто забыло о нравственности. Провозглашение прав и свобод человека, контроль со стороны международных организаций за соблюдением этих прав и свобод, на первый взгляд, могли бы способствовать и нравственному прогрессу, и минимизированию преступности. Однако на самом деле все сложнее и противоречивее. Во-первых, особенно в обществах, переходящих от тоталитаризма к демократии, права и свободы человека часто трактуются как вседозволенность, что приводит к ослаблению правового контроля. Во-вторых, процесс правовой и культурной глобализации обостряет конфликт между государствами, различными обществами, различными частями одного и того же общества. В-третьих, соблюдение некоторых прав и свобод в таком понимании, которое существует на Западе, с неизбежностью приводит к раскрепощению нравов, что таит в себе угрозу развала неформального контроля в традиционных обществах, обострению противоречий между поколениями. Например, эмансипация женщин, свобода для гомосексуалистов, распространение эротики и т.д. Перечисленные явления в действительности имеют криминогенный потенциал. Поэтому может быть было бы правильно в отдельных случаях дать государствам больше свободы в принятии решения по степени соблюдения отдельных прав и свобод, особенно тех, которые связаны с культурными, национальными особенностями народа. Например, соблюдение прав и свобод гомосексуалистов, сексуальных меньшинств в таких обществах, как, например, армянское, можно было бы ограничить отказом от их преследования. Можно было бы не осуждать государство за то, что оно фактически не поощряет эмансипацию женщин, и не заставлять государство искусственно повышать активность женщин и по плану или по “указу” с веру увеличивать количество женщин-депутатов, министров и т.д. Мировой криминологический опыт показывает, что общества, в которых сильны позиции национальной культуры, в которых сохранились национальные традиции и обычаи, более эффективно справляются с преступностью с помощью эффективного неформального контроля. В этом плане очень важное антикриминогенное значение может иметь прогрессивное развитие общества, однако не только и не столько в экономическом, научно-техническом и правовом (хотя и это обязательное условие контроля над преступностью), сколько в нравственном плане.

ГЛАВА 2.

Региональные особенности преступности в Армении

§1. Криминологическая характеристика региональной преступности в Армении

Для криминологического анализа преступности очень важное значение имеет выявление территориальных различий преступности. Территориальное распределение различных видов и групп преступлений по их удельному весу в структуре всей преступности или по темпам прироста (снижения) различных видов преступлений и преступности в целом дают возможность выявить криминологически значимые сдвиги и их причины. Территориальные различия в уровне, структуре и динамике преступности не случайны. Они связаны с демографическими, экономическими, социальными, культурными, организационными, национальными, экологическими, правовыми, регистрационными и иными особенностями той или иной страны, той или иной местности, которые в данном случае объединяются территориально, т. е. в их географии. Поэтому изучение географии преступности имеет исключительное значение для сравнительной криминологии при анализе причин преступности и ее изменений, при выработке эффективных и оптимальных мер борьбы с ней применительно к отдельным регионам и территориям¹.

Для выявления территориальных различий преступности мною было исследовано состояние преступности и отдельных ее видов во всех регионах (марзах) Армении и в городе Ереване, в котором проживает 32,9% населения республики.

Во-первых, исследовалась тенденция преступности в отдельных регионах с 1993 по 2004 гг. При этом методом сглаживания динамического ряда сравнивались коэффициенты преступности с 1993 по 1996 гг., с 1997 по 2000 гг., и с 2001 по 2004 гг.

¹ См. Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.) //Государство и право, 2000, N 11, с. 24.

Таблица 5

(сравнительные тенденции преступности в Армении по коэффициентам на 100 тыс. населения)

годы	1993-1996	1997-2000	2001-2004
Ереван	302,7	369,3	452,7
Ширак	256,6	295,4	368,6
Котайк	220,2	231,1	299,6
Армавир	224,9	226,5	231,8
Арагацотн	234,2	212,3	255,8
Гегаркуник	315,3	209,8	208,3
Вайк	181,5	237,3	253,5
Сюник	302,1	330,8	326,6
Тауш	410,1	347,1	297,6
Арагат	165,3	220,9	243,9
Лори	390,8	276,9	347,4

Как видно из таблицы в двух регионах–Гегаркуник и Тауш, идет процесс устойчивого снижения уровня преступности; в трех регионах–Арагацотн, Сюник и Лори тенденция неустойчивая. С 1997г. по 2000г. в Арагацотне уровень преступности снизился, а с 2001г. по 2004г. опять вырос. Аналогичная тенденция наблюдается в Лори. В Сюнике с 1997г. по 2000г. уровень преступности вырос, с 2001г. по 2004г.–снизился. В остальных регионах идет процесс устойчивого роста уровня преступности. Последняя тенденция, на мой взгляд, более верно отражает реальность. Если посмотреть внимательно, то устойчивое снижение приходится на те регионы, где коэффициент преступности с 1993 по 1996 г. был сравнительно велик (самый большой коэффициент в Тауше (410), далее в Лори (390,8) а затем в Гегаркунике (315,3). Может быть в этих регионах сработал эффект насыщения преступностью. Но с другой стороны, трудно представить, что в Лори, который является зоной бедствия (зона землетресения 1988 г.), где в наличии масса нерешенных экономических, социальных проблем, где находится третий по величине город Армении Ванадзор, со своими социально-экономическими проблемами, преступность с 1997 по 2000 г. снизился почти в

полтора раза. Между тем в Ширакском регионе, который находится в аналогичной ситуации, наблюдается рост преступности. Очевидно, что официальная статистика не отражает реальных тенденций преступности. Но хотелось бы обратить внимание на один, на мой взгляд, любопытный факт. В вышеуказанных регионах с 1993 по 1997 гг. наблюдается резкое снижение уровня корыстной преступности с одновременным ростом насильственной, вплоть до 2000 г. Так, в Лори в 1993 г. доля корыстной преступности составила 71.1%, а доля насильственной преступности–около 10%. В 1997 г.–соответственно 42% и 12.6%, в 2000 г.–42% и 16%. В Гегаркунике в 1993г. доля корыстной преступности составила 51.5%, а насильственной преступности–11.4%. В 1997 г.–соответственно 25.5% и 20.3%, в 2000 г.–40.7% и 21.6%. В Арагацотне в 1993г. доля корыстной преступности составила 58.4%, а насильственной преступности–9.4%. В 1997 г.–42.2% и 15.5%, в 2000 г.–54.1% и 24.6%. В Тауше в 1993 г. доля корыстной преступности составила 70%, а насильственной преступности–12%. В 1997 г.–соответственно 32.8% и 12.7%, в 2000 г.–37.3% и 15.3%.

Напрашивается вывод: официально регистрируемое снижение уровня преступности в указанных регионах с 1997 по 1999 гг.–результат латентизации корыстных преступлений. Однако и этот вывод не может быть абсолютным, потому что аналогичная картина наблюдается и во всех остальных регионах страны. Можно с уверенностью констатировать лишь то, что во всех регионах Армении темпы роста корыстной преступности опережают темпы роста насильственной преступности.

Если сравнить регионы по коэффициентам преступности, то окажется, что ее уровень с 1993 по 1996 гг. был выше в Тауше, Лори, Гегаркунике, Ереване, Сюнике, а наименьший–в Арарате, Вайке и Котайке. Промежуточное положение в Армавире, Арагацотне, Шираке. С 1997 по 2000 гг. ситуация практически не менялась: наибольший уровень преступности наблюдается в Ереване, Тауше, Сюнике, Шираке, Лори, а наименьший–в Гегаркунике, Арагацотне, Арарате, Армавире. Промежуточное положение в Котайке и Вайке. С 2001 по 2004гг. наибольший уровень преступности наблюдается в Ереване, Шираке, Лори, Котайке и Тауше.

Как видим, некоторые регионы традиционно имеют высокий уровень преступности—Тауш, Ереван, Сюник, Лори, Ширак. Некоторые же характеризуются традиционно низким уровнем преступности—Арагат, Армавир и Арагацотн. Другие занимают промежуточное положение—Вайк, Гегаркуник, Котайк. Но все это по данным официальной статистики.

Исследование структуры преступности в регионах Армении показал следующую картину.

Коэффициент **убийств** на 100 тыс. населения был наиболее высок в Тауше—17,4, Сюнике—16, Ереване—8,8 и Лори—8,1, а наиболее низок—в Арагате, Вайке и Армавире. В 2000г. высокие коэффициенты сохранились в Сюнике—6,1 и Тауше, а в Ереване и Лори коэффициенты убийств были ниже, чем в Шираке, в Вайке и в Арагацотне. Два последних региона характеризуются традиционно низким уровнем преступности. Несмотря на это можно констатировать, что коэффициент убийств наиболее высок в тех регионах, где традиционно наблюдается высокий уровень преступности. Коэффициент **тяжких телесных повреждений** наиболее высок в Сюнике (7,9), Шираке (8,8), Лори (7,3), то есть опять-таки в регионах с высоким уровнем преступности. Такая же картина наблюдается по коэффициентам хулиганства, однако здесь достаточно высокие коэффициенты фиксируются и в Гегаркунике, и Арагацотне, которые отличаются сравнительно низким уровнем преступности. В Гегаркунике это можно объяснить тем, что этот регион является туристическим центром, где наблюдается достаточно враждебное отношение к приезжим.

Коэффициент **разбойных нападений** высок опять-таки в Ереване и Лори, однако по этому виду преступления в 1993г. высокие коэффициенты показывали также Котайк, и Армавир.

По **кражам** наиболее высокие коэффициенты в Тауше (111), Ереване (118), Лори (112,6), Сюнике (102,7) и Армавире—90. В 2000г. по высоким коэффициентам краж отличились Ереван, Ширак, Армавир, Котайк, Тауш и Сюник.

Мошенничество. По этому виду преступления наиболее высокими коэффициентами отличаются Ереван, Тауш, Вайк. Среднее место занимают Ширак, Лори, Арагацотн, Гегаркуник.

Экономические преступления. Наиболее высокие коэффициенты экономических преступлений в 1993г. были в Ереване (39,1), Вайке (32,2), Котайке (31), Сюнике (30,5), Лори (28,8) и Гегаркунике (30). Однако надо заметить, что в 2000г. по этим преступлениям наиболее высокими были коэффициенты в Шираке, Арагацотне, Сюнике (в этих регионах с 1993 по 1996 г.г. были низкие и средние показатели). Между тем в Гегаркунике, где коэффициент был наиболее высок в 1993г., наоборот, в 2000г. был одним из наиболее низких.

Присвоение. В 1993г. наиболее высокие коэффициенты присвоенный были в Котайке (16,9), Гегаркунике (17,2), Ереване (15,1), Тауше (31), и Лори (13,7). В 2000г. наиболее высокие показатели были в Тауше, Шираке, Сюнике, Вайке, где в 1993г. показатели были низкими.

Как видно, в регионах, которые отличаются наиболее высокими показателями общеуголовной преступности (убийство, тяжкие телесные повреждения, кража, мошенничество), выше и уровень преступности. В то же время в регионах, которые отличаются наиболее низкими показателями общеуголовной преступности, низок и уровень преступности вообще. В то же время в этих регионах за последние годы наблюдается повышение уровня корыстных преступлений, не связанных с насилием. Таково положение дел в Армавире, Арагате, Вайке и в Котайке, где за последние годы увеличивается уровень краж, мошенничества, присвоения, экономических преступлений. При этом коэффициенты этих преступлений в вышеуказанных регионах приближаются, а иногда и опережают коэффициенты аналогичных преступлений в тех регионах, где традиционно высок уровень общеуголовной преступности. Отчасти это можно объяснить опережающими темпами экономического развития тех регионов, где за последние годы наблюдается рост корыстной преступности. Дело в том, что экономическое развитие в Армении до сих пор сопровождается углублением социально-экономического расслоения, что неизбежно ведет к росту корыстной преступности. Другой вывод, к которому можно прийти в результате этого анализа, заключается в том, что сравнительно низкий уровень преступности в некоторых регионах, в которых традиционно низкий уровень общеуголовной преступности—результат латентности.

Кроме того, исследования структуры преступности различных регионов подтвердили выявленную в других криминологических исследованиях закономерность, что в регионах, где преобладает сельское хозяйство и сельский уклад жизни, доля насильственной преступности выше, чем в тех регионах, где преобладает городское население и городской уклад жизни¹. Так, в Армении доля насильственной преступности выше в таких регионах как Арагацотн, Гегаркуник, Лори, Тауш, где преимущественно сельский уклад жизни. В то же время рост уровня экономической активности сопровождается ростом корыстных преступлений и увеличением их доли в преступности. Поэтому в последние годы доля корыстной преступности постепенно увеличивается даже в таких с экономической точки зрения неразвитых регионах, как Арагацотн, Гегаркуник, Тауш.

Общеизвестно, что преступность прямопропорционально коррелирует с административными правонарушениями. Если сравнить регионы Армении по коэффициентам административных правонарушений на 1000 населения, то получится следующая картина:

Таблица 6

(коэффициенты административных правонарушений на 1000 населения)

Ереван	129,8
Ширак	48,1
Сюник	35,2
Гегаркуник	20,7
Котайк	20,7
Лори	18,7
Арагацотн	16,1
Вайк	15,4
Тауш	15,3
Арарат	9,4
Армавир	5,3

¹ См.: Забрянский Г.И. Криминологические проблемы села. Ростов-На Дону, Изд. Ростовского университета, 1990, с. 80-81.

Как видно из таблицы, в некоторых регионах, которые традиционно отличаются низкими показателями преступности, коэффициент административных правонарушений выше (Котайк, Гегаркуник), а в регионах, традиционно отличающихся высоким уровнем преступности, коэффициент административных правонарушений ниже (Тауш, Лори). Этот факт можно было бы объяснить более высоким уровнем латентизации преступности в Котайке и Гегаркунике. На это есть все основания. Как было показано выше, в этих регионах в отдельные годы был достаточно высокий уровень разбойных нападений, хулиганства, а в последние годы растет уровень ненасильственной корыстной преступности. Что касается низкого уровня административных правонарушений в таких регионах, которые традиционно отличаются высоким уровнем преступности, то это можно объяснить структурой учтенных статистикой административных правонарушений. В структуре административных правонарушений от 60% до 85% составляют транспортные правонарушения. Естественно, что на уровень этих правонарушений влияет степень автомобилизации данного региона. Тауш и Лори по этому показателю уступают Котайку и Гегаркуну. Так, в 2004г. коэффициент ДТП на 1000 населения в Тауше был 0,6; в Лори–5,2; в Гегаркунике–16,6; в Котайке–10,2. Между тем разница коэффициентов административных правонарушений не такая большая: в Тауше–15,3, в Лори–18,7, в Гегаркунике–20,7, в Котайке–20,7.

§2. Причины региональных особенностей преступности

Для выявления причин особенностей преступности в регионах мною были сравнены некоторые криминологически значимые показатели регионов.

1. Уровень бедности.

Общеизвестно, что бедность является одним из существенных факторов преступности. Если сравнить регионы Армении по уровню бедности (по коэффициентам бедности), то окажется, что наиболее бедными являются Гегаркуник–62,2; Арагацотн–60,3; Тауш–59,7; Ширак–57,8; Лори–54,2; Армавир–53,7; а наименее бедными–Сюник–32,7; Арарат–44,7; Ереван–46,7; Котайк–50,5; Вайк–51,1. Как видим,

нет никакой жесткой прямой корреляции между бедностью и уровнем преступности. Даже данные о глубине бедности не выявили жесткой прямой корреляции между уровнями бедности и преступности. Корреляция между высоким уровнем и глубиной бедности и уровнем преступности можно наблюдать лишь в Ереване, Тауше, и в некоторой степени в Лори и Шираке. Между тем в регионах Котайк, Вайк, Арарат, где глубина бедности выше, уровень преступности ниже, чем в остальных регионах. Такое положение можно было бы объяснить различным уровнем регистрации преступности в различных регионах и уровнем репрезентативности исследований по выявлению уровня бедности. Есть основания полагать, что официальная статистика не отражает реальный уровень бедности в регионах Армении. Например, возможно представить, что Сюник, Котайк и Ереван являются наименее бедными регионами. В нынешних условиях развала экономики, население регионов с преимущественно сельскохозяйственной промышленностью находятся в наиболее выгодном положении. Кроме этого, более выгодное положение у населения регионов, расположенных на равнинной части Армении (Арарат, Армавир, Вайк). Регионы горной части Армении (Сюник, Лори, Гегаркуник, Котайк) из-за трудностей ведения сельского хозяйства, находятся в наименее благоприятном положении.

Однако очевидно и то, что бедность не является единственным и основным фактором преступности. Преступность—результат не отдельных взаимодействий каких-то парных факторов, а системы соответствующих воздействий, точнее—причинных цепей или даже комплексов. В этих комплексах одни социальные факторы, взаимодействуя с другими, изменяются сами и изменяют другие—возникают некие целостные явления и процессы. Поэтому одни и те же факторы, встречающиеся в разных регионах, в разных взаимодействиях, различно сказываются на преступности¹. Есть все основания полагать, что на реальный уровень преступности регионов наиболее существенное влияние оказывает не только уровень бедности а уровень социально-экономического расслоения населения данного региона. По этому показателю в наихудшем положении находятся в основном те регионы, которые по официальной

статистике отличаются наименьшим уровнем бедности—Ереван, Котайк, Сюник. Высоким уровнем социально-экономического расслоения отличаются также Лори и Ширак—регионы, которые в советское время были ведущими промышленными центрами Армении, а ныне являются зоной бедствия (землетрясение 1988г.) с разрушенной экономикой, которая однако в последние годы стала более или менее развиваться. Те регионы в которых экономика развивается медленно, где в основном сельский уклад жизни, уровень социально-экономического расслоения ниже (Вайк, Тауш, Арагацотн). В этих регионах уровень преступности, при прочих равных условиях, должен был быть ниже. Поэтому официальная статистика, по которому в названных регионах уровень преступности выше чем в таких регионах как Армавир или Арарат, вызывает сомнение. На мой взгляд данные официальной статистики результат латентизации преступности в последних регионах. У меня есть основания полагать, что 1) развитие экономики в переходный период отрицательно влияет на уровень социально-экономического расслоения населения и тем самым имеет криминогенное влияние, 2) так как в развитии экономики того или иного региона основная заслуга принадлежит олигархам, коррумпированным чиновникам и представителям криминального мира, то в таких регионах преступность латентизируется.

II. Плотность населения на квадратный км.

1) Ереван—4856, 2) Армавир—223, 3) Арарат—130, 4) Котайк—130, 5) Ширак—105, 6) Лори—104, 7) Тауш—50, 8) Арагацотн—50, 9) Гегаркуник—45, 10) Сюник—34, 11) Вайк—24.

Как видно из приведенных данных, по плотности населения, за исключением Еревана, первые три места занимают те регионы, где уровень преступности традиционно низок. Но такого не может быть по той причине, что высокая плотность населения, тем более в условиях аномии, социально-экономического неблагополучия, неблагоприятной нравственно-психологической атмосферы ведет к конфликтности в межличностных отношениях. Влияние названных факторов могло быть нейтрализовано или смягчено экономически более выгодным положением в этих регионах по сравнению с другими. Однако данные о бедности свидетельствуют, что Армавир, Арарат, Котайк не отличаются положительными экономическими результатами, более того, Армавир

¹ См.: Территориальные различия преступности и их причины. М. 1988, с.7.

среди наиболее бедных регионов, а Котайк и Арарат отличаются наибольшей глубиной бедности.

III. Соотношение городского и сельского населения в %-ах

Арагацотн–(городское–23,7 сельское–77,3),

Армавир–(городское–36 сельское–64),

Арарат–(городское–39 сельское–61),

Гегаркуник–(городское–40 сельское–60),

Лори–(городское–47 сельское–53),

Котайк–(городское–56 сельское–44),

Ширак–(городское–60 сельское–40),

Сюник–(городское–70 сельское–30),

Вайк–(городское–41 сельское–59),

Тауш–(городское–40 сельское–60).

Наибольшей долей городского населения характеризуются Сюник, Ширак, Котайк, Лори, Гегаркуник, а наименьшей–Тауш, Вайк, Армавир, Арагацотн, Арарат. Предполагалось, что регионы с наибольшим процентом городского населения должны быть наиболее поражены преступностью¹. Это предположение отчасти оправдалось, за исключением таких регионов, как Котайк и Гегаркуник, где уровень городского населения выше, а уровень преступности ниже, и Тауш, где уровень городского населения ниже, а уровень преступности выше. Напрашиваются по меньшей мере два вывода: 1) низкий уровень преступности в Котайке и Гегаркунике–результат латентизации; 2) на преступность влияют не только социально-экономические факторы, уровень урбанизации, но и культурные, социально-психологические особенности данного региона.

IV. Уровень безработицы по коэффициентам на 10000 населения.

1) Ереван–294, 2) Армавир–205, 3) Арарат–169, 4) Котайк–238, 5) Ширак–953, 6) Лори–766, 7) Тауш–265, 8) Арагацотн–106, 9) Гегаркуник–265, 10) Сюник–911, 11) Вайк–297. Корреляция между преступностью и безработицей наиболее жесткая. Как видно из приведенных данных, наибольшим уровнем безработицы характеризуются Ереван,

¹ О большей криминогенной активности городского населения говорится также в работе Габияни А.А., Гачечиладзе Р.Г., Дидебулидзе М.И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси, 1985, с. 57, 155.

Сюник, Ширак, Лори, Вайк. Все вышеуказанные регионы, кроме Вайка, традиционно характеризуются высоким уровнем преступности.

V. Семьи, получающие пособие по бедности, по коэффициентам на 10000 населения.

1) Ереван–390, 2) Армавир–251, 3) Арарат–423, 4) Котайк–438, 5) Ширак–1103, 6) Лори–1107, 7) Тауш–700, 8) Арагацотн–478, 9) Гегаркуник–597, 10) Сюник–615, 11) Вайк–642. Вновь наблюдается корреляция между высоким уровнем преступности и семьями, получающими пособие по бедности. Наибольший коэффициент наблюдается в Лори, Шираке, Сюнике, Тауше, где уровень преступности традиционно выше. Исключения составляют Ереван, где уровень преступности выше, а коэффициент семей, получающих пособие по бедности–ниже, и Вайк, где налицо обратная картина.

VI. Обеспеченность жилплощадью.

1) Ереван–17,5, 2) Армавир–24,1, 3) Арарат–20,8, 4) Котайк–22,3, 5) Ширак–20,9, 6) Лори–22,2, 7) Тауш–24,2, 8) Арагацотн–28,3, 9) Гегаркуник–24,5, 10) Сюник–22, 11) Вайк–25,3.

Можно констатировать корреляцию между обеспеченностью жилплощадью и преступностью: наиболее обеспеченные регионы в основном характеризуются наименьшим уровнем преступности (Вайк, Армавир, Арагацотн).

VII. Коэффициент браков и разводов на 10000 населения.

Таблица 7

	браки	разводы
Ереван	48	9
Арарат	39	4
Арагацотн	46	2
Армавир	48	3
Гегаркуник	64	3
Ширак	48	5
Лори	51	4
Котайк	47	6
Тауш	48	3
Вайк	48	6
Сюник	38	5

По соотношению браков и разводов самыми неблагополучными являются Ереван, Сюник, Арарат, Котайк. В основном это регионы характеризующиеся высокой долей городского населения, где наиболее распространены раскрепощения нравов, эмансипация женщин, внедрение западной культуры. Немаловажное значение имеют и этнопсихологические особенности: отношение к браку, разводу, своеобразное понимание мужской чести и достоинства, отношение к женщине. Там, где прочны национальные традиции, где ценность семьи—наивысшая ценность, где не допускается равноправие женщин, но в то же время имеется уважительное к ней отношение, там, даже при неблагоприятных социально-экономических условиях, семья сохраняется.

Важным криминологически значимым показателем является уровень экономической развитости того или иного региона. Но по этому параметру ситуация не однозначна. Так, наиболее экономически развитыми регионами являются Ереван, доля которого в промышленности Армении составляет 49,3%, а в предоставлении услуг—78,2%, Котайк—13,5% и 3,2%, Сюник—9,8% и 1,5%, Арарат—8,6% и 2,7%. Ереван и Сюник характеризуются наибольшим уровнем преступности, а Арарат и Котайк, несмотря на то, что до 2000г. занимали промежуточное положение, а то и характеризовались низким уровнем преступности, в последние годы обнаруживают тенденцию устойчивого роста. Вайк и Тауш характеризуются аналогичными низкими экономическими мощностями, но Вайк традиционно характеризуется низким уровнем преступности, а Тауш—высоким. Средними и почти равными экономическими данными характеризуются Армавир, Гегаркуник, Лори. Между тем Армавир и Гегаркуник характеризуются низким уровнем преступности, а Лори—высоким.

Если обобщить вышеприведенные данные, то окажется, что с высоким уровнем преступности более или менее жестко коррелируют такие факторы, как уровень безработицы, обеспеченность жилплощадью, уровень городского населения, коэффициент семей, получающих пособие по бедности. Менее жесткая корреляция наблюдается между уровнем экономического развития и уровнем преступности. Однако, уровень экономического развития, сочетаемый с высоким уровнем безработицы, бедности, социально-экономическим расслоением, которое в

экономически развитых регионах наиболее ощутимо, должна была способствовать более высокому уровню преступности. Надо сказать, что этот вывод подтверждается динамикой преступности в экономически развитых регионах. Так, за последние пять лет уровень преступности растет в Ереване, Армавире, Арарате, Котайке. Есть все основания полагать, что высокий уровень преступности в Тауше в начале 90-х годов—результат армяно-азербайджанского конфликта. Тауш граничит с Азербайджаном, поэтому не случайно, что в эти годы здесь уровень преступности и особенно насильственной был выше, чем в Ереване, Лори, Шираке. То же самое можно сказать и о Сюнике, который тоже граничит с Азербайджаном. Не случайно, что по мере смягчения конфликта и приостановления военных действий в этих регионах уровень преступности стал снижаться. Между тем сравнительно низкий уровень преступности в эти годы в Шираке, Лори, Арарате, Котайке, Армавире—результат латентизации преступности. Что касается Сюника, то хотя этот регион по своей доле в промышленности Армении занимает одно из ведущих мест, но вряд ли можно считать Сюник экономически развитым регионом хотя бы потому, что, во-первых, он характеризуется наибольшей плотностью населения, во-вторых, существенным превалированием городского населения. Поэтому, хотя с 2001 по 2004гг. уровень преступности здесь снижается, однако незначительно, а по сравнению с 1993 по 1996гг. все равно значительно выше. При этом, как уже отмечалось, в регионах, характеризующихся традиционно низким уровнем преступности с 1993 по 1996гг., постепенно наблюдается рост уровня преступности, особенно ненасильственной корыстной преступности.

Еще меньше корреляция между преступностью и коэффициентами браков и разводов. Но это лишь потому, что отрицательное воздействие этого явления на состояние преступности затянато во времени. Развод оказывает психотравмирующее воздействие в основном на подростков и детей дошкольного и школьного возраста. Со временем, в течение ближайших десяти лет, отрицательное воздействие развода может дать знать о себе ростом уровня преступности несовершеннолетних.

На уровень преступности может оказать влияние и наличие криминальных авторитетов в том или ином регионе, при чем таких, кото-

рые имеют авторитет не только в региональном, но и республиканском масштабе. Наличие таких лиц воздействует на преступность несколькими путями. Во-первых, они могут монополизировать преступную деятельность, что может способствовать некоторому объективному снижению общеуголовной преступности, потому что преступность, если можно так сказать, будет находиться в рамках допущения этого лица (или лиц). Во-вторых, наличие таких лиц способствует латентизации преступности, потому что правоохранительные органы часто действуют с оглядкой на реакцию данного лица на их деятельность, или же находятся с ним в коррупционных связях. Поэтому в таких регионах двойные стандарты при применении закона более распространены, а принцип неотвратимости наказания более часто нарушается. Поэтому статистически регистрируемый сравнительно низкий уровень преступности в таких регионах как Армавир, Котайк, Гегаркуник может быть результатом латентизации преступности и по вышеуказанным причинам.

Наконец, на уровень преступности и его различных видов могут оказать влияние и этнопсихологические особенности населения данного региона. Скажем, относительно высокий уровень насилия в Тауше, Лори можно объяснить и тем, что население этих регионов характеризуется такими качествами как упрямство, исторически обусловленная воинственность, обостренное чувство собственного достоинства¹.

Таким образом, анализ региональных особенностей преступности в Армении выявил некоторые криминологически значимые показатели, влияющие на уровень и структуру преступности, что позволяет прийти к следующим выводам:

1) на уровень преступности, в первую очередь, влияют такие социально-экономические явления, как уровень безработицы, уровень социально-экономического расслоения, уровень обеспеченности жилплощадью, а уровень бедности играет относительно второстепенную роль;

¹ Зависимость региональных особенностей преступности от этнического состава населения выявлено и в других исследованиях, например, Andri Ahven, Lauri Tabur, Kauko Aromaa "Victims of crime in Estonia 1993-2000". Tallin-Helsinki, 2001, p. 18.

2) в Армении региональные особенности преступности зависят и от наличия в том или ином регионе криминальных авторитетов республиканского уровня;

3) на региональные особенности преступности влияют и этнопсихологические особенности населения данного региона;

4) на региональные особенности преступности значительное влияние имеют нравственно-психологические явления: раскрепощение нравов, внедрение западной культуры, неблагоприятные тенденции в динамике браков и разводов являются существенными детерминантами относительно высокого уровня преступности;

5) на статистически выявленные особенности преступности разных регионов существенное влияние может оказать уровень латентности преступности того или иного региона. Поэтому при анализе региональных особенностей преступности надо основываться не только на официальную статистику, но и на количественный и качественный анализ социальных, экономических, нравственно-психологических, правовых, этнопсихологических особенностей регионов;

6) наблюдается некоторая интенсификация преступности в регионах Армении, в которых в основном превалирует сельский уклад жизни. Это обстоятельство настораживает, потому что свидетельствует о снижении эффективности неформального контроля, о девальвации традиционных нравственных ценностей. В то же время наиболее интенсивно преступность растет в тех регионах, где за последние годы наблюдается рост экономической активности. Можно предполагать, что преступность регионов Армении все более обретает черты городской преступности;

7) Экономическое развитие регионов Армении пока что способствует росту уровня как корыстной так и насильственной преступности, потому что сопровождается усугублением социально-экономического расслоения населения, безработицей и социальной несправедливостью;

8) настоящий анализ региональных особенностей преступности в Армении лишь первое приближение к проблеме. Для более всестороннего и глубокого анализа региональных особенностей преступности нужно проводить дополнительные, более глубокие исследования с применением соответствующей методики.

ГЛАВА 3.

Криминологическая характеристика отдельных видов преступности

§1. Проблема криминологической классификации преступлений

Классификация—это распределение предметов, явлений или понятий по соответствующим классам, группам в зависимости от их основных и определяющих признаков. Классификация позволяет видеть изучаемые явления в научно обоснованном и структурированном виде, выявлять их взаимосвязи и соподчинения, понять их как части целого и, базируясь на представлении об этой целостности, прогнозировать наличие недостающих звеньев, т.е. осуществлять диагностирование и предсказание новых явлений. Научные классификации выражают систему законов, присущих отображенной в ней области действительности.

В криминологии до последнего времени не было единого критерия классификации преступлений. В качестве таких критериев можно встретить объект преступного посягательства, сферы человеческой деятельности, социальные слои и группы населения, региональные и территориальные особенности, формы преступной деятельности, стойкость общественно опасной ориентации, пол, возраст, психическое состояние преступников и т.д.

Но, как справедливо отмечается в литературе, изучение причин и разработка эффективных мер предупреждения преступлений возможны лишь на основе выявления доминирующих, существенных, постоянных и статистически устойчивых причинных зависимостей. В их установлении важную роль играет правильный выбор критерия классификации изучаемых преступлений. Криминологическая классификация преступлений по родовому объекту посягательства, социальным сферам, регионам и предприятиям, социальным слоям и демографическим группам населения, стойкости антисоциальных ориентаций

преступников и т.д. не обеспечивает целостного, глубинного изучения преступного поведения. Такие классификации позволяют выявить значимые, но частные причины криминологических различий в характеристике преступлений, а не их глубинные и интегрированные причины¹.

Исходной, основной и фундаментальной целью криминологии является изучение преступности и ее причин. Поэтому в последнее время в криминологической литературе справедливо обосновывается то положение, что комплексным интеграционным критерием классификации преступлений является социальное содержание мотивации преступного поведения. Преступления совершаются конкретными лицами для достижения своих субъективных целей, сформированных объективными условиями их жизнедеятельности. Поэтому в основу ведущей криминологической классификации деяний может быть положена (а) взаимосвязанная совокупность объективных причин преступления, реализованная в соответствующем (б) содержании мотивационной сферы личности преступника и (в) мотивации преступного поведения. Этот тройственный критерий практически сводится к одному – к содержанию мотивации преступного поведения в том широком понимании, как ее рассматривает мировая и отечественная психология².

Как уже отмечалось криминологическую суть преступлений составляет их мотивация, которая в субъективной форме отражает всю совокупность объективных причин и условий. Криминальная мотивация полнее и точнее отражает социальную сущность криминологической обстановки³.

Исходя из этого, основную массу реально совершаемых преступлений разделяют на пять больших групп: 1) политически мотивированная преступность, 2) корыстные преступления, 3) насильственные (агрессивные) преступления, 4) анархические и 5) легкомысленные (неосторожные) преступления⁴.

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений// Государство и право, 2005, №6, с. 57.

² Там же, с. 58.

³ См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991, с. 10.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений// Государство и право, 2005, №6, с. 60.

В настоящей работе при исследовании отдельных видов преступлений я постарался придерживаться данной классификации, однако с некоторыми отступлениями.

Во-первых, не исследовалась политически мотивированная преступность и анархические преступления ввиду отсутствия достаточных статистических данных без которых исследование носило бы сугубо теоретический характер, без практической пользы для Армении.

Во-вторых, отдельно исследовались коррупционная преступность и преступность несовершеннолетних, которые не являются особыми видами преступности – коррупционная преступность является разновидностью корыстной преступности, а в преступности несовершеннолетних представлены почти все перечисленные виды преступного поведения, за исключением может быть политических преступлений. Отдельное исследование этих видов преступности в настоящей работе вызвано следующими соображениями.

Что касается коррупции, то учитывались ее особая общественная опасность и небывалая распространенность в Армении, которые привели к тому, что проблема борьбы с коррупцией стала одной из наиважнейших проблем, стоящих перед армянским обществом.

Отдельное исследование преступности несовершеннолетних оправдано по следующим соображениям.

Во-первых, несовершеннолетние являются резервом взрослой и рецидивной преступности. Значит, тенденции преступности несовершеннолетних во многом будут определять состояние всей преступности в будущем. Выявление этих тенденций может иметь важное значение для выработки мер контроля над преступностью.

Во-вторых, преступность несовершеннолетних имеет некоторые мотивационные особенности. Например, зафиксировано, что при совершении краж корыстные мотивы превалируют лишь в каждом третьем-четвертом случае а в остальных – это мотивы солидарности, самоутверждения в сочетании с групповой зависимостью или гипертрофированным возрастным легкомыслием. Вместе с тем же время в последнее время в преступности несовершеннолетних наблюдается рост корыстной мотивации. Мотивационные изменения в преступности не-

совершеннолетних имеют важное криминологическое значение, так как во многом могут предопределять будущее состояние и структуру преступности в целом. Кроме того, такие изменения отражают специфические криминогенные процессы, происходящие в обществе, знание которых имеет важное значение для криминологического прогноза и контроля над преступностью.

В-третьих, по состоянию преступности несовершеннолетних можно судить о нравственно-психологическом климате данного общества, о ее ценностно-нормативной системе, об эффективности деятельности правоохранительных органов, об отношении общества к несовершеннолетним.

§2. Насильственная преступность

Насилие постоянный спутник человеческого общества. В отличие от других форм преступного поведения оно возникло вместе с человеческим обществом. Насильственный способ разрешения конфликтов, удовлетворения потребностей и достижения целей присущ человеку, как биологическому существу, с момента его формирования. Это имеет не только (и не столько) социальные, но и биологические, психологические корни. Человек, как существо способное мыслить, не является однако, абсолютно разумным: он еще изначально, а может быть навсегда подчинен своим эмоциям¹. Агрессивность, которая является одним из основных детерминантов насилия, врожденное свойство человека. Исследования психологов показывают, что дети различных культур от 3 до 11 лет демонстрируют в среднем по 9 агрессивных актов в час². К. Юнг писал, что мы несем в себе наше прошлое, а именно примитивного, низкого человека с его желаниями и эмоциями³.

То, что люди агрессивны и склонны к насилию постольку, поскольку животные инстинкты продолжают определять их агрессивное поведение, доказывается хотя бы историей войн. Последние пять тысяч

¹ См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000, с. 151-152.

² См.: Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1996, с. 14.

³ См.: Антонян Ю.М. Тени прошлого., М., 1996, с. 5.

шестьсот лет письменной истории человечества включают 14.600 войн, т.е. средняя цифра составит более 2,6 войн каждый год¹. При этом, цивилизация никак не влияла на разрушительные тенденции. Наоборот—люди изобрели все более изощренные и опасные способы уничтожения друг друга.

Однако, можно ли утверждать, что биологическая предрасположенность и врожденная агрессивность являются единственными детерминантами криминального насилия. Думается, что нет. Есть много теорий, объясняющих механизм насилия другими факторами. И в этом плане прав Э. Побегайло, который, рассматривая различные концепции насилия, приходит к выводу, что несмотря на очевидные содержащиеся в них (концепция—А. Г.) спорные моменты, каждая концепция в той или иной степени выдержала проверку временем и содержит немало рациональных зерен. Их надо отделить от плевел и использовать в интересах дела. Нужен интегративный подход к этим воззрениям².

Прежде чем изложить собственную позицию по проблеме считаю необходимым вкратце представить основные теории агрессии и насилия.

Этологический подход, основателем которого является К. Лоренц, исходит из того, что агрессия—наследуемый инстинкт как у животных, так и у человека. Его главное назначение—защитить «огороженную» территорию, территорию, которая обеспечивает достаточно пищи, питья и пространства для двигательной активности и воспроизводства³.

То, что человек представитель животного мира и биологическое существо, не вызывает сомнений. Достаточно наблюдать за развитием человеческого эмбриона, который повторяет цикл развития человека как биологической особи. Естественно, что человек как биологическое существо наследовал от своих животных предков их инстинкты. Кроме этого, становление человека происходило в тяжелых условиях, в постоянной борьбе за выживание, в окружении опасных животных и

себе подобных. Очевидно, что человек мог выжить лишь благодаря своей агрессивности, умению отстоять за себя. Процесс цивилизации и культура не смогли полностью нейтрализовать животные инстинкты человека. Да и объективных оснований к этому не было. Как уже отмечалось, история человечества это история постоянных войн.

Однако, надо заметить, что хотя биологические основания агрессивности и насилия до сих пор существуют, но процесс цивилизации и культура не смогли не оставить свой отпечаток. Насилие в современном обществе стало выполнять социальные, политические, психологические функции, а не только функцию обеспечения выживания человека как биологического существа. При этом, у современного человека многократно увеличивались возможности разрешения проблем различными способами. Поэтому, хотя биологическая предрасположенность играет важную роль в мотивации насилия, однако, объяснить насилие в современном обществе лишь биологической предрасположенностью невозможно.

Распространенной концепцией насилия является психоаналитический подход, который также исходит из того, что люди по самой своей природе склонны к реализации агрессивных побуждений. З. Фрейд считал, что насилие является результатом разряда агрессивной энергии. В основе агрессивного поведения лежит одно из фундаментальных влечений неосознаваемого ядра в структуре личности: стремление к разрушению и смерти. Таким образом, Фрейд приводит нас к мысли, что человеческое поведение зависит не только от рациональных, осознаваемых мотивов, но и глубинных, неосознаваемых установок. То, что неосознаваемые психические процессы и переживания направляют человеческую деятельность и часто могут стать ведущим мотивом преступного поведения, убедительно доказано многими криминологами.

Надо сказать, что психоаналитический подход не ограничивается лишь концепцией влечения к разрушению и смерти. В рамках психоанализа формировались и другие концепции.

Одной из них является теория комплекса неполноценности, основателем которой является Альфред Адлер.

¹ См.: Бартол К., Психология криминального поведения. СПб., 2004, с. 152.

² См.: Побегайло Э. Психологические детерминанты криминальной агрессии. Уголовное право. №1, 2002, с. 106.

³ См.: Бартол К., Психология криминального поведения. СПб., 2004, с. 154-155

Комплекс неполноценности заключается в стойкой уверенности человека в собственной неполноценности как личности. Человек, испытывающий чувство неполноценности, на начальных этапах своей жизни плохо адаптируется, он не уверен в себе, социально неприспособлен. В дальнейшем чувство неполноценности вытесняется в бессознательное, но продолжает «давить» на человека и направляет его поведение. Человек стремится избавиться от этого комплекса, преодолеть чувство неполноценности, что часто приводит к формированию противоположного комплекса—комплекса превосходства. Социальная неприспособленность, неуверенность в себе сменяется искаженным стремлением самоутвердиться любой ценой. Инстинкт превосходства, стремление возвыситься над другими, подчинить их себе становятся определяющей внутренней силой индивида, главным источником его поведенческой мотивации¹.

С криминологической точки зрения очень важным является выяснение причин формирования комплекса неполноценности. Психологические и криминологические исследования показывают, что причинами формирования комплекса неполноценности являются неблагоприятные условия детства.

Неблагоприятные условия детства формируют не только комплекс неполноценности, но и другие психологические явления, которые имеют криминогенный потенциал.

Как уже отмечалось, в результате эмоционального отвергания родителями, лишения родительской ласки и попечения у ребенка на уровне подсознательного формируется тревожность, беспокойство, боязнь утраты себя, своего «я», своего положения в жизни. Маленький человек ощущает, что под сомнение поставлено само его право на существование, он поэтому страшится небытия и постоянно ожидает враждебных, даже агрессивных действий со стороны окружающих.

Криминогенное значение имеет не только эмоциональное отвергание ребенка, но и жестокое с ним обращение, применение телесных наказаний, издевательства. Ребенок, выросший в такой обстановке, воспринимает окружение как что-то враждебное, от которого ничего хорошего нельзя ожидать. Отсюда встречная враждебность к окружению.

¹ См.: Адлер А. Наука жить. Киев, 1967, с. 153-156.

воспринимает окружение как что-то враждебное, от которого ничего хорошего нельзя ожидать. Отсюда встречная враждебность к окружению.

Если человек с детских лет видит не ласку и заботу, а грубость и насилие, он воспринимает последние в качестве вполне допустимых форм поведения. Кроме этого, у него формируется установка на защиту от постоянно ощущаемой угрозы. А эта установка носит агрессивный характер¹.

Таким образом, психические травмы и неприятные переживания детства, отрицательные эмоции формируют такие психические формирования как комплекс неполноценности, тревожность, отчужденность, которые на бессознательном уровне направляют поведение человека в будущем. И если дальнейшая социализация не компенсирует ущербность первичной социализации, то вероятность преступного, деструктивного поведения многократно увеличивается. Мои исследования проведенные в Армении подтвердили этот факт: среди осужденных за нанесение телесных повреждений неблагоприятная первичная социализация обнаружилась у 56%. При этом дальнейшие условия их жизни никак не компенсировали ущербность первичной социализации (трудное материальное положение в течение всей жизни, безработица, развод и т. д.).

На бессознательные мотивы человеческого поведения указывает и основоположник аналитической психологии Карл Юнг. Как уже отмечалось, в характеристике души человека Юнг особое внимание уделяет архетипам и одним из таких архетипов является «Тень»—генетически унаследованное от архаического прошлого примитивное, докультурное, животное, оттесненное в область бессознательного. Тень—память о первобытном, диком прошлом, информация о вековом опыте применения насилия, которая, будучи вытесненной в область бессознательного, все же воздействует на поведение человека, направляет его. Именно архетип «Тени» «ответственен» за агрессивное поведение человека.

Психоаналитический подход к проблеме агрессии и насилия достаточно продуктивен. Он во многом объясняет глубинные причины агрессии и насилия, немотивированных, на первый взгляд, насильст-

¹ См.: Антоян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001, с. 109.

венных поступков, поведение серийных убийц, убийц-некрофилов, что достаточно подробно исследовано в криминологии¹. Кроме этого, психоаналитический подход во многом объясняет, почему культура и цивилизация не смогли нейтрализовать деструктивные тенденции человека как биологического существа и как наследника своего дикого предка. С этой точки зрения психоаналитический подход объясняет и причины осознанного выбора насилия как способа удовлетворения потребностей и достижения целей.

В свете вышесказанного теории фрустрации и научения, на мой взгляд, выявляют лишь поверхностные причины деструктивного поведения.

Как уже отмечалось фрустрацией называют состояние дезорганизации сознания и деятельности, возникшее, когда вследствие каких-либо препятствий и противодействий мотив (вернее потребность—А. Г.) остается неудовлетворенным или его удовлетворение тормозится².

Человек, будучи фрустрирован, испытывает беспокойство и напряжение, чувства безразличия, апатии и утраты интереса, вину и тревогу, ярость и враждебность, зависть и ревность и т. д. Это эмоциональное состояние предопределяет некоторые виды фрустрационного поведения, лишь одним из которых является агрессия и насилие. Фрустрация не обязательно и не всегда приводит к насилию и агрессивному поведению.

Теория фрустрации не объясняет причину выбора именно агрессии и насилия в качестве способа разрядки и разрешения психологического конфликта.

Теория научения рассматривает агрессию и насилие как результат научения посредством наблюдения. Агрессивную манеру поведения человек усваивает, наблюдая за действиями окружающих и отмечая последствия этих действий. Повседневная жизнь демонстрирует моде-

¹ См.: Антонян Ю.М. Тени прошлого. М., 1996, его же. Убийства ради убийства. М., 1998.

² См.: Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971, с. 100.

ли агрессивного поведения в семье, субкультуре и средствах массовой информации. Такую модель поведения и принимает человек¹.

То, что человек принимает ту модель поведения, которая распространена в окружении, не вызывает сомнения. Однако теория научения не объясняет, почему современный человек, зная о противоправности и аморальности насилия, зная о неблагоприятных последствиях для себя в виде уголовного наказания, вплоть до смертной казни, все же идет на преступление (расчет на безнаказанность не всегда может мотивировать выбор варианта поведения, потому что всегда есть вероятность того, что преступника поймают, и преступник, особенно тогда, когда совершает рационально и осознанно выбранное насильственное преступление, всегда знает об этом). Наконец, теория обучения не объясняет причину существования насильственной и агрессивной модели поведения в окружении человека.

Обзор концепций, объясняющих насилие и агрессию, приводит к мысли, что объяснить причины насилия, исходя из монистических позиций, невозможно.

Я придерживаюсь той позиции, что из-за биологических и психологических особенностей человек изначально способен к агрессии и насилию. Как уже было показано, человек унаследовал агрессивную и насильственную форму поведения от своих дальних предков. Культура и цивилизация не смогли полностью нейтрализовать животные инстинкты человека. Этому способствовало не только то, что биологическая конституция современного человека и его мозг практически не отличаются от первобытного человека, но и то, что психика человека на бессознательном уровне наследует вековой опыт всего человечества.

Кроме того, агрессия и насилие продолжают оставаться распространенными формами человеческого поведения из-за ущербности онтогенетического развития индивида.

Таким образом, в человеке есть биологические и психологические потенции преступного, деструктивного поведения. Иными словами, человек способен к агрессивному, насильственному поведению. Но дело

¹ См.: Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1999.

в том, что эти потенции не являются преступными изначально. Первобытный человек применял насилие как способ выживания. В современном обществе насилие также не всегда преступно, оно может быть даже полезным (необходимая оборона, освободительная война и т. д.). Бессознательные образы, идеи коллективного бессознательного также изначально не преступны. И здесь вступают в действие уже социальные факторы: культура, мораль, религия, нравственность, право. Посредством морали, религии и права многие виды насилия со временем объявлялись злом, безнравственным, преступным. Формировалось понимание того, что насилие над другим опасно не только для жертвы, но и для всего общества. Соблюдение моральных, религиозных и правовых запретов обеспечивалось соответствующими санкциями. Но жизнь человека по мере развития цивилизации и культуры не стала более спокойной и не была усыпана розами. Усложняющиеся социальные отношения, нехватка пищи, неограниченные потребности человека, перенаселение, миграция, природные катаклизмы, социальное неравенство и несправедливость, ограниченность возможностей удовлетворения потребностей никоим образом не изменили жизнь человека в лучшую сторону. Можно сказать, что жизнь современного человека по своей проблематичности, своим трудностям мало чем отличается от жизни первобытного человека. Страх, тревожность – постоянные спутники человека. К тому же, усложнение социальных отношений, все ускоряющийся ритм жизни, научно-технический прогресс не уменьшили, а наоборот, прибавили проблем. Цивилизация, учащение социальных контактов способствовали формированию отрицательных качеств человека. Помимо традиционных, таких как страх, тревожность, стремление к власти и доминированию, добавились алчность, тщеславие, гордыня, зависть и т. д. – качества, которые, по-моему, результат ущербного сравнения с другими, проявления комплекса неполноценности. Все это препятствовало тому, чтобы моральные, религиозные и правовые принципы и идеи интериоризировались. В результате люди стали прибегать к насилию уже в результате осознанного выбора. Осознанного в том плане, что знали о нравственной и правовой ущербности такого поведения.

Сказать, что мораль, религия и право, цивилизация ничего не изменили в позитивном плане, было бы неверно. Люди научились сдерживать свои эмоции, соблюдать правовые, религиозные и моральные

правила. Но не все и не всегда. Видимо время цивилизации не было достаточным для полного преодоления дикого животного в человеке, да и процесс цивилизации, как уже было отмечено, не способствовал этому.

Таким образом, если представить причинный механизм насилия в виде айсберга, то в глубине его будут находиться биологическая предрасположенность, коллективное бессознательное в виде архетипов, индивидуальное бессознательное в виде перинентальных переживаний, эмоций, отрицательных переживаний и эмоций первичной социализации. Вышеуказанные факторы формируют лишь способность к агрессии и насилию. Реализация этой способности в конкретное преступное поведение зависит от социальных факторов, от особенностей социализации конкретного лица. И здесь важную роль играют научение, низкий уровень нравственности, правосознания и культуры, социальная несправедливость. Фрустрация является толчком для движения глубинных причин насилия. Вместе с вышеуказанными отрицательными социальными факторами, а также с отрицательными ценностными ориентациями, в частности, пренебрежением к человеческой жизни и здоровью, глубинные причины насилия реализуются в форме насильственного, деструктивного поведения.

Вышесказанное приводит к неутешительному выводу о том, что нет и не может быть общества, свободного от насилия. Об этом свидетельствуют и статистические данные по всему миру. Уровень преступного насилия обнаруживает тенденцию роста по всему миру. При этом рост насилия обнаруживается и в благоприятных в социальном, культурном и правовом отношении странах.

Статистические данные об умышленных убийствах с 1995 по 2000 гг. показывают, что коэффициент убийств на 100 тыс. населения увеличился в большинстве европейских стран. Так, в 2000 г. по сравнению с 1995 г., в Албании он увеличился на 11%, в Австрии – на 7%, в Чехии – на 1%, в Дании – на 5%, в Ирландии – на 19%, в Молдове – на 3%, в Норвегии – на 19%, в Польше – на 7%, в России – на 2%, в Словакии – на 11%, в Испании – на 24%, в Украине – на 5%, в Англии и Уэльсе – на 11%, в Северной Ирландии – на 187%. В некоторых странах наблюдается снижение уровня умышленных убийств. Однако происходит это на фоне роста в другой отрезок времени. Например, во Франции в 2000

г. по сравнению с 1995 г. наблюдается снижение на 23%, однако в 1994-1995 гг. по сравнению с 1990 г. здесь наблюдался рост – с коэффициента 4 в 1994 г. до 5 и 5,2 соответственно в 1994 и 1995 гг. Аналогичная картина наблюдается и в Греции.

Однако даже в тех странах, где наблюдается снижение уровня умышленных убийств, говорить о снижении уровня насилия не приходится. Снижение уровня убийств как бы компенсируется ростом других насильственных преступлений. Об этом свидетельствуют статистические данные по нападениям (в нашем понимании – телесным повреждениям).

Так, в 2000 г. по сравнению с 1995 г. уровень нападений во Франции увеличился на 13%, (уровень убийств снизился на 23%) в Хорватии – на 86% (уровень убийств снизился на 26%), в Кипре – на 29% (уровень убийств снизился на 11%), в Финляндии – на 28% (уровень убийств снизился на 4%), в Германии – на 21% (уровень убийств снизился на 32%). В то же время наблюдается обратная картина: рост уровня убийств сопровождается снижением уровня нападений. Так, в 2000 г. по сравнению с 1995 г. уровень нападений снизился в Албании на 15% (уровень убийств увеличился на 11%), в Чехии – на 31% (уровень убийств увеличился на 1%), в Люксембурге – на 39% (уровень убийств увеличился на 4%) в Словакии – на 39% (уровень убийств увеличился на 11%)¹.

Такая же тенденция наблюдалась и на рубеже XX-ого века. Так, статистические данные об осужденных на 100 тыс. населения в России показывают следующую картину: если за убийство в 1903 г. на 100 тыс. населения приходилось 5,9, в 1904 г.-5,5, в 1905 г.-5,8, в 1906 г.-6,2, в 1907 г.-7,0, в 1908 г.-7,7, в 1909 г.-8,2, в 1910 г.-7,6, осужденных, то за телесные повреждения соответственно: 19,7, 23,2, 22,8, 13,2, 10,0, 10,8, 11,4, 10,5².

Можно предположить, что уровень насилия и агрессии в обществе обнаруживает некоторое относительное постоянство, что также подт-

верждает концепцию о биологической и психологической основе насилия. Другое дело вид насилия и агрессии. На мой взгляд, распространенность того или иного вида насилия зависит от множества факторов: порога насыщенности тем или иным видом насилия, социально-экономических, социально-психологических, культурных, правовых явлений и т. д. Чем сильнее действуют фрустрирующие явления в обществе, чем сильнее они способствуют формированию тревожности, чем сильнее тревожность давит на человека и достигает уровня страха смерти, тем опаснее вид насилия. Может быть этим можно объяснить то обстоятельство, что в более или менее устойчивые периоды тенденцию роста обнаруживают те виды насилия и агрессии, которые менее общественно опасны, и наоборот, более опасные виды насилия и агрессии–убийства, самоубийства (уровень самоубийств в Армении с 1994 г. по 2001 г. снизился более чем в три раза–с 218 до 60) проявляют тенденцию роста в неустойчивые времена, в переходные периоды общества, в состоянии аномии, когда люди находятся в состоянии неопределенности и сильнее переживают тревогу, страх небытия, отчужденность.

Прежде чем приступить к анализу насильственной преступности в Армении, уточним круг насильственных преступлений. К насильственным относятся те умышленные преступления, в которых физическое или психическое насилие являются способом удовлетворения потребностей и достижения целей. При таком понимании к насильственным преступлениям можно отнести убийства, нанесение вреда здоровью, изнасилование и другие сексуальные преступления, сопровождающиеся насилием, захват заложника, терроризм, похищение человека, незаконное лишение свободы, сопротивление полицейскому, бандитизм, вымогательство, хулиганство, разбой, грабеж с применением насилия или его угрозы, превышение должностных полномочий с применением насилия или его угрозы, самоуправство с применением насилия или его угрозы, принуждение к даче показаний, геноцид и т. д. Хотя перечисленные преступления отличаются по объекту посягательства, элементами мотивации, однако способ, к которому прибегает преступник для достижения своих целей, одинаков–физическое или психическое насилие. В свете сказанного я полагаю, что насилия ради насилия не

¹ См.: European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2003, Second edition, p. 35, 38.

² См.: Энциклопедический словарь., Т-ва Бр. А. и И. Гранать и Ко., 7-ое совершенно переработанное издание, Том 33, М., с. 379, Типография Т-ва Рябушинских.

бывает. Даже в тех случаях, когда, на первый взгляд, насилие не решает никаких проблем, не имеет видимых целей, иррациональное проявление насилия на самом деле направлено на решение важных психологических, неосознаваемых проблем: преодоление тревожности, комплекса неполноценности, освобождения от эмоциональных перегрузок¹. Поэтому насилие—это способ удовлетворения потребностей и достижения целей. В связи с этим, встречающиеся в литературе сомнения по поводу включения разбоя, вымогательства, насильственного грабежа в группу насильственных преступлений, представляются неверными. Конечно, в мотивационном плане разбой отличается от изнасилования, изнасилование отличается от захвата заложника и т. п. Верно и то, что криминологическую сущность преступлений отражает мотивация. Однако не надо забывать, что выбор способов и путей достижения цели является элементом мотива и этапом мотивации. Выбор того или иного способа достижения цели и удовлетворения потребностей зависит от таких субъективных и объективных факторов, как характер актуализированных потребностей, ценностных ориентаций и моральных качеств, интеллектуальных и физических способностей индивида, его культурного уровня, психических свойств, объективных

¹ В литературе различают два вида агрессии: инструментальную и эмоциональную. При инструментальной агрессии поведение человека помимо причинения ущерба имеет и другие цели. Более того, причинение ущерба не является главной целью. Главными целями при инструментальной агрессии могут быть стремление завоевать или сохранить власть, доминирование, социальный статус, завладеть материальными ценностями и т.д. При эмоциональной агрессии, по мнению многих ученых, основной целью поведения является нанесение ущерба, при этом человек испытывает удовольствие от того, что причиняет вред другим людям. В то же время подчеркивается, что человек получает удовлетворения, так как избавляется от депрессии. Кроме того эмоционально возбужденный агрессор человек может иметь и ряд других целей, например изменить существующее положение дел, восстановить оказавшейся под угрозой "я"-концепции, достигнуть ощущения силы и контроля и т.д. Другое дело, что такие виды агрессии и насилия не являются полностью обдуманнными, преднамеренными, сознательно-контролируемыми действиями. Однако это не означает, что в таких случаях у человека отсутствуют мотивы и цели. Просто они не полностью осознаются а то и вовсе не осознаются (О видах агрессии более подробно см.: Леонард Берковиц "Агрессия: причины, последствия и контроль". СПб., 2001).

возможностей удовлетворения потребностей в данной ситуации, от воздействия референтных групп и т. п. На мой взгляд, именно выбор способов и путей удовлетворения потребностей и достижения целей представляет главную криминологическую ценность. Ведь большинство преступлений совершается для удовлетворения тех потребностей, которые присущи любому человеку. Цели, преследуемые преступником, не всегда подлежат отрицательной моральной и правовой оценке. Значит профилактика преступлений должна базироваться в основном на понимании того, почему люди выбирают тот или иной преступный способ удовлетворения потребностей.

Кроме того, несмотря на мотивационные особенности, перечисленные преступления имеют много общего. Во-первых, способом удовлетворения потребности выступает насилие и агрессивное поведение. Во-вторых, иногда эти преступления являются актом агрессии, хотя могут быть и сопутствующие мотивы. В-третьих, во всех этих преступлениях проявляется негативное отношение преступника к человеческой жизни и здоровью, враждебность к окружению. В-четвертых, схожи психические свойства лиц, совершающих перечисленные преступления¹.

Перейдем к анализу насильственной преступности в Армении.

Как и в большинстве стран СНГ, в Армении также наблюдается рост преступного насилия. Хотя доля насильственной преступности обнаруживает тенденцию снижения, однако время от времени наблюдается ее рост. Надо учитывать и то обстоятельство, что за последние годы увеличивается латентность насильственных преступлений. Кроме того, в Армении наблюдается та же закономерность, что и в других странах: снижение уровня убийств сопровождается повышением уровня телесных повреждений и некоторых других насильственных преступлений.

¹ См.: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и Леонард Берковиц "Агрессия: причины, последствия и контроль". СПб., 2001. /расследования преступлений., М., 1996, с. 28-43.

Таблица 8
(динамика насильственной преступности в Армении)

годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
убийства с покушениями	315	191	160	160	136	145	156	129	120	107	110	114	79
тяжкие телес. поврежд.	157	128	134	179	191	207	178	196	193	203	193	205	199
легкие и менее тяжкие телесн. поврежд.	328	299	359	474	526	554	500	517	1117	1125	967	947	725
изнасилован.	38	28	34	38	27	22	23	28	24	30	27	12	23
сопротив. полицейскому	49	32	39	36	35	48	40	45	53	53	41	67	*
хулиганство с отягч. обст.	195	181	185	185	247	285	303	364	328	182	217	*	297
разбой	499	149	108	90	99	125	130	106	123	82	115	128	108
насильственн. грабеж	89	31	27	30	44	73	75	87	*	*	*	*	*
бандитизм	0	2	1	2	5	1	1	1	0	2	0	1	1

В официальных статотчетах отсутствуют данные о других видах насильственных преступлений.

Данные официальной статистики не позволяют прийти к однозначным выводам.

Во-первых, наблюдается снижение уровня убийств (хотя в последние два года опять наблюдается некоторый рост). Аналогичная картина наблюдается в большинстве стран СНГ (кроме России и Украины)¹. Однако есть основания полагать, что в Армении увеличивается латентность убийств. По данным официальной статистики год от года увеличивается число без вести пропавших. Так, в 1991г. было 160 без вести пропавших, в 1993г.–267, в 1994г.–287, в 1998г.–325, в 2000г.–346, в 2001г.–325, в 2002г.–299, в 2003г.–304, в 2004г.–308. При этом с 1994г. по 1999г. по фактам исчезновения было возбуждено 44 дела, из которых по двум делам было выявлено, что пропавшие без вести были убиты. В остальных случаях из-за отсутствия полного и всестороннего расследования обстоятельства исчезновения людей не были выявлены².

¹ См.: Насильственная преступность против личности в странах СНГ. Уголовное право, 2001. №3, с. 100.

² Из протокола №4 заседания коллегии Ген. прокуратуры РА от 26 мая 1999г., с. 2.

Одновременно по данным официальной статистики увеличивается раскрываемость насильственных преступлений. Так, раскрываемость убийств в 2000г. составила 82,2%, телесных повреждений–88,8%, хулиганства–97,5%, разбоя–56,8%, (в 1993г. соответственно–31%, 50%, 64%, 25%). Объективно такого уровня раскрываемости не может быть. Есть основания полагать, что имеет место манипуляция статистическими данными.

Все же можно предположить, что в Армении реально идет процесс сдвига насильственной преступности от более общественно опасных к менее опасным, вследствие происходящих в обществе процессов некоторой стабилизации.

Терпит изменения структура убийств. Во-первых, наблюдается увеличение доли покушений. Если в 1993 г. она составляла 14,2%, то в 1998 г. уже 35,8%, в 2000 г.–39% в 2005 г.–43%. За последнее время растет доля убийств и покушений в состоянии аффекта. Так, в 1993г. доля этого вида убийства в общем массиве убийств составила 1,5%, а в 2004г.–2,2%. Это свидетельствует о росте непредумышленных и ситуационных преступлений. Об этом свидетельствует и рост таких преступлений, как нанесение телесных повреждений, хулиганство. Так, среднегодовой темп прироста тяжких телесных повреждений составил +5,3, легких и менее тяжких телесных повреждений–+9,6, хулиганства с отягчающими обстоятельствами–+8,6. В то же время наблюдаются изменения в мотивации убийств и других насильственных преступлений. Возрастает доля корыстной мотивации. Так, в 1998г. насильственные грабежи по сравнению с 1994г. возросли в 2,5 раза, вымогательства–в 1,4 раза. Среднегодовой темп прироста вымогательства с 1993 г. по 2000 г. составил +30. Возросла доля убийств по корыстным побуждениям (если в 1989г. она составила 7,8%, то в 1993 г.–9,8%, в 1994 г.–10,9%, в 1997 г.–10,3%, в 1998 г.–8,1%, в 2003г.–8,2%).

Важной криминологической характеристикой насильственной преступности является рецидив. Доля рецидива в убийствах составила–в 1999г.–31%, в 2000г.–37,4%, в 2001г.–24%, в 2002г.–22,2%, в 2003г.–23,5%, в 2004г.–32,2%. В нанесении тяжких телесных повреждений–в 1999г.–22,1%, в 2000г.–23%, в 2001г.–21,8%, в 2002г.–24,2%, в 2003г.–24,2%, в 2004г.–25,1%. В побоев и истязаниях–в 1999г.–14,1%, в 2000г.–21,5%, в 2001г.–8,3%, в 2002г.–18,2%, в 2003г.–12,6%, в 2004г.–

11%. В похищении человека и незаконного лишения свободы—в 1999г.—22,7%, в 2000г.—16%, в 2001г.—16,6%, в 2002г.—28,5%, в 2003г.—7,4%, в 2004г.—20,7%. В изнасилованиях—в 1999г.—33,3%, в 2000г.—45%, в 2001г.—29,6%, в 2002г.—45,9%, в 2003г.—31,2%, в 2004г.—41,6%. В насильственных действиях сексуального характера—в 1999г.—20%, в 2000г.—27,3%, в 2001г.—29,4%, в 2002г.—61,1%, в 2003г.—40%, в 2004г.—42,8%. В разбоях—в 1999г.—41,4%, в 2000г.—48,2%, в 2001г.—50,4%, в 2002г.—43%, в 2003г.—38,9%, в 2004г.—49,1%. В вымогательстве—в 1999г.—44,8%, в 2000г.—11,7%, в 2001г.—30,4%, в 2002г.—15,4%, в 2003г.—23,5%, в 2004г.—41,2%. Во-первых, наблюдается повышение уровня рецидива. Во-вторых, разница уровня рецидива в разных преступлениях довольно существенна. Наибольшая доля рецидива при убийствах составила 37,4%, в нанесении тяжких телесных повреждений—25,1%, в побоях и истязаниях—21,5%, в похищении человека и незаконном лишении свободы—28,5%, в изнасилованиях—45,9%, в насильственных действиях сексуального характера—61,1%, в разбоях—50,4%, в вымогательстве—44,8%. Как видно большая доля рецидива характерна изнасилованиям, насильственным действиям сексуального характера, а также разбоям и вымогательствам—преступлениям, в которых криминальная специализация более вероятна. Кроме этого в генезисе насильственных преступлений более существенную роль играют психические аномалии, биопсихологические факторы, которые трудно или вообще не поддаются коррекции, и которые при влиянии неблагоприятных социальных явлений определяют устойчивую криминальную направленность личности. Однако есть и другие факторы, влияющие на уровень рецидива. Во-первых, уровень раскрываемости. Процент раскрываемости убийств в последние годы составляет от 79 до 81%, тяжких телесных повреждений—от 88,8 до 93,6%, изнасилований—от 90 до 100%, насильственных действий сексуального характера от 90 до 100%, разбоев—от 61 до 69 %. Как видно, чем больше раскрываемость, тем больше доля рецидива. Во-вторых, время для совершения нового преступления: убийцы наказываются строже, чем разбойники или рэкетеры и естественно у них мало времени после освобождения совершать новое преступление. В-третьих, отношение потерпевшего: при изнасилованиях и вымогательстве потерпевший чаще узнает преступника и у последнего, если он попал в поле зрения правоохрани-

тельных органов, мало шансов ускользнуть от правосудия. В-четвертых, особенности работы правоохранительных органов: при совершении разбойных нападений, вымогательства, изнасилований правоохранительные органы, имея данные о лицах, ранее отличившихся аналогичным поведением, быстро очерчивают круг подозреваемых и более часто достигают успеха (хотя бывают случаи, когда преступление просто приписывается лицу), чем при убийствах, нанесении телесных повреждений. В-пятых, латентность—разбой, изнасилование, вымогательство более латентны, чем убийство, нанесение телесных повреждений, поэтому первичные преступники здесь реже попадают, чем рецидивисты, которые, как уже отмечалось, находятся под вниманием правоохранительных органов и к ним более предвзятое отношение. То, что на уровень рецидива влияют вышеуказанные факторы подтверждается и данными об уровне рецидива в кражах, грабежах и мошенничестве. Так, в кражах доля рецидива составило от 32 до 37%, в мошенничестве—от 22 до 31%, в грабежах—от 36 до 48%. Объективно такого не может быть. Кража всегда отличается наибольшим профессионализмом и уровень рецидива здесь должно быть выше, чем в грабежах. Очевидно, что здесь немаловажную роль играет более латентный характер кражи по сравнению с грабежом.

Важным показателем криминологического и нравственного состояния общества является уровень насилия на улицах. По официальной статистике уровень уличной преступности в Армении обнаруживает тенденцию снижения. Так, если в 1991г. его доля составила 5,6%, в 1992г.—3,7%, в 1993г.—2,1%, в 1994г.—2,5%, в 1995г.—4,1%, в 1996г.—5,9%, в 1998г.—7,1%, то начиная с 1999г. доля уличной преступности уменьшается: в 1999г. она составила 5,4%, в 2000г.—4,3%, в 2001г.—4,1%, в 2002г.—1,5%, в 2003г.—1,4% и в 2004г.—1,5%. На фоне снижения уровня убийств и хулиганства эти показатели кажутся правдоподобными. Если же проследить динамику телесных повреждений, то данные о снижении доли уличной преступности могут выглядеть неправдоподобными. Если сравнивать уровень уличной преступности Армении с показателями других стран СНГ, то окажется, что он в Армении значительно ниже. Так, в России доля уличной преступности в 2000г. составил 5,5%, в 2001г.—5,9%, в 2002г.—7,5%.

Отражает ли официальная статистика реальную тенденцию уличной преступности в Армении? На мой взгляд, тенденция, отраженная в официальной статистике с 1991г. по 1993г. не отражает реальность. Тогда, из-за небывалого роста преступности и политической нестабильности, вызванной карабахским конфликтом и сменой власти, вырос уровень латентности. Тенденция уличной преступности с 1994г. по 1999г. наиболее точно отражает реальность. Что касается дальнейшего снижения доли уличной преступности, то, на мой взгляд, это результат латентности. Об этом свидетельствует динамика отдельных видов преступлений совершаемых в общественных местах. Так, уличный разбой в 2000г. составил 12,5% от общего числа разбойных нападений, в 2001г.—9,9%, в 2002г.—2,5%, в 2003г.—3,1%, в 2004г.—9,4%. Уличный грабёж в 2001г. составил 20%, в 2002г.—13,4%, в 2003г.—0% (немыслимая цифра, которая дает основание полагать, что официальная статистика дает очень приблизительные данные), в 2004г.—16,6%. Поножи и истязания в общественных местах в 2000г. составили 10,8%, в 2001г.—10,7%, в 2002г.—15,4%, в 2003г.—1,9%, в 2004г.—9,9%. Аналогичная тенденция наблюдается и при убийствах, изнасилованиях, хулиганстве.

Как видно в 2004г. наблюдается рост доли уличной преступности. Однозначно оценивать ситуацию в Армении трудно. Очевидно, что официальная статистика не отражает реальность. С другой стороны, то, что в Армении уровень уличной преступности пока еще на терпимом уровне тоже факт. Опросы, проведенные мною в течении 2000-2001г.г. показали, что большинство населения (около 78%) не испытывают особый страх перед уличной преступностью и не боятся выходить на улицу даже в позднее время. Такая ситуация опять таки обусловлена пока еще действенным неформальным контролем. Однако, надо учитывать и тот факт, что в Армении больше распространена дворовая преступность, которая не отражается в официальной статистике, потому что, во-первых, из-за того же самого неформального контроля в основном не приводит к тяжким последствиям, во-вторых, потому что соседи и жертвы не информируют правоохранительные органы о совершенных преступлениях. Можно сказать, что довольно-таки существенная часть насильственной преступности в Армении—"подпольная" преступность. Причинами такого состояния являются особенности работы ППС и недобросовестная работа участковых инспекторов. Что касается ППС, то

она патрулирует улицы, но никогда не увидишь ее сотрудников во дворах. Участковые инспекторы кажется вообще не существуют. Раньше почти все жители квартала знали своего участкового в лицо. Ныне мало кто знает участкового своего квартала. Надо сказать, что пассивность участковых обусловлен и тем, что почти везде в квартале все вопросы решают авторитеты криминального мира, а при слабом и коррумпированном государственном аппарате участковые инспектора не обладают тем авторитетом и фактической властью, с помощью которых могли бы эффективно выполнять свои функции.

Все же, на мой взгляд, уровень уличной преступности в Армении может расти из-за постепенного снижения эффективности неформального контроля и атмосферы безнаказанности. Кроме того, повышению уровня уличной преступности может способствовать распад таких традиционных нравственных ценностей, как уважительное отношение к старикам, женщинам, соседям. В последнее время, хотя и не так часто, но все таки были случаи дерзких преступлений на центральных улицах Еревана (разбойное нападение, разборка между преступными группировками с применением огнестрельного оружия). И хотя такие случаи, как уже отмечалось, не так распространены, однако подтверждают правоту моего прогноза.

Что касается доли насильственной преступности в структуре всей преступности, то она в Армении колеблется от 16 до 18%. Но если учесть относительно высокий уровень латентности корыстного, неосторожного и иных видов преступного поведения, по сравнению с латентностью насильственной преступности, то ее доля окажется еще меньше¹.

Хотя, на первый взгляд, кажется, что доля насильственной преступности в Армении выше по сравнению с развитыми странами, где она составляет от 3 до 5 %, однако надо учитывать и большую латентность корыстной и коррупционной преступности в Армении по сравнению с этими странами. Все же насилие в армянском обществе по сравнению с вышеуказанными странами более распространено. Среди 40 европейских стран в 2000г. Армения по уровню убийств находилась

¹ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. с. 214

на 17-ом месте, по нападениям—на 14-ом месте. По убийствам ближе были показатели Бельгии, Франции, Германии и Италии¹.

В то же время среди стран СНГ Армения по уровню насильственной преступности вместе с Таджикистаном разделяет последние места².

Разумеется здесь определенную роль играет латентность. Помимо «§урегулирования» статистики правоохранительными органами, в латентности насильственных преступлений имеют значение и некоторые особенности армянского характера: «§не выносить ссор из избы», когда речь идет о насилии в семье, «§не доносить на обидчика», потому что стукачество презирается, разрешить конфликт своими силами, дабы не казаться слабым и т. д.

В то же время в характере армянина и в армянском обществе есть такие черты, такие особенности, которые имеют сдерживающее значение. Во-первых, пока еще достаточно сильный неформальный контроль. Кстати, то обстоятельство, что в дали от родины интенсивность криминального насилия у армян больше, чем у представителей некоторых других народов (скажем, прибалтийцев), свидетельствует о том, что при исчезновении неформального социального контроля верх берут уже личностные черты: вспыльчивость, эмоциональность и т. д.

Таким образом, именно сильный неформальный контроль, маленькая территория, жертвенная любовь к детям, то обстоятельство, что семья по-прежнему является главной ценностью для армянина, медленная эмансипация армянской женщины являются факторами, которые сдерживают всплеск насилия. Достаточно сказать, что в Армении не было случаев серийных убийств, а серийные изнасилования большая редкость, в чем немаловажную роль играют именно указанные обстоятельства.

Кроме того, при возникновении конфликта, конфликтующие стороны крайне редко сразу прибегают к насилию. Сначала долго выясняются отношения, кто прав, кто виноват, кто что из себя представляет, какие у сторон возможности, можно ли идти на компромисс, готова ли другая сторона к уступкам. Часто в конфликт вмешиваются

знакомые, соседи, друзья, просто прохожие. При этом их роль сводится к роли арбитра или успокаивающего конфликтующие стороны. Это способствует тому, что применяемое насилие редко приводит к серьезным последствиям. По нашим данным, приблизительно в 18% случаев бытовых конфликтов, очевидцам удалось предотвратить применение серьезного насилия.

Важным антикриминогенным фактором является и то обстоятельство, что пьянство и алкоголизм в армянском обществе не являются острой социальной проблемой.

Однако складывающаяся социально-экономическая, политическая, культурная, социально-психологическая ситуация в Армении настораживает.

Бедность, социально-экономическое расслоение общества являются мощными детерминантами насилия. Общеизвестно, что уровень насилия выше в бедных и развивающихся странах. Но бедность сама по себе еще не является основным и главным фактором, детерминирующим насилие. Гораздо большую криминогенную нагрузку имеет социально-экономическое расслоение общества, которое в Армении достигло небывалых размеров.

Угрожающих размеров достигла безработица. Из-за отсутствия рабочих мест, бедности, нравственно-психологического климата растет уровень миграции. Проводимые социологические опросы мигрирующих выявили основные мотивы миграции: отсутствие рабочих мест—34,3%, невозможность зарабатывать для удовлетворительного уровня жизни—29,1%, отсутствие веры в перспективы развития в Армении—20,1%, нездоровая социальная, морально-психологическая атмосфера—3,0%.

Складывающаяся социально-экономическая обстановка является благоприятной почвой для повышения уровня тревожности у населения, что, как уже говорилось, является одной из основных, глубинных причин преступного поведения.

Другая неблагоприятная тенденция связана с урбанизацией. Армянское село фактически разрушено, а в городах идет процесс активной миграции. За последнее десятилетие очень многие из-за тяжелого экономического положения, продали свои квартиры и переехали в менее престижные районы. Естественно, в этом процессе люди теряют свои привычные социальные связи. Кроме того, идет процесс укрупне-

¹ См.: European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2003., Second edition, p. 35-38.

² См.: Насильственная преступность против личности в странах СНГ в 2000-2003 гг. Уголовное право, N4, 2003, с. 96-98.

ния городов. Достаточно сказать, что в Армении городское население составляет 66% населения Армении. В такой ситуации увеличивается анонимность существования индивида, что в свою очередь приводит к отчуждению, формированию тревожности, страха, насилию.

Повышению уровня насилия могут способствовать культурные факторы. За последнее десятилетие идет бурный процесс раскрепощения нравов. В армянское общество все больше проникают западная культура, западный образ жизни и ценности. Особенно восприимчива к этому молодежь. Это приводит к обострению конфликта между поколениями. Опросы среди населения выявили, что 73% опрошенных отрицательно относятся к процессу раскрепощения нравов, но из этих 73%-ов 56% составили люди старше 40 лет.

Хотя медленно, но все же идет процесс эмансипации армянской женщины.

Из-за тяжелых экономических условий и раскрепощения нравов, увеличивается число разводов. Коэффициент браков и разводов на 100 тыс. населения соответственно составил— в 1997 г.—3,3 и 0,6; в 1998 г.—3,0 и 0,4; в 1999 г.—3,3 и 0,3; в 2000 г.—2,9 и 0,4; в 2001 г.—3,2 и 0,5. Увеличивается число родившихся в незарегистрированном браке. Если в 1997 г. их доля составила 11,7% от общего числа родивших, то в 1998 г.—12,8%, в 1999 г.—13,7%, в 2000 г.—14,6%, в 2001 г.—15,3%.

Таким образом, просматривается тенденция развала традиционной армянской семьи.

Тревогу вызывает тенденция этнической маргинализации— отчуждения от собственной культуры, отрицательное к ней отношение. Этому, конечно, способствуют тяжелая социально-экономическая ситуация, жизненные трудности. По данным некоторых этнопсихологических исследований, число этнических маргиналов в армянском обществе весьма велико¹. Если учесть, что этнический маргинал переживает бурные внутренние конфликты, что в результате переосмысления §мы» концепции, в условиях нынешнего армянского общества углубляется характерный для модельного армянина комплекс неполноценности, то станет очевидным, что в условиях переходного общества, в

¹ См.: Налчаджян К. Этническое самосознание. Ереван, 2003, с. 63 (на арм. языке).

тяжелых социально-экономических условиях внедрение стандартов западной культуры может иметь огромное криминогенное значение.

Неблагоприятное воздействие оказывают и средства массовой информации, особенно телевидение. Армянский эфир насыщен насилием и порнографией, фильмами ужасов. По некоторым исследованиям, в день по различным каналам телевидения демонстрируются от 20 до 25 сцен насилия и секса¹. Это особенно неблагоприятно воздействует на подрастающее поколение, актуализируя сексуальные потребности, формируя тревожность, раздражительность, агрессивность, привыкание к насилию, приводя в действие механизм внешнего целеполагания.

За последнее десятилетие наблюдается возрастание уровня наркотизации населения (коэффициент на 100 тыс. населения в 1999г.—0,3; в 2003г.—0,5), что может в последующем оказать негативное влияние на уровень преступности вообще и насилия в частности.

Криминогенное влияние оказывает увеличение числа психических заболеваний и болезни нервной системы. Так, если в 1999г. коэффициент психических расстройств на 100 тыс. населения составил 39,9, то в 2003г.—47,9. Что касается болезней нервной системы, то увеличивается их доля в структуре заболеваемости населения. Так, если в 1999г. их доля в структуре заболеваемости составила 29,4%, то в 2003г.—36,1%.

Исследование насильственной преступности в Армении позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, насилие в армянском обществе—достаточно распространенная форма поведения. При этом, насильственная преступность обнаруживает тенденцию роста.

Во-вторых, в армянском обществе есть множество факторов социально-экономического, психологического, культурно-исторического характера, способствующих росту насилия. К социально-экономическим факторам можно отнести социально-экономическую расслоенность общества, бедность и безработицу. К психологическим факторам можно отнести эгоизм и индивидуализм, присущие армянам, которые к тому же усилились в результате внедрения рыночных отношений и ценностей рыночной экономики; эмоциональность и вспыльчивость;

¹ См.: Армения 2020: Стратегия развития и безопасности. Ереван, 2002, (на арм. языке).

высокая степень тревожности, которая усиливалась в результате глубокого кризиса во всех областях жизни; отчужденность как результат аномии; характерный для модельного армянина комплекс неполноценности, достаточно распространенная вера в то, что защита чести требует принятия насильственных действий против человека нанесшего оскорбление.

Культурно-исторические факторы сводятся к следующему. Насильственный способ решения конфликтов в армянском обществе имеет исторические корни. История Армении—история войн и конфликтов. К сожалению новейшая история Армении также наполнена войнами: первые и вторые мировые войны, геноцид, карабахский конфликт.

Армяне всегда были оседлыми землевладельцами, что усилило частнособственническое мировоззрение. Как показывают исследования антропологов, кочевые и полукочевые общества отдают предпочтение мирным способам урегулирования конфликтов, чего не скажешь об обществах оседлых землевладельцев¹.

Ныне росту насилия способствуют бурные процессы урбанизации и раскрепощения нравов, деятельность средств массовой информации, развал традиционной армянской семьи, о чем уже говорилось, внедрение частной собственности, формирование потребительской психологии.

Наряду с этим, есть и сдерживающие факторы.

К сожалению, в социально-экономической сфере пока таких факторов нет и в будущем не ожидается.

В психологической сфере тоже не все благополучно. Единственное, что радует, так это то, что в Армении до сих пор не было случаев серийных убийств и очень редки случаи садистских, зверских убийств. Помимо таких факторов, как достаточно сильный неформальный контроль, жертвенная любовь к детям, маленькая территория, это можно объяснить и архетипом Давида Сасунского, героя армянского эпоса, олицетворения силы, бравады, озорства, но в то же время исключительной доброты и наивности.

¹ См.: Норбер Рулан Юридическая антропология. М., 2000, с. 157

Вышесказанное позволяет сформулировать некоторые направления контроля над насильственной преступностью.

Так как насилие имеет глубокие, неосознаваемые психологические причины, воздействие на которых представляется трудным, то профилактика насильственной преступности возможна посредством воздействия на социальные факторы, направленные на ослабление тревожности и отчужденности людей. Здесь важными направлениями профилактики могут быть преодоление бедности и смягчение расслоения общества, повышение уровня образования и культуры, контроль над средствами массовой информации в плане недопущения перенасыщения эфира насилием и порнографией, повышения уровня духовности общества, контроль над оборотом оружия, меры, направленные на поддержку семьи, повышение профилактического потенциала участковых инспекторов и т. д.

Очень важным представляется индивидуальная профилактика, где возможно психологическое воздействие на преступника. В этом плане очень важным представляется подготовка соответствующих специалистов-психологов.

Преодолению насилия способствовал бы возврат к вере, религии и нравственности, которые учат внутреннему контролю¹.

Однако реализация указанных мероприятий чрезвычайно трудно из-за материальных, кадровых, технических, организационных проблем. Особенно в Армении из-за существующего тяжелого социально-экономического положения, падения уровня нравственности и других негативных явлений реализация этих мероприятий представляется еще более сложным. Существенными проблемами являются и инерция мышления, психология индивидуализма, культ материальных ценностей, политическая, культурная, идеологическая нетерпимость. Поэтому представляется, что насильственная преступность будет расти, и не только в Армении, но и во всем мире.

¹ По мнению Леонарда Берковица очень часто, испытывая желание ударить оскорбившего нас человека, мы все же сдерживаемся, потому что научились порицать агрессию, научились тому, что не должны атаковать других ни физически, ни вербально. Проявление агрессии было бы нарушением нашего социального кодекса и норм адекватного поведения, и нам пришлось бы порицать самих себя (Леонард Берковиц, Указ. соч. с. 142).

§3. Корыстная преступность

Корысть является наиболее распространенным мотивом преступного поведения. Особенностью корыстной мотивации является то, что предметом актуальной потребности выступает материальная ценность, приобретаемая аморальным и (или) противоправным способом. Корысть реализуется посредством противоправного и аморального завладения чужим имуществом, правом на имущество, либо благодаря освобождению от имущественных обязанностей и расходов, которые в данной ситуации были бы неизбежны¹.

Но что же из себя представляет корыстный мотив.

Большинство авторов определяет корыстный мотив как стремление получить выгоду материального характера², или же, как стремление удовлетворить потребность в материальных благах³.

Такие определения недостаточны для понимания сути корыстного мотива.

Во-первых, понятие “корысть” имеет отрицательную смысловую нагрузку. Когда говорят о корысти, то подразумевают нечто аморальное, противоправное, а значит в понятие “корысть” включается и способ удовлетворения потребностей. На это справедливо обратил внимание А. Ф. Зелинский, который в определении корыстного мотива специально указывает на противоправный характер способа удовлетворения потребностей⁴.

Во-вторых, определение корыстного мотива как стремления удовлетворить потребность именно в материальных благах, или же, как стремление получить материальную выгоду, не точно отражает глубинный смысл этого мотива, психологическое основание деяния.

В большинстве случаев преступления по корыстному мотиву являются способом удовлетворения более глубинных потребностей человека.

В криминологической литературе корыстный мотив подразделяется на некоторые разновидности: 1) материальная нужда, когда стремление к материальной выгоде порождается недостаточной материальной обеспеченностью, когда человек не может удовлетворить свои минимальные, насущные потребности; 2) стремление к материальному комфорту и благополучию, к приобретению престижных ценностей, к “жизни не хуже других”; 3) мотивы связанные с интересами в области трудовой деятельности (карьеризм, протекционизм, стремление поддерживать нужные связи, угодить начальнику); 4) стремление к накопительству, жадность; 5) стремление к разгульной жизни, потреблению алкоголя, наркотиков; 6) стремление к острым ощущениям, и риску, когда преступление совершается с доминирующей “процессуальной” мотивацией.

Если проанализировать содержание этих мотивов, вникнуть в их суть, то окажется, что ни один из них не связан собственно со стремлением получить материальную выгоду как таковую. Такое стремление можно констатировать лишь в мотиве, связанном с материальной нуждой, который в то же время имеет менее безнравственное содержание, чем остальные. Хотя и здесь не все однозначно. Даже в преступлениях с указанным мотивом смыслом деяния является защита своего биологического статуса.

Уже отмечалось, что мотивы преступного поведения состоят как бы из двух уровней. Первый из них можно называть предметным, поскольку он выполняет функции непосредственного удовлетворения лежащих на поверхности потребностей. Второй уровень мотивов преступного поведения можно обозначить как смысловой. Здесь мотивация возникает, развивается и реализуется на бессознательном уровне, и ее содержанием является постоянное удовлетворение своего “я”, защита своего биологического и социального существования¹.

И действительно, такие корыстные мотивы, как стремление к материальному благосостоянию, к “жизни не хуже других”, карьеризм, жадность, накопительство направлены не только и не столько на удовлетворение материальных потребностей, сколько на утверждение

¹ См.: Зелинский А. Ф. Криминальная психология. Киев 1999, с. 148-150.

² См.: Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений., Казань, 1969, с. 64.

³ См.: Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии., М., 1969. с. 134.

⁴ См.: Зелинский А. Ф. Криминальная психология. Киев 1999, с. 154.

¹ См.: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений., М., 1996, с. 5.

собственного “я”, на удовлетворение потребности в самоутверждении, ощущение стойкости своего бытия, преодоление тревожности и чувства вины.

Мои исследования относительно мотива накопительства и жадности выявили, что он не проявляется в виде бездумного накопительства материальных ценностей, а направлен на достижение других целей: завоевание власти, авторитета, устранение конкурентов, лоббирование групповых интересов, обеспечение благополучного будущего для потомков. К стати, о последнем мотиве. В Армении стремление обеспечить благополучное будущее для своих детей, внуков, даже правнуков стало особенностью национального характера. Одним из мерил оценки человека как достойного уважения личности является его стремление и возможности обеспечить своих потомков, а также реальные результаты деятельности, направленной на достижение этой цели. Человек, не сумевший достичь этой цели осуждается, не принимается, его не уважают и, естественно, он испытывает чувство вины. Аналогичные психологические процессы присущи и карьеризму, стремлению “жить не хуже других”. Скажем, при карьеризме деятельность человека направлена на повышение должности, поднятие вверх по служебной лестнице, а это дает возможность удовлетворить не только всевозрастающие материальные потребности, но и амбиции, потребность властвования, самоутверждения. То же самое можно сказать и о стремлении “жить не хуже других”. Человек всегда сравнивает себя с другими. Ранее я уже отметил, что такие психологические явления, как ревность, зависть результат сравнения с другими, когда сравнение оказывается не в пользу сравниваемого, когда человек чувствует свою ущербность по отношению к другим. Ощущение ущербности приводит к повышению тревожности, отчужденности, чувству вины, агрессивности. Человек стремится освободиться от этого гнетущего его психику напряжения, защитить свой социальный статус, достичь того уровня материального благосостояния и комфорта, который на данном этапе его жизни является для него эталоном.

Что касается стремления к разгульной жизни или стремления к острым ощущениям, и риску, когда преступление совершается с доминирующей “процессуальной” мотивацией, то мне кажется, что здесь опять таки существенную роль играет потребность самоутверждения.

Человек как бы показывает свои возможности, свой ум, хитрость, храбрость и т.д. В то же время в такой мотивации немаловажную роль играет просто желание получить удовольствие.

Когда же корыстное преступление совершается для потребления алкоголя, наркотиков то оно, скажем у подростков, связано с любопытством, модой, обусловлено традициями и обычаями, соблюдение которых служит средством включения в определенную референтную группу, что в конечном счете обусловлено потребностью самоутверждения. У взрослых поводом для употребления алкоголя или наркотиков может быть стремление разрешить конфликт, устранить напряженность и т.д.

В связи с вышесказанным я бы определил корыстный мотив как стремление самоутвердиться, защитить свой биологический или социальный статус, получить удовольствие или избежать неприятностей посредством противоправного, преступного или аморального завладения чужого имущества.

Надо отметить, что мотивация человеческого поведения изменяется в процессе его жизнедеятельности и претерпевает определенную динамику. Об этом свидетельствуют мои исследования относительно мотивов корыстных должностных преступлений.

Сначала мотивом совершения корыстного должностного преступления выступает желание лица удовлетворить свои насущные минимальные потребности. Довольно легко удовлетворив свои потребности незаконными средствами, в подавляющем большинстве случаев не затратив при этом видимых физических и духовных сил, легко избегая наказания, почувствовав преимущества в материальном плане, лицо все чаще и чаще совершает преступление. Как говорится “аппетит приходит во время еды”. Для удовлетворения минимальных потребностей одноразовое совершение корыстного преступления не является достаточным. Более того, обычная корыстная мотивация постепенно превращается в корысть-стяжательство или приобретает оттенки престижности. Об этом косвенным образом свидетельствуют результаты исследования неудовлетворенных потребностей лиц, совершивших должностные преступления и законопослушных граждан, не являющихся должностными лицами. Оказалось, что законопослушные граждане чаще считают неудовлетворенными свои насущные потребности, чем

должностные лица, совершившие преступление. На вопрос, какие потребности считаете не удовлетворенными, ответы были следующими:

Должностные лица, совершившие преступления	Законопослушные граждане
не удовлетворяло питание–45%	не удовлетворяло питание-75%
не удовлетворяло состояние жилища–54%	не удовлетворяло состояние жилища–56%
не удовлетворяла одежда–52%	не удовлетворяла одежда–65%
не могут развлекаться и проводить досуг так, как считают нужным–50%	не могут развлекаться и проводить досуг так, как считают нужным–60%

Динамика потребности в накопительстве прослежена и подтверждается в исследованиях других авторов¹. Такое положение объясняется существенным изменением структуры личности (взгляды, интересы, ценностные ориентации и т. д.), а также системы ее ролевого функционирования в общественных и внутригрупповых отношениях².

То, что в основе корыстной мотивации лежит удовлетворение своего “я”, защита своего биологического и социального существования, доказывается и тем, что уровень корыстной преступности возрастает в те времена и в тех местах, где и когда выше уровень социально-экономического расслоения общества. Однако, для Армении актуальна не только проблема социально-экономического расслоения, которая достигла небывалых масштабов, но и бедности. Как уже отмечалось, по некоторым экспертным оценкам 86.3% населения республики можно считать бедным. При этом речь идет о таком уровне бедности, когда человек не в состоянии удовлетворять минимальные естественные потребности в тепле, пище, жилище. Нехватка средств к существованию достигла такого размера, что грозит биологическому существованию индивида. Постоянное недоедание, плохое качество продуктов питания, неотопляемые квартиры зимой, недоступность

здравоохранения пагубно отразились на состоянии здоровья населения. Приведу некоторые статистические данные: с 1995г. устойчиво падает рождаемость (с 11.6 в 1995г. до 8.4 в 2001г.), уменьшается естественный прирост населения (с 5.3 в 1995г. до 2.1 в 2001г.), растет уровень заболеваемости болезнями нервной системы (с 29.4 в 1999г до 36.1 в 2003г.), новообразований (с 5.5 в 1999 г. до 6.8 в 2003 г.), болезнями системы кровообращения (с 20.0 в 1999г. до 23.0 в 2003г.), активным туберкулезом (с 37.7 в 1999г. до 44.7 в 2003г.). В такой обстановке очень часто корыстное преступление можно считать актом крайней необходимости.

Одним из существенных факторов корыстной преступности является безработица. В 1998-2000г.г. по сравнению с 1992г. число безработных увеличилось более чем в 5 раз. В 2000г. статус безработного получили 182.6 тыс. человек, что составляет 14.3% экономически активной части населения. Однако, это явно заниженная цифра, потому что не учитывается скрытая безработица, которая по некоторым экспертным оценкам, составляет 75997 тыс. человек или 33.6% от общего числа официально работающих¹.

Нет особой необходимости анализировать криминогенное влияние безработицы, если учесть и тот факт, что пособие по безработице в Армении такое мизерное, что не хватает даже на оплату коммунальных услуг. Да и что говорить о пособии по безработице, если зарплата у подавляющего большинства работающих не хватает на те же нужды. Однако нужда вследствие безработицы это одна сторона проблемы. Не менее, а то и более существенное значение имеет психологическое состояние человека. Доминирующее психологическое состояние безработных–растерянность, которая по мере удлинения сроков пребывания без работы ведет к потере самоуважения и депрессии, отчужденности от общества. Более тягостно переживают безработицу люди с высоким уровнем образования и развитой системой социальных потребностей. У этих людей потеря работы сопровождается протестом против общества, принуждающего их к бездуховному труду, враждебностью к общественным институтам, мечтой о новой социальной модели, потеря

¹ См.: Миненок Ш. Г., Личность расхитителя. Криминологическая характеристика и типология. Уч. пособие. Калининград, 1980, с. 25.

² См.: Криминальная мотивация. с. 120.

¹ См.: Егиазарян М. Р. Скрытая безработица как явление переходной экономики. Вестник Ереванского Университета., 2001, N 2 с. 144.

личной перспективы—отрицанием значения и возможностей человеческого прогресса¹.

Как уже отмечалось, в Армении небывалых размеров достигло социально-экономическое расслоение общества. Коэффициент Джинса в 1999г. составил 0,593, а в 2003г. 0,438. Разрыв в уровне доходов 10% населения с самыми низкими доходами и 10% населения с самыми высокими доходами в 2003г. достиг 20-кратного размера. Официальная статистика не отражает реальность. Разрыв в уровне доходов намного больше. Однако даже если брать в основу данные официальной статистики, то все равно небывалое социально-экономическое расслоение налицо.

Социально-экономическое неравенство имеет мощное мотивационное значение. Именно неравенство формирует такие психологические явления как зависть, ревность, комплекс неполноценности, актуализирует потребность в самоутверждении, формирует мотивацию конкуренции. Вообще человеку присуще стремление к неравенству, к превосходству и доминированию над другими. Рыночная экономика легализовала неравенство, что в экономическом отношении оправдано. Однако при слабо развитой экономике, неадекватном законодательстве, в условиях социальной аномии, падении нравственности, ослаблении социально-правового контроля социально-экономическое неравенство имеет колоссальное криминогенное значение. Неравенство не только легализовалась и провозгласилось, но и нагло, по-хамски демонстрируется. При этом те, которые сумели ухватить лакомый кусок, накопить огромный капитал, всячески демонстрируют свое превосходство наплевательским отношением к закону, правам и свободам других людей. Надо учитывать и то, что в подавляющем большинстве случаев, материальное благосостояние и богатство накопились преступным путем, что многократно увеличивает объективный уровень социальной несправедливости и обостряет чувство несправедливости.

Важное криминогенное значение имеет дефицит. Однако надо заметить, что если в советское время в нашем обществе криминогенную роль играл дефицит товаров и услуг, то ныне криминогенную роль иг-

¹ См.: Аствацатуров С. Безработные: проблемы и решения. в журнале “Меняющееся общество”, Ереван, 2001, N 1-2, с. 16.

рает дефицит денег. При обилии товаров и услуг, которое наблюдается в Армении, нехватка средств для воспользования этими благами имеет более существенное негативное психологическое воздействие. Общеизвестно, что потребности актуализируются при встрече с предметами их удовлетворения. Обилие товаров и услуг, их реклама актуализируют потребности людей и в то же время, из-за невозможности воспользоваться ими, имеют раздражающее воздействие на их психику. Особо подвержены искушению дети—обилие дорогих детских игрушек, одежды, сладостей, реклама этих товаров актуализируют детские потребности. Как уже отмечалось, одним из особенностей национального характера армян является жертвенная любовь к детям. Нет нужды особо анализировать психологическое состояние тех родителей, которые не имеют возможностей удовлетворить потребности своих детей.

Рыночная экономика, легализация неравенства, внедрение западных стандартов образа жизни, обилие товаров и услуг, реклама сформировали потребительскую психологию. Деньги, дорогая одежда, еда, роскошное жилье, дорогие автомобили, украшения стали главными, первичными ценностями нашего общества. Социологические опросы показывают, что более чем половина членов нашего общества свое счастье в первую очередь связывают с материальным благополучием. При этом способы и средства достижения этой цели особо не обсуждаются. Страсть к обогащению любой ценой, вкус к предпринимательству, любовь к наживе, поиски благосостояния и материальных радостей стали самыми распространенными страстями¹. Ранее я уже отметил, что преступные способы достижения целей стали инструментальной ценностью для большинства членов нашего общества. Опросы, проведенные мною среди граждан Армении показали, что в обществе складывается терпимое отношение к ненасильственным корыстным преступлениям—кражам, мошенничествам, присвоениям, уклонениям от уплаты налогов и т. д. Только 3% опрошенных заявили, что эти преступления беспокоят их.

Нищета, бедность, социально-экономическое расслоение, социальная несправедливость, дефицит денег, способствовали формированию и усилению воздействия таких психологических явлений как тревожность, чувство неполноценности и вины, отчужденность, за-

¹ См.: Московичи С. Машина творящая богов. М., 1998, с. 365.

висть, ревность, чувство несправедливости. Сочетаясь с ослаблением социально-правового контроля, упадком нравственности, вышеуказанные психологические факторы привели к росту преступности, в том числе корыстной. Как я уже отметил, в такой ситуации право, закон и нравственность обесценились, а преступные и аморальные способы удовлетворения потребностей стали инструментальной ценностью.

Возникает вопрос: были ли нищета, бедность, социально-экономическое расслоение, социальная несправедливость, падение нравов, крушение экономики неизбежными результатами перехода на рыночную экономику?

Ответ на поставленный вопрос не может быть однозначным. Хотя рыночная экономика отягощена потенциалом преступности и безнравственности, однако переход к рыночной экономике, сам по себе, не продуцирует кризис такого масштаба, какой наблюдается в Армении и в большинстве стран СНГ. Мне кажется, что вышеуказанные кризисные явления во многом были результатом не столько самого перехода к рыночной экономике, сколько методов перехода. На мой взгляд те шоковые методы и способы, которые были применены в Армении (в странах СНГ и восточной Европы) с неизбежностью должны были привести к тем результатам, которые ныне имеем.

Построение рыночной экономики и демократического государства может быть осуществлено двумя путями—эволюционным и революционным. Эволюционный путь длится дольше, но без особых потрясений. При революционном способе кажется, что цели можно достичь в кратчайшие сроки. Но революционный путь насыщен потрясениями. Быстрота принимаемых решений, которые касаются фундаментальных аспектов жизнедеятельности общества—экономики, права, идеологии и т. п., не способствует их взвешенности, обдуманности, научной обоснованности. Облом старой системы экономики и политической надстройки происходит очень быстро, в один миг, а создание новой работоспособной системы длится долго. Образуется некий вакуум во всех сферах жизнедеятельности общества. Из-за инерционности экономики и мышления удается создать экономику, которая не плановая но и не полностью рыночная, да и системы, как таковой, не удается создать. Вместо подлинного демократического государства с четким механизмом социально-правового контроля, более или менее реальным обеспечением прав и свобод человека, создается псевдодемократическое, сла-

бое государство, где под лозунгом защиты прав и свобод человека процветает правовой беспредел, где “опьяневшие” от внезапной и чрезмерной свободы люди из-за отсутствия демократических традиций путают демократию со вседозволенностью.

Такая ситуация складывается не только из-за неоправданной быстроты и необоснованности принимаемых решений, неопытности лиц, взобравшихся на вершину власти, но и из-за их амбиций, безнравственной мотивации.

Как только новоиспеченные демократические силы пришли к власти, началась широкомасштабная приватизация, с целью стимулирования свободных рыночных отношений. Но приватизация не была подготовлена, не имела правовую базу и очень скоро превратилась просто в передел собственности. Как уже отмечалось, в Армении, по состоянию на 1-ое сентября 2000 г., было приватизировано около 1200 объектов, из которых на рынке ценных бумаг было зарегистрировано лишь 750. До 1997 г. за 800 тыс. долларов США в Армении было приватизировано 55% производственных мощностей республики.

Кто же стали владельцами приватизированных объектов. В подавляющем большинстве случаев ими стали люди, имевшие близкие отношения с властными структурами—друзья, родственники, а также те, которые сумели войти в доверие нового руководства. Да и сами чиновники стали негласно заниматься бизнесом, или имели долю в бизнесе других.

Из-за нехватки средств, экономической блокады, в которой находилась Армения, Карабахского конфликта и крушения прежних экономических связей новым владельцам не удалось переэксплуатировать приватизированные предприятия. Гораздо выгоднее была их перепродажа, что и была сделана. Приватизированные объекты были разграблены, их оборудование, сырье были проданы за рубежом. Но не только объективные факторы толкали новых владельцев на такие действия. Важную роль сыграли и субъективные факторы—нежелание новых владельцев утруждать себя, их неопытность, но самое главное, их желание быстро и без особых усилий разбогатеть. Из-за отсутствия четких правовых механизмов приватизации новые владельцы, на которых не были возложены правовые обязанности по эксплуатации приватизированных предприятий, легко, без особых усилий и угроз для себя, реализовали свои корыстные цели.

В Армении, из-за отсутствия богатых природных ресурсов основным источником прибыли стали присвоения государственных средств в сферах приватизации и монопольных услуг (например в сфере энергетики). Одновременно, из-за бедности широких слоев населения в Армении не сформировалось сильное мелкое и среднее предпринимательство. В такой ситуации источником прибыли стало использование властных полномочий и теневая экономика (как уже отмечалось, 3/4 экономики Армении находится в тени). В результате процветали (процветают) коррупция и корыстные преступления.

Хотя в последние годы экономика страны более или менее стабилизировалась и стала развиваться, а официальная статистика регистрирует в год от 5-8% до 14% рост экономики, однако из-за ее клановой структуры и высокого уровня монополизации, население страны не чувствует существенного улучшения своего материального состояния. Очевидно, что рост экономики “работает” только на определенную группу людей: чиновников гос. аппарата, представителей организованной преступности и тех крупных предпринимателей, которые создали кланово-семейную систему предпринимательства и имеют коррупционные связи. Кроме коррупции и кланово-семейной системы причиной того, что экономический рост не достигает нижних слоев является тот факт, что в обществе существуют пороги участия в политическом процессе и экономике, которые образуют жесткие барьеры. Рост не достигает нижних слоев, потому что границы прав в обществе не допускают это. Если не сломаны традиционные структуры прав и не создано гражданское общество, макроэкономический рост для многих людей мало что значит¹.

Одним из существенных факторов торможения развития армянской экономики является и ее клановая структура. Но, на мой взгляд, такая структура экономики была неизбежной. Этому способствовали не только промахи и негативные явления в процессе приватизации, но и особенности армянского характера. Как уже отмечалось, армянин не государственный. Длительное отсутствие государственности (Армения в течение семи веков не имела собственной государственности) привело к тому, что в армянском обществе сформировалась глубоко индиви-

дуалистическая психология, базированная на приоритете личных и групповых интересов. В силу исторических особенностей государство для армянина – лишь структура подавления и эксплуатации. Армянин любит свою родину, но не государство. Да и собственного государства у армян долго не было. Поэтому даже после приобретения независимости отношение к собственному государству не изменилось. В результате одной из важнейших ценностей армянина стала семья, как островок безопасности, где человек чувствовал себя более или менее защищенным, где более или менее был высок уровень доверия между людьми. К сожалению, переходный период армянского общества не только ничего не изменил в лучшую сторону, а наоборот углубил отчужденность людей от государства. По результатам опроса, проведенного мной в 2000г., более чем 80% опрошенных объявили, что по сравнению со временами Союза они чувствуют себя менее защищенными. Государству до сих пор не удается в достаточной мере защитить права граждан, обеспечить общественную безопасность. Низкому уровню доверия к государству способствуют также высокие налоги, коррумпированность чиновников гос. аппарата. Государство превратилось в одного из самых крупных вымогателей. По исследованиям некоторых независимых зарубежных экспертов Армения является одной из самых неблагоприятных стран для развития предпринимательства. Армянские предприниматели, даже по сравнению с предпринимателями других стран СНГ, являются самыми уязвимыми от требуемых от них незаконных платежей¹. В такой ситуации заниматься экономической деятельностью, предпринимательством и получать прибыль было возможно только путем создания кланово-семейной системы с четкими механизмами защиты от государственного прессы и конкурентов. В сложившейся ситуации естественно, что в Армении не сформировался малый и средний бизнес. По состоянию на конец 2000 г. в Армении насчитывалось 30.000 малых предприятий, т. е. примерно 10 единиц на 100.000 населения, что более чем в три раза меньше чем в Словении, четыре раза меньше чем в Германии и в семь раз меньше чем в США.

¹ См.: Ральф Дарендорф Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М. 2002, с. 30-31.

¹ См.: Армения: преграды к развитию и политика правительства. Часть 1., Ереван, 2001 г. с. 6.

На фоне вышеуказанных кризисных явлений экономического и социально-психологического характера в Армении стала расти уровень корыстной преступности.

В УК РА большинство корыстных преступлений сосредоточены в главах, предусматривающих преступления против собственности, против экономической деятельности, против государственной службы. Но корыстная мотивация может присутствовать в преступлениях, посягающих на самые разные объекты. Почти в каждой главе УК есть преступления, совершаемые по корыстным мотивам или преступления, которые могут совершаться по этим мотивам. Достаточно анализировать группу преступлений против жизни и здоровья, в которой почти каждое преступление может совершаться по корыстным мотивам. Во-первых, в законе прямо указывается на корыстный мотив (корыстные побуждения): убийство из корыстных побуждений, нанесение тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью из корыстных побуждений, незаконное помещение в психиатрическую больницу, похищение человека и т. д. Во-вторых, если даже в законе прямо не указывается на корыстное побуждение, все равно, оно презюмируется, или же данное преступление может совершиться по данному мотиву: убийство по найму или заказное убийство, убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством, бандитизмом, с целью использования органов и тканей жертвы, истязание, доведение до самоубийства, убийство матерью новорожденного ребенка, незаконный аборт и т. д. Аналогична ситуация и в других разделах УК. По корыстным мотивам могут совершаться такие преступления, как нарушение неприкосновенности частной жизни, клевета, нарушение авторских и смежных прав, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, захват заложника, незаконное изготовление оружия, экологические преступления, преступления в сфере компьютерной информации, государственная измена, подделка документов, преступления против правосудия и т. д.

В официальной статистике все эти преступления не отражаются. Кроме этого, в статотчетах не отражаются и мотивы преступлений. Поэтому судить о реальной распространенности и уровне корыстных преступлений весьма трудно. Нужно учитывать и повышенную латентность этих преступлений.

Все же попытаемся проанализировать складывающуюся ситуацию в Армении.

Для анализа тенденции корыстной преступности я выбрал те преступления, которые более или менее отражаются в статотчетах. Кроме этого, в данную группу преступлений я включил и те, в которых способом удовлетворения материальных потребностей выступает насилие: насильственный грабеж, разбой, вымогательство, убийство из корыстных побуждений или по найму. На мой взгляд, преступления, в которых способом удовлетворения материальных, имущественных потребностей выступает насилие, должны, в силу своих мотивационных особенностей, рассматриваться, как в группе насильственных, так и корыстных преступлений. Такой подход позволит иметь более точное и полное представление о распространенности насилия и корыстной мотивации.

Таким образом, для анализа корыстной преступности мною были выбраны следующие составы: кража, грабеж, разбой, мошенничество, фальшивомонетничество, хищение путем присвоения или растраты, преступления против экономической деятельности, уклонение от уплаты налогов, убийство из корыстных побуждений или по найму, взяточничество.

Данные официальной статистики выглядят следующим образом:

Таблица 9
(динамика корыстных преступлений в РА)

годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
кража	5662	2724	2317	2945	3085	2096	3056	3663	3466	3476	2829	2791	2468
грабеж	271	107	91	116	113	126	196	162	117	135	140	115	161
разбой	499	149	108	90	99	125	104	92	122	82	115	130	108
мошеннич.	201	272	273	379	569	497	700	776	614	484	384	497	466
эконом. прест.	1630	975	409	452	787	706	727	874	805	774	196	340	281
присвоение	552	367	114	103	192	200	207	226	150	198	117	130	123
взятки	56	28	26	31	33	23	28	36	37	12	4	4	8
налог. прест.	13	39	37	49	78	66	106	112	84	86	31	91	37
фальшивомонет.	29	25	12	31	27	39	79	67	78	69	47	45	60

Динамика отдельных видов корыстных преступлений показывает, что с 1993г. по 1996г. уровень подавляющего большинства этих преступлений снизился. Только мошенничество и уклонение от уплаты налогов показывали другую тенденцию. Скорее всего такая динамика корыстных преступлений отражает реальность, потому что 1992-1993г.г. были годами пика преступности, после чего наблюдалась некоторая стабилизация ситуации. Что касается мошенничества и уклонения от уплаты налогов, то их рост обусловлен особенностями становления рыночной экономики, расширением возможностей, способов и средств обмана людей, расширением сферы частного предпринимательства. Но корыстная мотивация не ослабилась, скорее наоборот – обострилась из-за все более возрастающего расслоения общества, окорыствления общественных отношений, формирования потребительской психологии, внедрения стандартов западного образа жизни. Поэтому с 1996г. опять начинается рост уровня корыстных преступлений.

Однако, для различных составов тенденция роста не была равномерной.

Так, рост уровня краж сохранился до 1997г., а в 1998г. их уровень снизился. Такую же динамику показали экономические преступления, мошенничество. Однако, надо отметить, что 1998г. был годом наибольшей латентизации преступности и, естественно, уровень тех корыстных преступлений, которые отличаются наибольшей латентностью, по официальной статистике снизился. В дальнейшем наблюдается рост уровня краж до 2002г., а мошенничества, экономических преступлений, уклонения от уплаты налогов и хищений путем присвоения или растраты – до 2000г. Но если уровень краж с 2002 по 2004г.г. снизился, то уровень экономических преступлений, хищений путем присвоения или растраты, уклонения от уплаты налогов вырос.

Что касается мошенничества, разбоев и грабежей, то динамика этих преступлений несколько иная.

Начиная с 1993г. мошенничество обнаруживало устойчивую тенденцию роста до 1997г. В 1998г. его уровень несколько снизился, но это было результатом латентизации преступности в целом. С 1999г. по 2000г. уровень мошенничества опять вырос, а потом снизился до 2003г. В 2004г. его уровень опять вырос.

Уровень грабежей с 1993г. по 1995г. снизился, в 1996г. вырос, в 1997г. опять снизился, с 1998г. по 1999г. вырос, с 2000г. до 2002г., с 2002 до 2003г. опять вырос, а в 2004г. снизился.

Почти такую же тенденцию показывает разбой, уровень которого вырос с 1997 по 1998г.г., в 2001г, и с 2003 по 2004г.г.

Что касается хищений путем присвоения или растраты то их уровень снизился до 1996г., а с 1997г. до 2000г. вырос. В 2001г. уровень этих преступлений снизился, в 2002г. вырос, в 2003г. снизился, а в 2004г. опять вырос.

Если обобщить данные официальной статистики, то можно обнаружить, что уровень большинства корыстных преступлений резко снизился в 1998г. и в 2003г. Только уровень разбоев и грабежей показывает обратную тенденцию – рост в вышеуказанные годы. На мой взгляд, это связано с повышением уровня латентизации. Я уже отметил причины латентизации преступности в 1998г. Почти аналогичная ситуация была и в 2003г. – выборы президента и Национального Собрания РА. При этом, в Армении все политические мероприятия и, в первую очередь, выборы происходят на фоне политической нестабильности, возрастающего противостояния, в которой не последнюю роль играют и правоохранительные органы. Естественно, что в такой ситуации правоохранительные органы не имеют возможности выполнять свои функции на должном уровне и в результате растет уровень латентности.

Объективно же, на мой взгляд, во времена политической нестабильности и конфронтации уровень преступности растет. Об этом косвенным образом свидетельствует рост уровня в вышеуказанные периоды таких преступлений, которые относительно менее латентны: разбой, грабеж.

Если основываться на официальную статистику, то окажется, что корыстная преступность, особенно не связанная с насилием, обнаруживает тенденцию уменьшения как по абсолютным показателям, так и в структуре преступности. Такая же тенденция свойственна некоторым странам СНГ и Европы. По данным официальной статистики с 1995 по 2000г., с 2000 по 2003гг. уровень краж снизился в России, Румынии, Болгарии, Украине, Молдове, Чехии, Голландии, Литве, Эстонии. На фоне снижения уровня краж в некоторых странах наблюдается рост грабежей и разбоев. Такова ситуация в России, Литве, Болгарии, Че-

хии, Украине¹. На мой взгляд в этих странах, как и в Армении, официальная статистика не отражает реальных тенденции, потому, что снижения уровня краж на фоне роста уровня разбоев и грабежей в мотивационном плане парадокс. Можно предполагать, что в названных странах ненасильственная корыстная преступность все больше латентизируется. В то же время в Австрии, Германии, Швейцарии, Испании, Грузии, Хорватии, Словакии рост уровня краж сопровождается ростом разбоев и грабежей. И это более точно отражает криминологическую реальность.

Поэтому одним из тенденций корыстной преступности, на мой взгляд, является всевозрастающая латентизация. Особенно возрастает латентность тех корыстных преступлений которые совершаются должностными лицами, с использованием должностного положения (должностные преступления, экономические преступления, хищения путем присвоения и растраты,) или которые связаны с коррупцией (уклонение от уплаты налогов, преступления, связанные с банкротством, лжепредпринимательство, незаконное предпринимательство и т. д.). С учетом вышесказанного я полагаю, что начиная с 1995г. уровень корыстной преступности в Армении растет, а его доля в преступности в целом составляет не 50-60%, как показывает официальная статистика, а от 70% до 80%. Но такая ситуация в Армении не устойчивая и соотношение корыстной и насильственной преступности в различные годы может изменяться. Как уже говорилось, в Армении из-за политической и экономической нестабильности, глубокого расслоения общества и бедности можно ожидать всплеск насильственной преступности. Этому может способствовать и обострение Арцахского конфликта. Но все же, на мой взгляд, приоритетным направлением в борьбе с преступностью должна быть именно борьба с корыстной преступностью, особенно беловоротничковой ее частью. Именно этот вид преступности является одним из действенных факторов, тормозящих развитие экономики, способствующих увеличению бедности и социально-экономическому расслоению, упадку нравственности и отрицательным изменениям в

¹ См.: European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2003, Second edition, p. 40-41, European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2006, Third edition, p. 44-45.

ценностно-нормативной системе общества, а в конечном счете и росту других видов преступлений.

Что же предпринимается государством для контроля над корыстной преступностью. Практически ничего. Налоговое законодательство не устойчивое, часто изменяется без каких-либо научно обоснованных, взвешенных расчетов и не в пользу предпринимательства. Такое впечатление, что государство заинтересовано в неустойчивости экономики, защиты прав предпринимателей. Есть все основания полагать, что так оно и есть, потому что неустойчивость законодательства способствует коррупции, в чем заинтересованы госчиновники.

За последнее десятилетие вышли несколько указов президента республики об усилении борьбы с организованной преступностью, хищениями и экономической преступностью (1996г.), однако они, по сути, имели лишь декларативный характер и не привели к улучшению положения. В 2004г. правительством РА была принята “Стратегическая программа по преодолению бедности”, однако в этой программе предусматриваются такие цели, такой уровень повышения зарплат, пособий и т. д., что, даже если цели программы будут достигнуты, то все равно, говорить о преодолении бедности, а тем более социально-экономического расслоения, не приходится.

Сохраняется кланово-семейная система экономики и очень высокий уровень монополизации, а для преодоления этого ничего не предпринимается. Между тем такая система экономики тормозит развитие подлинно рыночных экономических отношений и не может эффективно работать.

Не лучше обстоят дела и в области нравственности и ценностно-нормативной системы общества. Особенно беспокоит нравственно-психологический климат в среде молодежи. Нынешнее поколение юношей и девушек воспитывалось в русле потребительской психологии, стандартов западного образа жизни. Бесцельное проведение досуга, деньги, одежда, украшения, дорогостоящая аппаратура – вот и все, чем ограничивается круг интересов подавляющего большинства молодежи.

Поэтому нет никаких оснований для оптимистического прогноза. Уровень корыстной преступности в Армении и далее будет расти, приближаясь к показателям европейских стран. При этом, на мой взгляд, даже сейчас она не уступает уровню корыстной преступности

европейских стран, если учитывать гораздо более высокий уровень латентности корыстной преступности в Армении.

Другой тенденцией корыстной преступности в Армении является увеличение в ее структуре экономических и коррупционных преступлений. Хотя официальная статистика показывает обратную тенденцию, однако есть все основания полагать, что увеличивается латентность этих преступлений. Возьмем, к примеру, экономические преступления. В 1993 г. когда Армения только-только стала строить рыночную экономику, когда большинство предприятий не работало, когда только стал формироваться частный сектор, было зарегистрировано в пять раз больше экономических преступлений чем в 2004 г. Объективно такого не могло быть. О том, что экономические преступления все более латентизируются косвенным образом свидетельствуют данные о некоторых административных правонарушениях. Так, с 1998г. по 2004г. более чем в пять раз увеличилось число налоговых правонарушений, с 1999г. по 2004г. более чем в два раза—число таможенных правонарушений. То же самое можно сказать и о коррупционных преступлениях. В Армении нет никаких объективных предпосылок для снижения уровня коррупции, а официальная статистика регистрирует снижение ее уровня.

Таким образом основными тенденциями развития корыстной преступности в Армении являются ее абсолютный и относительный рост, сопровождающиеся нарастающей латентностью, интеллектуализацией и общественной опасностью. Поэтому, как уже отмечалось, борьба с корыстной преступностью, особенно с ее беловоротничковой частью, должна стать одним из приоритетных направлений в борьбе с преступностью.

§4. Коррупционная преступность

Коррупционная преступность является разновидностью корыстной преступности. Однако учитывая особую общественную опасность коррупции, ее небывалую распространенность в Армении и некоторые мотивационные особенности связанные в первую очередь с особенностями субъекта преступления, мне представилось важным исследовать этот вид преступности отдельно.

Прежде чем приступить к анализу состояния коррупционной преступности в Армении, попробуем выявить суть этого явления. Есть

множество определений коррупции. В самом широком понимании под коррупцией (от лат. *corruptio*—размывать, портить, повреждать), как социально-правовым явлением, обычно понимается подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще¹.

В документах ООН и Совета Европы коррупция определяется как злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп.

При таком понимании коррупции очевидно, что она выходит за пределы взяточничества и что коррупционная преступность включает в себя значительный ряд деяний, предусмотренных в УК РА. По сути каждое умышленное преступление, совершаемое должностным лицом с использованием своего статуса для получения выгоды, является коррупционным.

Такое широкое понимание коррупции критиковалось в литературе. По мнению профессора Н. Лопашенко, при определении сути коррупции нужно руководствоваться традиционным значением этого слова. Термин коррупция происходит от латинского *corruptio*, чаще переводящегося как подкуп. Именно подкуп является стержнем коррупции. Поэтому коррупция и должностные преступления, даже корыстные, не тождественны. Коррупция всегда является сделкой. При этом подкуп, который оборачивается продажностью подкупаемых, характеризует содержание коррупции².

Однако надо заметить, что, во-первых, перевод термина “*corruptio*” не ограничивается подкупом. Как уже отмечалось, он переводится и как размывание, порча, повреждение. Любое умышленное должностное преступление, совершенное для получения личной выгоды или выгоды для третьих лиц ведет к дисфункциям государственного аппарата, грозит упадком всей системы функционирующих социальных связей, подрывает авторитет государственной власти. Во-вторых, в переходные периоды, в условиях правового и социального беспредела, политической нестабильности, распада экономики, разрушения

¹ См.: Словарь иностранных слов. М., 1954, с. 369.

² См.: Лопашенко Н. Корупция: содержание, проблемы правовой регламентации. // Уголовное право. 2001, N2, с. 99.

системы социального и правового контроля, разгула корыстной преступности, атмосферы вседозволенности и безнаказанности всякий вид должностного преступления, всякое противоправное и аморальное поведение госчиновников имеет не только колоссальную общественную опасность, но и имеет коррупционную основу. Не случайно, что около 83% лиц, осужденных за должностные преступления признались, что не боялись наказания, так как имели авторитетных и влиятельных знакомых в правоохранительных органах или госаппарате.

Поэтому, на мой взгляд, правы те авторы которые выделяют узкое и широкое понимание коррупционной преступности. Первое охватывает только те преступления, в которых присутствует сделка и подкуп. Второе охватывает как собственно подкуп, так и другие должностные преступления¹.

За последние годы в Армении проблема коррупции стала особенно актуальной. И это не случайно. Армянское общество поражено этим социальным недугом, метастазы которого проникли во все сферы жизни. По данным некоторых зарубежных организаций, Армения по уровню коррупции находится на 20-ом месте среди 99 стран мира, а по индексу взяточничества – на 15-ом².

Положение можно оценивать как катастрофическое. На фоне кризисных явлений в обществе, развала экономики, обнищания масс общественная опасность коррупции многократно возросла. Коррупция нарушает механизм рыночной конкуренции, поскольку в выигрыше оказывается не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто смог получить преимущества за взятки. Кроме того она является средством, способствующим обеспечению благоприятных условий для формирования и развития организованной преступности и теневой экономики, что приводит к снижению налоговых поступлений в государственный бюджет. Коррупция способствует обеспечению властвования олигархических кланов. Образовался порочный круг: кризисные явления в обществе являются детерминантом повышения уровня коррупции, в то же время

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. “Круглый стол” по проблемам противостояния коррупции в России.–Вестник МГУ. Серия 11. Право.–1999, N4, с. 104.

² Office of International Information Programs, US Department of State. Web site: [http:// usinfo. stste. gov](http://usinfo.stste.gov).

коррупция тормозит развитию общества, преодолению кризиса. Колоссальный ущерб от коррупционных и других корыстных преступлений тормозит реализацию социальных программ, приводит к дальнейшему понижению материального благосостояния народа, ухудшает нравственно-психологический климат в обществе, тем самым детерминирует дальнейший рост корыстной, корыстно-насильственной и насильственной преступности. Не будет преувеличением, если сказать, что рост общеуголовной преступности во многом коррелирует с ростом коррупции.

Хотя в последнее время в Армении стали разрабатывать законодательство по борьбе с коррупцией, подготовлена национальная программа по стратегии борьбы с коррупцией, а представители власти почти каждый день уверяют о решимости бороться с этим злом, однако на самом деле реальной борьбы не осуществляется. Демонстрация решимости бороться с коррупцией обусловлена давлением западных стран, Совета Европы, а также стремлением властей успокоить общество. На мой взгляд, у властей, да и у армянского общества в целом, нет ни желания, ни решимости, ни реальных возможностей бороться с коррупцией. Статистические данные о некоторых зарегистрированных коррупционных преступлениях показывают, что в действительности имеет место ослабление борьбы с этими преступлениями.

Таблица 10

(динамика некоторых коррупционных преступлений в Армении)

годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
взятки	56	28	26	31	33	23	28	36	37	12	4	4	8
злоупотреб.	87	66	45	63	90	44	44	48	58	58	29	28	32
хищение путем присвоения	552	367	114	103	192	200	207	226	150	198	117	130	123
должностной подлог	*	*	*	*	*	*	96	140	150	118	45	46	*

Официальная статистика свидетельствует о снижении уровня коррупционной преступности. При этом, официальная статистика взяточ-

ничества, в которую включаются и факты получения взятки, и дачи взятки, и посредничества во взяточничестве, просто смехотворны. В УК РА 2003г. предусмотрена уголовная ответственность за незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности. За истекший период по этому составу не было возбуждено ни одного уголовного дела, хотя общеизвестно, что многие депутаты Национального Собрания РА, министры, многие должностные лица даже низшего управленческого звена имеют свой бизнес. Надо сказать, что в других странах СНГ заметное снижение уровня зарегистрированной части должностных преступлений не наблюдается. Так, в Грузии в 1993г. было зарегистрировано 15 случаев получения взятки, в 1997г.–47, а в 2002г.–36¹. В России в 1993г. было зарегистрировано 4497 случаев получения взятки, а в 2001г.–7909. Между тем, по моему, в таких странах, как Армения, где коррупция является обыденным явлением, уровень реальной коррупции обратно пропорционален уровню зарегистрированной ее части: чем меньше зарегистрировано преступлений, тем больше его реальный уровень. Статистика коррупционных преступлений в Армении удручает. Она свидетельствует лишь об одном–в Армении никакой борьбы против коррупции не осуществляется. Мне могут возразить, что уголовное наказание и репрессия ни к чему хорошему не могут приводить, что репрессия не является панацеей от коррупции, что усиление репрессии может привести к выборочному применению уголовного наказания в том плане, что большинство коррупционеров опять таки ускользнут от ответственности. Все это конечно правильно. Однако безнаказанность, чувство безнаказанности являются очень существенными мотиваторами коррупционной преступности. Кроме этого, если у власти есть политическая воля реально бороться с коррупцией, то оно может обеспечить равенство перед законом. Конечно в Армении это чрезвычайно трудно из-за малочисленности населения, где почти каждый может найти себе авторитетного покровителя. Но ситуация, когда коррупция чуть ли не легализована, по моему, недопустимо. Выявленные преступники должны нести ответственность, кем бы они

¹ См.: Георгий Глонти Криминологическая характеристика коррупции в Грузии: реалии и перспективы. В кн.: Преступность и уголовная политика в Европе. Том 1., Бохум 2004, с.68.

ни были. Между тем, как и в большинстве стран СНГ в Армении снижается и уровень осужденных за коррупционные преступления. Так, если в 2000г. удельный вес осужденных за взяточничество среди выявленных лиц был 72,1%, то в 2004г.–33,3%. Однако в Армении и число зарегистрированных преступлений, и число выявленных лиц так ничтожны, что выявить какие-то закономерности просто невозможно.

В связи с нарастающей латентизацией коррупционных преступлений увеличивается их раскрываемость. Так, в 1991г. она составила 87,5%, а в 2004г.–100%.

Поэтому говорить о реальном снижении уровня коррупционной преступности не приходится. На фоне беспрецедентного роста преступности, в том числе корыстной, в условиях доминирования материальных потребностей, окорыствления общественных отношений, тяжелой экономической ситуации, расслоения общества, ослабления социально-правового контроля данные о снижении коррупционной преступности выглядят неправдоподобными. Объективно такого снижения не могло произойти.

Есть и другие факторы, косвенно свидетельствующие о том, что на самом деле должен был произойти рост коррупционной преступности.

Во-первых, мои исследования показывают, что коррупционные преступления стали инструментальной ценностью для большинства членов нашего общества. По данным опроса, проведенного мною в 1992-1993 и 2000-2001г.г., около 86% наших сограждан готовы взять, а более 90%–дать взятку, 53% не осуждают взяточничество. Нравственно-психологический климат общества является благоприятной почвой для процветания коррупции. Проведенные опросы свидетельствуют еще об одном, на первый взгляд, парадоксальном явлении: на вопрос «какие преступления больше всего беспокоят Вас?» 80% опрошенных отметили насильственные и лишь 17%– коррупционные преступления. В то же время, на вопрос «какие преступления, на Ваш взгляд более опасны для общества?» 44% опрошенных отметили насильственные, а 53,8%–коррупционные преступления. Значит в обществе есть более или менее адекватное представление об общественной опасности коррупции. Однако степень беспокойства не адекватна. Это можно объяснить, во-первых, тем, что вред от насильственных преступлений очевиден, а

отдельно взятое лицо страдает от насилия больше чем от коррупционного преступления. Во-вторых, насильственные преступления причиняют вред самым важным человеческим ценностям: жизни, здоровью, свободе. В-третьих, степень беспокойства оценивается личностью с точки зрения опасности данного вида преступления для самого себя, на эмоциональном уровне, а степень опасности данного вида преступности для общества и государства оценивается уже на рациональном уровне. Очевидно, что хотя люди понимают степень общественной опасности коррупции, однако это понимание поверхностно, аморфно. В-четвертых, армянин не государственник. Личные интересы для армянина всегда превыше общественных и государственных. Ситуация усугубляется сформировавшимся нравственно-психологическим климатом в обществе. Социологические исследования показывают, что в армянском обществе складывалась такая ситуация, при которой личность, подчиняющая свои личные или семейные интересы общественным, подлечит отчуждению. В сегодняшнем армянском обществе низко оценивается тот человек, который не отказывается от идеи защиты государственных, национальных интересов, ради семейного благополучия. Главным критерием оценки человека является его способность обеспечить благосостояние семьи¹.

Такая ситуация очень тревожна. В обществе складывается терпимое отношение к коррупции. Большинство членов нашего общества руководствуются тактическими целями. Нет глубокого понимания того, что в конечном счете коррупция затрагивает личные интересы каждого, что бедственное положение, рост преступности, в том числе насильственной, во многом есть результат огромных масштабов коррупции, что коррупция грозит национальной безопасности, а значит и каждому члену общества.

При складывающейся ситуации прогнозировать скорое снижение уровня коррупции не приходится. При этом коррупционная преступность видоизменяется, в ней происходят качественные, структурные изменения, что повышает ее общественную опасность. К традиционным коррупционным преступлениям прибавились такие ее виды, как

¹ См.: Армения 2020: Стратегия развития и безопасности. Ереван 2002, с. 78 (на арм. языке).

лоббизм, фаворитизм, незаконные взносы на политические цели, покровительство частных структур и т. д. В условиях рыночной экономики расширилась и сфера коррупции, она проникла в политику, банковскую систему, рынок ценных бумаг и т. д. В отличие от развитых индустриальных стран, где коррупция в основном характерна политической и деловой элите, в Армении она проникла во все сферы жизнедеятельности. При этом тревогу вызывают структурные изменения в коррупции. Скажем, взяточничество в допереходный период в основном было направлено на обеспечение трудового, бытового благоустройства, на поднятие вверх по социальной шкале. Ныне в структуре взяточничества произошли заметные изменения. По некоторым исследованиям бытовые взятки составляют всего 13-16% от общего числа взяточничества. Между тем взяточничество в сфере государственного управления составило от 19 до 22%, в сфере бизнеса—от 29 до 32 %, в судебно-правовой, правоохранительной системах—от 33 до 36% от общего числа взяточничества¹.

Тревогу вызывает возрастающая латентность коррупционных преступлений. Латентность всегда была основной особенностью коррупции. Однако в Армении, особенно сейчас, латентность коррупции возросла до небывалых размеров. По экспертным оценкам выявляется и регистрируется всего 0,02-0,04% коррупционной преступности.

Основные причины латентности коррупции везде одинаковы. Коррупционные преступления, в подавляющем большинстве случаев, по сути, являются сделкой. Ни одна из сторон незаконной сделки не заинтересована в ее выявлении. Даже тогда, когда имеет место вымогательство взятки, пострадавшая сторона не всегда заявляет об этом. Тут свои объективные причины: недоверие к правоохранительным органам, боязнь мести со стороны вымогателя и т. д. Кроме этого, коррупционные преступления трудно доказуемы.

К перечисленным причинам латентности коррупции, в Армении добавляются еще несколько факторов, особенно социально-психологического характера.

Во-первых, ступачество в армянском обществе осуждается.

¹ См.: Манасерян Т. Контуры новой экономической политики. Ереван 2000.

Во-вторых, армянин не представляет, как можно не отблагодарить должностное лицо, за совершенные в его пользу действия (бездействия). Даже если должностное лицо выполнило свои законные обязанности, все равно армянин «должен» отблагодарить его. Это в порядке вещей. И наоборот, вызывает возмущение и недоумение, если лицо, в пользу которого что-то сделали, не отблагодарил за это. В такой ситуации, если должностное лицо само требует взятку, это не вызывает резкого осуждения, к этому относятся «с пониманием».

В-третьих, как уже отмечалось, коррупционные преступления не осуждаются большинством членов нашего общества—они оправдываются (как уже отмечалось, около 53% наших граждан не осуждают взяточничество). Более того, 76% наших сограждан готовы брать взятку. В такой ситуации люди на сознательном или бессознательном уровне считают аморальным заявлять об известных им фактах коррупции.

В-четвертых, в Армении общество отчуждено от власти и политики. А проблема коррупции—в первую очередь политическая. Аполитичность, безразличие так же являются факторами высокого уровня латентности исследуемого явления.

Каковы же факторы, влияющие на такой беспрецедентный рост коррупции в Армении. Можно выделить несколько групп таких факторов: культурно-исторические, социально-экономические, правовые, организационные, социально-психологические.

Культурно-исторические факторы.

По своему географическому положению и культурному наследию Армения находится на стыке Азии и Европы, запада и востока. Но все же, влияние востока на Армению исторически более длительное и сильное. Веками Армения находилась под властью то персов, то арабов, то турок. Не секрет, что взяточничество являлось и является неотъемлемой частью восточного образа жизни. Кроме этого, при отсутствии собственной государственности, под игом чужеземцев, армянин был вынужден искать способы и средства выживания. Подкуп, взяточничество стали одним из таких инструментов.

Длительное отсутствие государственности (Армения в течение семи веков не имела собственной государственности) привело к тому, что в армянском обществе сформировалась глубоко индивидуалистическая психология, базирующаяся на приоритете личных и групповых

интересов. Как уже неоднократно отмечалось, армянин—не государственный. В силу исторических особенностей государство для армянина лишь структура подавления и эксплуатации. Как уже отмечалось, армянин любит свою родину, но не государство. Да и собственного государства у армян долго не было. Поэтому даже после приобретения независимости, отношение к собственному государству не изменилось. Сейчас все чаще можно слышать: «независимость не для Армении», «армянин не может строить собственного государства», «Армения может процветать лишь в составе другого, более сильного государства» и т. п.

Надо сказать, что и почти 70-летнее пребывание в составе Союза не изменило ситуацию, так как для этого не было объективных предпосылок. В советские времена коррупция также «процветала» и была частью широкого спектра «теневых» социальных отношений социалистического общества. В литературе отмечается, что в 70-е-начале 80-ых годов теневая деятельность в СССР уже не носила случайный, «любительский» характер, а была элементом социально-экономической системы. Теневая экономика была экономическим институтом советского общества и выполняла важные функции¹.

Надо сказать, что взяточничество, подкуп имеют давнюю историю во всех странах мира, а проблема коррупции ныне приобрела мировое значение. Можно предполагать, что этот способ достижения целей в «крови» человека. Может быть я не прав, но кажется, что истоки взяточничества уходят в глубокую древность, и что аналогом взяточничества были ритуалы жертвоприношения, с помощью которого люди снискали благоприятное к себе отношение от своих богов.

Социально-экономические факторы.

Коррупционное преступление, как и любое другое, способ удовлетворения потребностей. Поэтому в детерминации этих преступлений важное значение имеют социально-экономические процессы в обществе.

Как уже отмечалось, с 1990 г. экономика Армении находится в бедственном положении, в силу чего бедность и безработица приобрели угрожающие масштабы. Одновременно наблюдается резкое со-

¹ См.: Косалс Л. Я. Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. М., 1998, с. 85-88.

циально-экономическое расслоение армянского общества, что способствует формированию психологии зависти. У подавляющего большинства членов нашего общества не хватает средств для удовлетворения своих минимальных потребностей. Даже те, у которых есть работа, из-за мизерной зарплаты часто оказываются в катастрофическом положении. Можно сказать, что в армянском обществе идет борьба за выживание.

В таких условиях люди ни перед чем не останавливаются. Одним из способов выживания является дача взятки для получения работы или продвижения по работе. Однако получение работы, должности не решают проблему. Даже сравнительно высокая зарплата чиновников низшего и среднего управленческого звена (если конечно она выплачивается в срок) едва хватает на оплату коммунальных услуг и питание. Это является поводом для оправдания коррупции. Есть и другой важный момент. Даже самая высокая зарплата не дает возможности поддерживать тот образ жизни, к которому люди привыкли в дорыночный период. Не секрет, что еще в то время у очень многих партийных функционеров, “цеховиков”, должностных лиц были сосредоточены огромные денежные средства, что позволяло вести определенный образ жизни—благоустроенная квартира, собственный дом (иногда несколько), поездки за границу и т. д. Коррупция нужна была для поддержки такого образа жизни. Человеку трудно отказаться от достигнутого, и поэтому он ищет пути продолжения и обеспечения того уровня жизни, к которому он привык. Кроме этого, сейчас огромное влияние имеет западный образ жизни. Люди стремятся к обеспечению возможностей для такой жизни.

Парадоксально, но мотивообразующее влияние оказывает и чувство справедливости. В литературе отмечается, что формирование потребностей подчиняется принципу «соответствия» возможностей. Характер условий труда, например, в сознании людей связан с более или менее определенными качествами досуга, степенью общественного признания и размерами заработка: размеры заработка, в свою очередь—с качеством и разнообразием потребляемых благ и т. д. Соответствия такого рода имеют как объективные основания (например, необходимость полного и своевременного возмещения затрат физической и умственной энергии), так и субъективные (процессы завоевания и сох-

ранения неформального статуса, обязывающие индивида, как члена группы, соблюдать в своем образе жизни определенное соответствие между социальной значимостью профессии, уровнем бытового благоустройства, качеством досуга и т. д.)¹. Так вот, очень часто, индивид занимая ту или иную должность, не имеет возможности удовлетворить свои потребности, поддержать тот образ жизни, который присущ его окружению. В то же время на его глазах другой индивид, который, по его мнению, обладает меньшими достоинствами, полностью удовлетворяет свои потребности путем преступной деятельности, и это не единственный факт, а носит массовый характер. В такой ситуации коррупция становится единственно реальным и быстродействующим средством преодоления «несправедливости»².

Огромное криминогенное значение имеет теневая экономика. По различным исследованиям примерно три четверти экономики Армении находится в тени³.

Формированию рыночной теневой экономики в Армении способствовали некоторые особенности перехода к рыночным отношениям.

В отличие от других постсоветских государств, в Армении, из-за политических процессов (проблема Нагорного Карабаха, вооруженный конфликт с Азербайджаном и позиция властей к этим проблемам), бывшая партийная и экономическая номенклатура почти не включалась в сферу экономической активности. Поэтому нелегальный капитал советских времен имел мало шансов легализоваться (хотя некоторая часть все же легализовалась). В такой ситуации накопление первичного капитала теоретически было возможным благодаря малому и среднему бизнесу, так как из-за отсутствия средств не было возможным переэксплуатировать приватизированные крупные предприятия. Но ни малый, ни средний бизнес в Армении так и не состоялся. Са-

¹ См.: Горяинов К. К., Кононенко В. И., Кудрявцев С. В. Взаимодействие социально-экономических и социально-психологических процессов в генезисе преступности. СГП., 1985, N12. с. 55 N12. с. 55.

² См.: Волженкин Б. В., Квашис В. Е., Цагикян С. Ответственность за взяточничество. Ереван, 1988 с. 45.

³ См.: Манасерян Т. А. Контуры новой экономической политики. Ереван, 2000, с. 67.

мым действенным способом накопления капитала стали использование властных полномочий и теневая экономика. Кроме этого, вооруженный конфликт вокруг Нагорного Карабаха привел к тому, что в экономической жизни страны ведущую роль стали играть силовые структуры¹.

В отличие от других постсоветских государств, в Армении мало естественных природных богатств, подлежащих экспорту. Поэтому получение прибыли с использованием властных полномочий возможно путем присвоения государственных средств в сфере приватизации, монопольных услуг (например, энергетики и т. д.).

Организационно-управленческие факторы.

Армения наследовала огромный чиновнический аппарат, который хотя и провозглашает новые принципы управления, однако на деле стремится всячески обеспечить для себя автократные рычаги. Время от времени бюрократический аппарат сокращается, однако потом опять его количество возрастает, так как функции государственных органов четко не определены².

Сохраняется существенное вмешательство госаппарата почти во все сферы общественной жизни. Если бы это было вызвано стремлением урегулировать рыночные процессы, обуздать рыночную стихию, обеспечить социальную стабильность, то было бы неплохо. Однако беда в том, что под покровом государственного урегулирования рыночных отношений, в экономические и социальные процессы втягиваются отдельные структуры власти, представляющие ту или иную политическую силу, клан и т. д. Государственное вмешательство, по сути, является способом обеспечения личных, групповых, клановых интересов.

Правовые факторы.

В области законодательства, направленного на борьбу с коррупцией, в Армении огромный вакуум. Достаточно сказать, что новый УК Армении, в котором предусмотрена ответственность за ряд новых коррупционных преступлений, вступил в действие лишь с 1-го августа 2003 г. Однако ни это самое главное. Уголовная репрессия в деле борьбы с коррупцией конечно важна, но сама по себе ничего не решает.

¹ См.: Доклад Всемирного Банка по институциональному и управленческому исследованию Армении. 2000, с. 6-7.

² См.: Проект программы разработки стратегии борьбы с коррупцией.

Исследования практики применения уголовной репрессии за должностные преступления, некоторые из которых являются ядром коррупции (взятничество, злоупотребление, должностной подлог) показывает, что в основном к уголовной ответственности привлекаются чиновники низшего, иногда среднего управленческого звена. За последнее десятилетие были единичные случаи привлечения к уголовной ответственности за взятничество и злоупотребление высших чинов госаппарата (бывший министр МВД, министр экологии). Однако привлечение к ответственности высших чинов власти в основном носило политический характер и являлось, по сути, актом политической расправы. Нельзя утверждать, что эти люди были невиновны. Однако суть происходящего от этого не меняется. Под покровом борьбы с коррупцией происходила политическая расправа с политическими противниками. Власть в Армении всегда, даже во времена Союза, никогда не «обижала» своих. Выборочное применение закона—одна из главных характерных черт армянской правоприменительной практики. Социологические исследования наглядно показывают справедливость сказанного. На вопрос «действуют ли законы в Армении для всех?» утвердительно ответили лишь 8% опрошенных. Между тем 69% опрошенных ответили, что законы действуют лишь для небольшой группы, а 20% ответили, что законы ни для кого не действуют¹.

Результаты опроса показывают, что в Армении не обеспечивается верховенство закона, равенство всех перед законом.

Хотелось бы прокомментировать результаты упомянутого опроса. Ответ тех 69%, которые заявили, что в Армении законы действуют лишь для части населения, надо интерпретировать следующим образом: законы действуют лишь для простых граждан, между тем для части населения, для богатых, представителей экономической, финансовой, военной элиты, высокопоставленных представителей власти законы не действуют. Указанная часть армянского общества стоит выше закона.

Естественно, что в таких условиях коррупция, личные связи подменяют закон. По мнению опрошенных, коррупция, взяточничество

¹ См.: Армения 2020: Стратегия развития и безопасности. Ереван 2002, с. 135 (на арм. языке).

приобрели характер устойчивых взаимоотношений, стали своеобразным способом урегулирования взаимоотношений между индивидом и госаппаратом. В таких условиях резко увеличивается латентность коррупции, а уголовное наказание не мотивирует поступки людей. По результатам моих исследований около 75% осужденных за должностные преступления были уверены, что избегут наказания. При этом, тот факт, что их все же привлекли к уголовной ответственности, они расценивали как случайность.

Важным фактором коррупции является отсутствие специального законодательства. В Армении нет «Закона о борьбе с коррупцией». Хотя разработаны проект программы и проект закона о борьбе с коррупцией, однако они нуждаются в серьезной доработке.

Среди правовых детерминант коррупции можно отметить налоговое законодательство, которое очень сложное и не учитывает интересы бизнеса. Высокие налоги, сложные механизмы расчета, необоснованные налоговые льготы, неинформированность налогоплательщиков о своих правах и обязанностях, частые изменения налогового законодательства, которые не всегда во время доходят до налогоплательщиков, способствуют формированию благоприятных условий для коррупции.

Политические факторы.

В Армении отсутствуют демократические политические традиции. По сути, армянское общество лишь в начале 90-ых годов начало строить собственное государство, основанное на демократических принципах. Но одно дело провозглашение принципов, другое—объективные реалии. Сказать, что за последнее десятилетие Армения ничего не добилась в области демократизации, было бы неверно. Гласность, политический, религиозный, идеологический плюрализм уже состоявшиеся факты. Однако это лишь ростки демократии, «кажущаяся видимость». Не будем акцентировать внимание на религиозный и идеологический плюрализм. Свобода слова, плюрализм—«вещи» нужные и неотъемлимые атрибуты любого демократического общества. Хотя здесь не все однозначно, потому что плюрализм имеет существенный криминогенный потенциал (конфликт культур и т. д.). Что касается гласности, то в Армении она ничего или почти ничего не стоит. Средства массовой информации могут напечатать все, что угодно, критиковать власти, привести конкретные доказательства, народ имеет

право на митинги, демонстрации, каждый человек может сказать то, что думает, однако это ни в коей мере не меняет ситуацию. Общественное мнение в Армении не имеет скольнибудь существенного влияния на принятие решений со стороны властей. Четвертая власть практически не состоялась.

Иногда можно слышать, что Армения маленькая страна и бороться с коррупцией здесь легче. Это глубокое заблуждение. Тут нужно учитывать некоторые особенности армянского характера. Из-за того, что Армения маленькая страна, с малочисленным населением, почти каждый член общества находится под покровительством того или иного высокопоставленного или авторитетного родственника, друга, знакомого. Каждый армянин может так или иначе найти покровителя. Это уже затрудняет борьбу с коррупцией, имея ввиду то обстоятельство, что для армянского менталитета характерна следующая установка: «армянин должен помочь другу, родственнику, знакомому». Не оказывающий помощь подлежит порицанию. Поэтому nepотизм является одним из очень распространенных видов коррупции в армянском обществе. Кроме этого, тот факт, что большинство армян находятся под покровительством того или иного авторитетного, высокопоставленного родственника или друга, способствует тому, что человек в формировании своего мнения по тому или иному вопросу больше основывается на суждения и информацию, полученные по собственным «каналам», чем на средства массовой информации.

В Армении не состоялось гражданское общество. Население не принимает активное участие в политических процессах. Тут свои причины.

Во-первых, большинство армян из-за бедности вынуждено больше времени уделять повседневным, бытовым заботам. Проблем хватает.

Во-вторых, армянин потерял веру в то, что он может что-то изменить, что от его активности что-то зависит. Иногда наблюдается всплеск активности, особенно во времена президентских и парламентских выборов. Но эта активность быстро затухает из-за отсутствия желаемых результатов. В Армении выборы всегда были неполностью честными и свободными: они всегда сопровождались массовыми подкупами, угрозами, шантажом. По моему, во времена предвыборных

компаний совершается около ста тысяч преступлений, предусмотренных статьями 149 (воспрепятствование осуществлению избирательного права, работе избирательных комиссий или осуществлению полномочий лиц, участвующих в выборах), 150 (фальсификация результатов выборов или голосования), 151 (распространение во время выборов клеветнической информации о кандидатах или партиях), 152 (нарушение порядка составления списков избирателей), 153 (голосование более одного раза или вместо другого лица). Надо сказать, что этому способствует и уровень политической, правовой культуры населения. Как можно ожидать свободные выборы в обществе, где люди «продают» свой голос за мешок муки или сахара. Между тем, как справедливо замечает В.В. Лунеев, одним из важных признаков реальной, а не «фасадной» демократии является реальная зависимость власти от голосов избирателей¹.

Другой важный фактор коррупции в том, что в Армении сохранилась сильная позиция исполнительной власти. Сильная исполнительная власть нужна, но когда это ущемляет позиции других ветвей власти, то становится бедой, особенно там, где власть—это власть кланов.

В Армении до сих пор не состоялась независимая судебная власть. И дело не только в низкой зарплате судей, их незащищенности от насилия, шантажа и т. д. Сами судьи внутренне несвободны. Этому способствуют низкая профессиональная подготовленность, нечистоплотность, уже отмеченные особенности национального характера, зависимость от исполнительной власти. Между тем, именно сильная судебная власть является гарантом защиты прав и свобод человека, формирования истинно демократического общества.

Вышесказанное позволяет сделать неутешительные выводы: борьба с коррупцией в Армении весьма сложная задача. Конечно со временем можно решить социальные, экономические проблемы, повысить уровень благосостояния народа, чиновников. Но, на мой взгляд, это не может в корне решить проблему. Гораздо важнее сломать стереотипы мышления, социально-психологические, этнопсихологические корни коррупции. А это уже более сложная задача.

¹ См.: Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 2005, с. 528.

Другой важный момент. Побороть коррупцию одновременно во всех сферах общественной жизни нереально. Для этого нужны огромные финансовые затраты. Поэтому, на мой взгляд, нужно четко обозначить приоритетные направления. В первую очередь надо по возможности минимизировать коррупцию в таких сферах как управление экономикой и судебная, правоохранительная система, потому что коррупция в этих сферах наиболее опасна и наносит наибольший вред (скажем, коррупция в области науки, образования, здравоохранения также опасна и аморальна, а иногда может нанести более значительный конкретный вред, например, смерть человека из-за злоупотреблений в области здравоохранения. Но в глобальных масштабах коррупция в этих сферах менее опасна). Кроме этого, от коррупции в области управления экономикой и в судебной, правоохранительной системе во многом зависит и коррупция в других сферах.

В связи с тем, что, как уже отмечалось, колоссальный ущерб от коррупционных и других корыстных преступлений тормозит реализацию социальных программ, приводит к дальнейшему понижению материального благосостояния народа, ухудшает нравственно-психологический климат в обществе, тем самым детерминирует дальнейший рост корыстной, корыстно-насильственной и насильственной преступности, то контроль над коррупцией, как уже отмечалось, должна стать одним из приоритетных направлений в борьбе с преступностью.

§5. Преступность несовершеннолетних.

В последнее время в криминологической литературе справедливо обосновывается то положение, что комплексным интеграционным критерием классификации преступлений является социальное содержание мотивации преступного поведения. Исходя из этого, основную массу реально совершаемых преступлений разделяют на пять больших групп: 1) политически мотивированная преступность, 2) корыстные преступления, 3) насильственные (агрессивные) преступления, 4) анархические и 5) легкомысленные (неосторожные) преступления¹. В этом плане преступность несовершеннолетних, в которой представлены почти все

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений. Государство и право. 2005, №6, с. 54-60.

перечисленные виды преступного поведения, за исключением может быть политических преступлений, не может рассматриваться как отдельный, особенный вид преступности. Однако отдельное исследование преступности несовершеннолетних оправдано по следующим соображениям.

Во-первых, несовершеннолетние являются резервом взрослой и рецидивной преступности. Значит, тенденции преступности несовершеннолетних во многом будут определять состояние всей преступности в будущем. Выявление этих тенденций может иметь важное значение для выработки мер контроля над преступностью.

Во-вторых, преступность несовершеннолетних имеет некоторые мотивационные особенности. Например, зафиксировано, что при совершении краж корыстные мотивы преобладают лишь в каждом третьем-четвертом случае а в остальных—это мотивы солидарности, самоутверждения в сочетании с групповой зависимостью или гипертрофированным возрастным легкомыслием. В то же время в последнее время в преступности несовершеннолетних наблюдается рост корыстной мотивации. Мотивационные изменения в преступности несовершеннолетних имеют важное криминологическое значение так как во многом могут предопределять будущее состояние и структуру преступности в целом. Кроме того, такие изменения отражают специфические криминогенные процессы происходящие в обществе, знание которых имеет важное значение для криминологического прогноза и контроля над преступностью.

В-третьих, по состоянию преступности несовершеннолетних можно судить о нравственно-психологическом климате данного общества, о ее ценностно-нормативной системе, об эффективности деятельности правоохранительных органов, об отношении общества к несовершеннолетним.

Преступность несовершеннолетних имеет более мощную биопсихологическую основу, чем преступность взрослых. Это обусловлено и психофизиологическими особенностями несовершеннолетних, и уровнем их культуры.

В современной психологии возраст от 14 до 18 лет определяется как юношеский. Хотя возраст между 14-15 и 16-17 годами не обладает такой определенностью и в одних случаях относится к юности, а в дру-

гих— к концу отрочества (подростковый возраст). С криминологической же точки зрения нас интересуют биофизиологические, психологические и социальные особенности этого периода жизни человека.

Отрочество—период жизни между детством и взрослостью, из-за чего в подростке одновременно существуют и детское и взрослое.

В литературе есть множество теорий и описаний противоречивости этого возраста. С. Холл считал, что подростковая стадия в развитии личности соответствует эпохе романтизма в истории человечества. Это—промежуточная стадия между детством—эпохой охоты и собирательства, и взрослым состоянием—эпохой развитой цивилизации. При этом—кризис подросткового возраста он считал неизбежным явлением из-за биологической предопределенности, связанной с половым созреванием.

Немецкий философ и психолог Э. Шпрангер считал подростковый возраст—возрастом вхождения в культуру. По его мнению, психическое развитие есть вхождение индивидуальной психики в объективный и нормативный дух данной эпохи. Он описал три типа развития в отрочестве: 1) резкий, бурный, кризисный, когда отрочество переживается как второе рождение, в итоге которого возникает новое “Я”; 2) плавный, медленный, постепенный рост, когда подросток приобщается к взрослой жизни без глубоких и серьезных сдвигов в собственной личности; 3) такой процесс развития, когда подросток сам активно и сознательно формирует и воспитывает себя.

Ш. Бюлер определяет подростковый возраст как период созревания, когда человек становится половозрелым. При этом ученый отличает психическую пубертатность от физической. Психическая пубертатность связана с вызреванием особой биологической потребности—потребности в дополнении, которая выводит подростка из состояния самоудовлетворенности и спокойствия и побуждает к поискам сближения с существом другого пола.

Период физической пубертатности приходится, в среднем, у мальчиков на период между 14-16 годами, у девочек—между 13-15 годами. С ростом культуры период психической пубертатности удлиняется по сравнению с периодом физической, что и является причиной многих трудностей в эти годы.

Л. С. Выготский центральным и специфическим новообразованием отрочества считал чувство взрослости—возникающее представление о себе, как уже не ребенке. Подросток начинает чувствовать себя взрослым, стремится им быть и считаться. Своеобразие заключается в том, что подросток отвергает свою принадлежность к детям, но полноценной взрослости еще нет, хотя появляется потребность в признании ее окружающими. Наиболее яркими интересами (доминантами) подростка Л. С. Выготский считал “эгоцентрическую доминанту” (интерес к собственной личности), “доминанту усилия” (тягу к сопротивлению, преодолению, к волевым напряжениям, которые иногда проявляются в упрямстве, хулиганстве, борьбе против воспитательского авторитета, протесте и других негативных проявлениях), “доминанту романтики” (стремление подростка к неизвестному, рискованному, к приключениям, героизму).

Из приведенных положений несомненно вытекает одно – поведение подростков во многом зависит от противоречий между их биологическими особенностями и особенностями социального статуса. Кроме того, поведение подростка, в связи неполноценным включением в культуру, с недостаточностью культуризации (социализации), имеет более ярко выраженную биологическую основу.

Интересным представляется теория Н. А. Монахова о социобиологических механизмах формирования антиобщественного поведения молодежи. По мнению автора, базовым подсознательным влечением индивида, от которого в конечном счете отталкивается вся структура инстинктивного группового поведения людей, выступает феномен самолюбия, честолюбия и властолюбия, как психический рудимент животного инстинкта, стремления особи к превосходству над соперниками. При этом, взрывчато-конфликтные черты личности, появляющиеся в переломном возрасте, факт совпадения времени полового созревания подростка и резкого перелома в его психике, в центре которого всегда стоят болезненно ранимое самолюбие, нетерпимость к нравоучениям, повышенная конфликтность, склонность к преувеличенным самооценкам, автор объясняет феноменом сублимации—стойким усилением заинтересованности личности в достижении персонального успеха в самом широком социальном окружении в ответ на силовое сдерживание полового влечения. И так как у подростков нет объективной воз-

можности на равных соревноваться со взрослыми, опираясь на общепринятые критерии личностного успеха, то они принимают только те этические ценности, для достижения которых работают их личные преимущества. Поэтому естественным и неизбежным представляется поиск молодыми людьми именно тех неформальных групп, где уважались бы сила, удачливость, внешняя эффектность, бесстрашие в рискованных ситуациях¹.

Об атавистических чертах в поведении подростков пишут и другие авторы, полагая, что различные формы девиантного поведения подростков—воровство, драки, набеги, отторжение чужаков, драка “улицы” против чужой “улицы”—близкая копия жизни наших пращуров, кочевников, охотников и воинов².

На преступность несовершеннолетних оказывает влияние и то обстоятельство, что несовершеннолетний не всегда в состоянии адекватно воспринимать психологическое содержание поведения другого, скрытые тенденции этого поведения. Поэтому он зачастую делает неадекватные выводы и обобщения, попадает под отрицательное влияние. Отдельный, вызывающий у подростков восхищение поступок человека, может породить у них устойчивое положительное отношение к этому человеку вне зависимости от других его качеств³. Именно этот психологический механизм лежит в генезисе попадания подростка под дурное влияние взрослых. Мои исследования показали, что влияние товарищей сыграло свою роль примерно в 70%, а влияние взрослых—в 30% случаев совершения преступления. Поэтому не случайно, что около 25% преступлений несовершеннолетние совершают в составе смешанной группы, вместе со взрослыми.

Кроме вышеуказанных факторов на преступность несовершеннолетних оказывают влияние и негативные факторы социализации. В литературе отмечаются шесть групп неблагоприятных факторов, определяющих негативное развитие и криминализацию установок у несовер-

¹ См.: Монахов Н. А. О социобиологических механизмах формирования антиобщественного поведения молодежи. // Советское Государство и Право. 1989, № 8

² См.: Пятницкая И. Н., Шаталов А. И. Девиантное поведение подростков. М., 2004, с. 13.

³ См.: Бодалева А. А. Восприятие человека человеком. Изд. ЛГУ, 1968, с. 9.

шеннолетних. К первой группе относятся факторы, идущие из неблагополучной семьи, ко второй—из учебно-воспитательной работы, третья группа обусловлена неблагоприятным воздействием товарищеской среды, четвертая имеет место в деятельности звеньев, занятых в сфере ранней профилактики педагогической запущенности детей и преступности несовершеннолетних, пятая—охватывает негативные явления, наблюдаемые в окружающей микросреде, шестую группу характеризуют факторы, обусловленные высокой степенью безнравственности родителей¹.

Тенденции преступности несовершеннолетних в Армении за последнее десятилетие хотя неутешительны и она терпит отрицательные количественные и качественные изменения, однако основные показатели более или менее устойчивы.

Таблица 11

(динамика преступности несовершеннолетних по абсолютным показателям)

годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
прест.	436	379	420	502	741	589	588	610	554	520	553	557	557

Как видно из приведенных данных самым неблагополучным был 1997 год, после этого уровень преступности несовершеннолетних как будто снижается. Однако, если сравнить 2004г. с 1993г. то можно констатировать рост уровня преступности несовершеннолетних. Рост уровня преступности несовершеннолетних наблюдается с 1995г. до 1998г., с 1999г. до 2000г., с 2003г. до 2004г.

Кроме этого, как уже отмечалось выше, есть все основания полагать, что в 1998 и 2003гг. вырос уровень латентности преступности. Если анализировать динамику преступности несовершеннолетних по коэффициентам, то получится следующая картина:

Таблица 12

(динамика преступности несовершеннолетних по коэффициентам на 100 тыс. населения)

годы	1993	1994	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
прес.	11,6	11,0	11,1	13,2	19,5	15,6	15,5	16,0	15,3	15,2	15,3	15,4

¹ См.: Арзуманян С. Д. Психолого-криминологическая теория становления личности правонарушителя. Ереван, 2000, с. 186-187.

Растет и доля преступности несовершеннолетних в общей преступности—в 1993 г. она составила 3,3 %, а в 2004 г. 5,5 %. Между тем, доля лиц в возрасте от 14 до 19 лет в структуре населения уменьшается. Примерно такие же проценты подростковой преступности констатировались и в конце 60-ых годов—6-8%, в 70-ые годы—6-7%, в 80-ые годы—5-6%. Некоторое снижение доли подростковой преступности в начале 90-ых годов можно объяснить небывалым ростом взрослой преступности. Может быть из-за этого возрос и уровень латентности преступности несовершеннолетних, потому что правоохранительные органы переключили все свое внимание на преступность взрослых.

Что касается структуры преступности несовершеннолетних, то надо отметить, что здесь очень велик удельный вес корыстных преступлений. При этом год за годом он увеличивается—с 69,8% в 2000г. до 74,3% в 2003г. В 2004г. удельный вес корыстной преступности снизился до 70% за счет увеличения удельного веса насильственных преступлений, которые составили 16,7%. В основном удельный вес насильственных преступлений колеблется от 10% до 12%. Однако учитывая более высокий уровень латентности преступности несовершеннолетних, в том числе насильственной, по сравнению с преступностью взрослых, можно предполагать, что реально доля насильственной преступности несколько выше. Подавляющее большинство корыстных преступлений кражи, которые в 2000г. составили 31% преступности несовершеннолетних, а в 2004г. уже 68%. Второе место по распространенности занимают телесные повреждения—от 7% до 10%. Доля убийств с покушениями мизерная—до 1% в самый неблагополучный год. Еще более мизерная доля изнасилований—до 0,3% в самый неблагополучный год. Третье место по распространенности составляют грабежи, потом хулиганство. Доля разбоев, которые находятся на стыке корыстных и насильственных преступлений составляет от 0,8 до 1,6%. Как видно в структуре преступности несовершеннолетних преобладают преступления небольшой и средней тяжести. Даже если учесть высокую латентность преступности несовершеннолетних, то она в основном касается таких преступлений как кражи и, еще больше,— драки и хулиганство. При этом латентность драк (побоев) очень велика. По официальной статистике доля побоев в преступности несовершеннолетних состав-

ляет до 0,2%. Однако этот вид преступности фактически очень распространена.

Как и предполагалось, преступность несовершеннолетних обнаруживает те же тенденции, что и взрослая преступность—доля корыстной преступности растет, а доля насильственной уменьшается.

Социально-демографический состав несовершеннолетних преступников в Армении отличается тем, что здесь мизерная доля приходится на лиц женского пола—от 1,4% в 1999г. до 2,9% в 2003г. В России, например, доля лиц женского пола в контингенте несовершеннолетних преступников почти в четыре раза выше¹, чем в Армении. Однако тенденция роста удельного веса лиц женского пола настораживает.

Доля учащихся также невелика, хотя за последние годы наблюдается увеличение их удельного веса—с 4,3% в 2000г. до 13,3% в 2004г. Основной массив несовершеннолетних преступников составляют лица, не имеющие определенного рода занятий. Что касается возрастной структуры, то здесь подавляющее большинство составляют 16-17 летние. Их доля в преступности несовершеннолетних 4-5 раз превышает долю 14-15 летних. Хотя за последние два года этот разрыв сократилось до 2-3 раз. Нужно еще и учитывать то обстоятельство, что преступность 14-15 летних более латентна, чем 16-17 летних.

За последние годы несколько увеличивается число преступлений совершаемых несовершеннолетними в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Так, если в 2000г. в состоянии алкогольного опьянения совершалось 2,2% преступлений, а в состоянии наркотического опьянения—0%, то в 2001г., соответственно, 3% и 0,2%, в 2002г.—2,7% и 0,5%, в 2003г.—3,9% и 0,3%, в 2004г.—0,1% и 0%. Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в Армении всегда составлял около 3%. Даже если учесть латентную часть преступности несовершеннолетних, можно констатировать тот факт, что алкоголизм и наркотизм не являются существенными детерминантами преступности несовершеннолетних в Армении. Это одновременно и хорошо и плохо. Положительная сторона в том, что несовершеннолетние не поддаются пагубным привычкам,

иррациональным потребностям, а значит их отчужденность не столь глубока. В то же время, совершение преступления в трезвом состоянии может свидетельствовать о более стойкой антиобщественной позиции лица, что затрудняет профилактику преступлений, корректировку поведения несовершеннолетнего. Это может свидетельствовать и о том, что преступность несовершеннолетних в Армении по мотивации более близка к преступности взрослых, что является свидетельством наличия негативного нравственно-психологического климата в обществе, поражающего все слои населения.

Преступность несовершеннолетних отличается большой долей групповой преступности. Так, в 2000г. в составе группы несовершеннолетних совершалось 20,2% преступлений, а в составе смешанной группы—25,6%, в 2001г., соответственно,—16% и 23,9%, в 2002г.—18,9% и 24,4%, в 2003г.—13,9% и 19,9%, в 2004г.—16,1% и 21,4%. Примерно такие же показатели групповой преступности были и в прошедшие 30 лет—40-45%. Высокая доля групповой преступности объясняется склонностью подростков попадать под влияние взрослых и товарищей, о чем уже говорилось, а также тем, что потребность в общении со сверстниками в этом возрасте прогрессивно нарастает.

Несмотря на неблагоприятные тенденции в преступности несовершеннолетних, ее уровень в Армении ниже, чем в Европейских странах, в США и в России. В Армении ниже и удельный вес женской подростковой преступности, преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Другой особенностью является то, что преступность несовершеннолетних в Армении по своим тенденциям и структуре меньше отличается от взрослой преступности. Такое положение в первую очередь связано с тем, что, как неоднократно отмечалось, в армянском обществе семья остается одним из наиважнейших ценностей, а жертвенная любовь к детям является одной из особенностей национального характера. Опекунство над детьми, помощь со стороны родителей почти во всех областях жизнедеятельности продолжается очень долго. Даже после достижения совершеннолетия, в вузе, иногда и во время уже трудовой деятельности опека родителей продолжается. В армянском обществе принято, что родители должны помогать детям столько, сколько хватит сил и средств. Контроль над детьми и молодыми осуществляется не

¹ См.: Ермаков В., Крюкова Н. Несовершеннолетние преступники., М., 1999, с. 42.

только родителями но и родственниками. Родственные узы в армянском обществе еще достаточно крепки. Но и этим дело не заканчивается. Неформальный контроль осуществляется и со стороны других структур общества—соседями, друзьями, просто знакомыми и т. д. Особо жесткий контроль осуществляется над девушками и девочками. В подавляющем большинстве семей они строго ограничены в том—до какого времени дня могут быть вне дома, где, когда и с кем могут проводить досуг и т. д., чем и объясняется их мизерная криминальная активность по сравнению с теми странами, где равенство или почти равенство полов не только провозглашено и подкреплено законом, но и существует фактически.

Казалось, что из-за особенностей переломного возраста строгий неформальный контроль должен был вызывать более бурное сопротивление подростков. Однако, строгий неформальный контроль, долгосрочная опека над детьми, уважительное отношение к взрослым воспринимается как должное и со стороны молодежи. Может быть здесь играет роль генетическая запрограммированность, сформировавшаяся вековыми традициями. Поэтому конфликт поколений в Армении не такой уж острый. Можно констатировать, что ценностно-нормативная система армянской молодежи более близка к ценностно-нормативной системе взрослых. Отчасти поэтому и отчасти из-за такого строгого неформального контроля, в условиях тоталитарного режима в Армении не сформировалась и какая-то особая молодежная и юношеская субкультура. В Армении и до сих пор редко встретишь байкеров, рокеров, панков и тому подобных представителей молодежной субкультуры.

Естественно, что такой строгий неформальный контроль имеет существенное антикриминогенное значение. Но в то же время такой жесткий контроль, такая мелочная опека сковывают инициативность, способствуют инфантилизму, углубляют чувство неполноценности. Человек, социализация которого происходила под таким прессом, позднее может испытывать больше трудностей при встрече с жизненными проблемами, а их преодоление может оказаться для него почти неразрешимой задачей. А это также может иметь криминогенное значение. Человек, который не подготовлен противостоять трудностям, может выбрать противоправный способ поведения или уходить от действительности, опять-таки путем отклоняющегося поведения (нар-

котизм, алкоголизм и т. д.). Может быть этим и объясняется более высокий уровень криминальной активности 30-40 летних в Армении, что также является одной из особенностей армянской преступности. Но все же, по отношению к преступности несовершеннолетних, жесткий неформальный контроль имеет антикриминогенное значение.

Однако, тенденции развития армянской семьи настораживают. Происходящие в республике кризисные процессы не могли не отразиться на ней. Общеизвестно, что семейное неблагополучие является одной из основных причин преступности несовершеннолетних. В качестве предпосылок семейного неблагополучия принято выделять: трудные материально-бытовые условия жизни семьи, плохое состояние здоровья родителей, их низкий культурно-образовательный уровень, сниженную общественную активность и многое другое¹.

За последнее десятилетие в Армении обострились все вышеперечисленные негативные явления.

Я уже привел статистические данные о бедности и безработице. Армянская семья испытывает колоссальные экономические трудности. Особенно страдают многодетные семьи, семьи безработных и неполные семьи. В результате экономических трудностей, нужды и нищеты растет детская смертность и заболеваемость. Так, по сравнению с 1997 г. в 2001 г. рождаемость женщин в возрасте от 15 до 49 лет снизилась с 42,3 до 29,3 (в расчете на 1000 женщин). Коэффициент смертности лиц в возрасте до 19 лет в 1997 г. был 21,7, а в 2001 г.—22,3.

Бедная семья не может обеспечить надлежащее воспитание детей. Не хватает средств для обеспечения надлежащего образования детей. У родителей не хватает времени заботиться о них. Из-за экономических трудностей и безработицы многие армянские семьи превратились в неполные, потому что родители, в основном отцы, уезжают за границу за заработками.

Экономические трудности привели к негативным тенденциям в статистике браков и разводов. В 2003 г. коэффициент разводов на 1000 населения по сравнению с 1999 г. увеличился в 2 раза—от 0,3 до 0,6. Растет число детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке—если в 1997 г. их процент от общего числа родив-

¹ См.: Ермаков В., Крюкова Н. Указ. соч. с. 63.

шихся составил 11,7, то в 2001 г.–15,3. Криминогенное значение распада семьи доказывается некоторыми статистическими данными. По данным С. Д. Арзуманяна у 26,2% воспитанников спецшкол родители были в разводе, у 5,8% мать оставила семью, у 14,6% умер отец, у 5,8% отец шабашник¹.

Можно констатировать процесс распада традиционной армянской семьи, что имеет существенное криминогенное значение. Этому способствуют не только экономические трудности, но и внедрение западной культуры, западных стандартов жизни. Хотя медленно но все же идет процесс эмансипации армянской женщины. Армянская женщина стала заниматься такими делами, которые еще 10-15 лет назад были бы немыслимы. Многие женщины занимаются бизнесом, работают в коммерческих структурах, в офисах международных и иностранных организаций. Постепенно повышается и политическая активность женщин. Все это неблагоприятно отражается на воспитание детей в том плане, что у армянской женщины постепенно сокращается время не только на воспитание детей, но и на выполнения других обязанностей по дому. Между тем требования к женщине, к ее роли в семье в армянском обществе меняются медленнее, чем сам процесс эмансипации. Это приводит к напряженности и конфликтности во внутрисемейных отношениях, ведет к ослаблению контроля за поведением детей и подростков, порождает их безнадзорность.

Экономические трудности также способствуют конфликтности во внутрисемейных отношениях, что создает предпосылки формирования психосоциальных факторов преступности. Ссоры, скандалы, драки в семье приводят к эмоциональному отчуждению детей от своих родителей, вызывают у них тревогу, беспокойство, чувство незащищенности.

Процесс распада традиционной армянской семьи привел к увеличению числа, так называемых, беспорядочных семей. Беспорядочная семья, это не только семья, где царят хаос и грязь, где пьянствуют, где конфликт постоянен и взрослые постоянно выясняют отношения. Многие вполне психически благополучные семьи, но занятые своими интересами, загруженные работой, не в состоянии обеспечить последова-

тельность воспитания, контроль и помощь ребенку в становлении необходимых качеств. Общим для беспорядочных семей является разрыв традиций. Стиль жизни, характерный для беспорядочных семей оказывается постоянным психотравмирующим фоном для растущих детей¹.

Внедрение западной культуры, особенно такие ее проявления как культ материального благополучия, стремление к независимости от родителей, стремление к абсолютному равноправию, приводит к отрицательным явлениям не только в армянской семье, но и в обществе в целом. Раскрепощение нравов, свобода слова, идеологический плюрализм, западный стиль жизни, мода, реклама, распространение низкопробной продукции западного искусства, насилия и эротики имеют огромное криминогенное влияние. Перечисленные явления формируют потребительскую психологию: деньги, одежда, дорогостоящая техника, автомобиль, мобильный телефон, бессмысленное проведение досуга – вот все, что интересует основную часть подростков и молодежи. Кроме этого, есть все условия для обострения конфликта между поколениями. Социологические исследования, проводимые в Армении свидетельствуют о том, что армянское общество расколото на две части – те, кто испытывают ностальгию по прошлому (42%) и те, которые придерживаются мнения, что сегодня все-таки лучше, чем вчера (30%). Остальные 28% не видят особой разницы². Ностальгию испытывают чаще всего представители старшего поколения. Хотя конфликт между поколениями не такой уж острый, потому что ныне сложившаяся ситуация скорее воспринимается как навязанную “большими политиками демократии”, а молодежь не обвиняется в распространении наркомании, в тунеядстве и иждивенчестве, потому что “отцы” сочувствуют молодым, рассматривая их в качестве жертв сложившихся новых социальных порядков³, однако по мере развития общества и более глубокого внедрения западного образа жизни конфликт может обостриться, и тог-

¹ См.: Пятницкая И. Н., Шаталов А. И. девиантное поведение подростков. М. 2004, с. 75.

² См.: Погосян Г. А. Армянское общество в трансформации, Ереван, 2003, с. 368.

³ Там же, с. 369.

¹ См.: Арзуманян С. Д. Указ. соч. с. 163-164.

да строгий неформальный контроль уже не будет действенным¹. Наоборот, он может продуцировать более бурное сопротивление молодежи с более жесткими формами девиантного поведения и формированием особых видов молодежной субкультуры западного образца.

Не лучше обстоят дела и в области образования несовершеннолетних. Школа по-прежнему ориентирована только на передачу знаний. Выявлением творческих способностей у детей, формированием у них интересов школа не занимается. Социально-экономические трудности и нравственно-психологический климат общества не обошли и школу. Все чаще говорят о распространенности коррупции в школах, о практике двойных стандартов. Учителя являются одним из самых незащищенных слоев населения, они получают мизерную зарплату, не защищены от произвола. Профессия учителя обесценилась. В таких условиях говорить о положительной воспитательной роли школы не приходится.

Существенное негативное воздействие на несовершеннолетних оказывают негативные явления, наблюдаемые в окружающей социальной среде, которые обесценивают многие нормы морали, нравственности и права, расшатывают веру в социальную справедливость. Среди этих факторов следует отметить: 1) расхождение между культурно-образовательным и материальным уровнем определенной части населения, которое проявляется в том, что люди с низким образовательным уровнем, низкой зарплатой, занимающие не очень уж престижной работой живут намного лучше, чем люди с высшим образованием, с учеными званиями и степенями; 2) атмосфера безнаказанности и вседозволенности вокруг лиц с высокими материальными возможностями или занимающими высокие должности, вокруг криминальных авторитетов; 3) негативные явления при поступлении в вуз, в частности, поступление с помощью знакомства, взятки и т. д.; 4) получение работы или должности не по показателям интеллекта, образованности, профессионализма, а по покровительству и т. д.; 5) расхождение между словом и делом родителей, учителей, должностных лиц и т. д.

¹ По мнению Элвина Тоффлера "по мере роста скорости изменений во внешней среде внутренние различия между молодежью и стариками неизбежно становятся более заметным". См.: Элвин Тоффлер "Шок Будущего". М., 2003, с. 319.

Настораживает и состояние контроля над преступностью несовершеннолетних. Во-первых, увеличивается их доля в контингенте осужденных. Так, в 1990г. она составила 3,4%, в 1992г.—6,5%, в 1998г.—4,4%, в 2000г.—3,9%, в 2001г.—4,6%, а в 2004г.—5,1%. При этом разница между выявленными лицами и судимостью обнаруживает удручающую тенденцию—она постепенно увеличивается. Так, в 1996г. она составила 70%, в 1997г.—62,8%, в 1998г.—59,2%, в 1999г.—70%, в 2000г.—63,5%, в 2001г.—46,6% в 2002г.—49%, в 2003г.—54,8%, в 2004г.—57,9%. По сравнению со взрослыми разница между выявленными лицами и судимостью больше примерно на 10% (соотношение выявленных лиц и судимости у взрослых в последние годы составляет 66-67%).

Соотношение же выявленных лиц и преступности составило в 1996г.—102,7%, в 1997г.—91,1%, в 1998г.—81,3%, в 1999г.—80,3%, в 2000г.—67,8%, в 2001г.—97,1%, в 2002г.—78,6%, в 2003г.—65,3%, в 2004г.—68,7%. Как видим, в 1996г. число выявленных лиц больше числа преступлений. Постепенно число выявленных преступников уступает числу преступлений, но разница между ними почти на 20% меньше по сравнению с аналогичными показателями взрослой преступности. Отчасти это можно объяснить наибольшей долей групповой преступности несовершеннолетних. Кроме этого, на мой взгляд, немаловажную роль играет и то обстоятельство, что в преступности несовершеннолетних доля совокупности преступлений ниже, чем в преступности взрослых. Существенное значение имеет и то, что несовершеннолетние, в силу своих умственных возможностей и жизненного опыта, не в состоянии эффективно скрыть совершенное преступление. Однако в последние годы вышеуказанные показатели у несовершеннолетних и взрослых сближаются.

Увеличивающаяся разница между выявленными лицами и преступностью, между выявленными лицами и судимостью указывает на возрастающую латентизацию преступности несовершеннолетних и ослабление контроля над их преступностью. Этому способствуют следующие факторы: 1) возрастающая безразличность общества к подросткам и к их поведению, несообщение о фактах преступлений; 2) низкая эффективность работы правоохранительных органов; 3) коррупция, которая по отношению к несовершеннолетним более существенна. Родители, близкие несовершеннолетних делают все возможное и не-

возможное, чтобы оградить их от уголовного наказания, в том числе, при совершении тяжких преступлений.

Может быть то, что все меньшее число несовершеннолетних преступников попадает в орбиту правоохранительной системы и к лучшему, потому что предохраняет их от стигматизации. Ведь чем в более раннем возрасте человек попадает под действие уголовной юстиции, тем вероятнее становится выбор им преступной карьеры в будущем. С другой стороны, безнаказанность тоже может мотивировать дальнейшее преступное поведение. Поэтому, на мой взгляд, совершенствование контроля над преступностью несовершеннолетних должно осуществляться таким образом, чтобы по возможности обеспечить неотвратимость ответственности и, в то же время, по возможности смягчить эту ответственность. Этому способствовали бы следующие меры: 1) гуманизация уголовного законодательства, ограничение сферы применения лишения свободы к несовершеннолетним и расширение сферы применения альтернативных мер. Например, лишение свободы можно было бы допустить только при совершении тяжких и особо тяжких преступлений (сначала УК РА 2003г. исключал возможность применения лишения свободы к несовершеннолетним при совершении преступления небольшой тяжести, но потом, это довольно-таки прогрессивная норма, по непонятным мотивам была исключена из УК). Кроме этого, можно было сократить круг преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет. Например, из этого перечня можно исключить такие преступления, как простое хулиганство, завладение транспортными средствами без цели хищения, простую кражу, повреждение транспортных средств и путей сообщения, которые, в подавляющем большинстве случаев, являются следствием подросткового озорства; 2) создание системы ювенальной юстиции, включающей кроме юристов также педагогов, психологов, криминологов, социальных работников.

Для предупреждения преступности несовершеннолетних существенное значение могут иметь: 1) мероприятия по оказанию помощи бедным семьям, безработным; 2) мероприятия по обучению родителей азам педагогики; 3) внедрение цензуры на показ насилия, секса, фильмов ужасов; 4) существенное увеличение финансирования школ, зарплаты учителей; 5) пересмотр школьных программ, их существенная

разгрузка, ориентация школы на выявление творческих способностей детей, преодоление формализма и показухи; 6) совершенствование деятельности специальных детских учреждений (спец. школы, интернаты и т. д.), увеличение их финансирования, комплектование соответствующими кадрами; 7) совершенствование процесса исполнения наказания, создание квалифицированной психологической службы в колониях для несовершеннолетних, надлежащее организация их учебы и работы,

§6. Неосторожная преступность

Неосторожная преступность или преступность с легкомысленно-безответственной мотивацией по официальной статистике в Армении составляет от 5 до 8% преступности. Однако, даже если брать за основу официальную статистику, то все равно вред от неосторожной преступности многократно превышает вред от умышленной преступности. В 1991г. только от ДТП погибло 833 человека, получили ранения 2070, в 2004г., соответственно—253 и 1294, в 2005г.—310 и 1773, в то время как от умышленных убийств погибло в 3-5 раз меньше.

Анализировать неосторожную преступность довольно трудно, потому что в статотчетах не фиксируются многие преступления. Только два состава находят отражение в статотчетах—нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта и должностная халатность, а данные о неосторожном причинении смерти можно получить отдельно. И все-таки попытаемся проанализировать состояние неосторожной преступности по этим составам.

Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта самое распространенное неосторожное преступление. Его удельный вес в преступности составил в 1993г.—4,1%, в 1996-1997гг.—6,5%, в 2001г.—5,5%, в 2002г.—4,8%, в 2003г.—5,9%, в 2004г.—6,6%, в 2005г.—6,3%. Удельный вес нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта со смертельным исходом в структуре автотранспортных преступлений составил:

Таблица 13

годы	1933	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
удел. вес %	37,9	46,7	35	31	25,9	33,1	30	31	26,8	34	30	30	33

Как видно из таблицы, удельный вес нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта со смертельным исходом в структуре этого преступления с 1995г. до 1997г. уменьшается, в 1998г. увеличивается, с 1999г. до 2002г. опять уменьшается, в 2002г. увеличивается, в 2003 и 2004гг. уменьшается, а в 2005г. увеличивается. Анализ же тенденций развития нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта со смертельным исходом по абсолютным показателям указывает на то, что это преступление, начиная с 2001г., растет. Так, в 1999г. было зарегистрировано 148 преступлений со смертельным исходом, в 2000г.—134, в 2001г.—134, в 2002г.—149, в 2003г.—152, в 2004г.—154, в 2005г.—186. Происходит это на фоне более низкого темпа роста нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта без смертельного исхода. Есть основание полагать, что последнее все более латентизируется. Об этом косвенным образом свидетельствует тот факт, что в 1998г., который был годом наибольшей латентизации преступности, уровень нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта со смертельным исходом вырос, а без смертельного исхода—снизился. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта со смертельным исходом—менее латентное преступление: скрывать факт смерти труднее, тем более, что в подавляющем большинстве случаев это преступление совершается в условиях очевидности.

В 2004г. по сравнению с 1993 и 1996гг. преступления со смертельным исходом сократились на 23,6%. Это можно объяснить увеличением числа автомашин западных производителей с наиболее надежными средствами безопасности, отчасти—благоустройством дорог.

Тем не менее можно констатировать, что динамика транспортных преступлений и правонарушений в целом неблагоприятна. В 2005г. по сравнению с 2004г. зарегистрировано на 18% больше этих преступлений. В 2004г. по сравнению с 1999г. было зарегистрировано на 27,9% больше административных правонарушений, на 202% больше ДТП с нанесением материального ущерба.

Неосторожное причинение смерти в структуре преступности имеет мизерную долю и составляет от 0,02% (в 2004г.) до 0,1% (в 1999г.). Аналогичную тенденцию показывает и халатность, уровень ко-

торой в 2002г. (с 2003г. это преступление не регистрируется) по сравнению с 1993г. уменьшился в 4,5 раза.

Что касается халатности, то снижение ее уровня можно объяснить лишь тем, что в Армении за последние годы устойчиво сокращается государственная собственность, мало работающих предприятий, заводов, а в частном секторе превалирует легкая и перерабатывающая промышленность и торговля. Кроме того, частный собственник более бережно относится и к своему имуществу, и к рабочим, поэтому в частном секторе меньше факторов, мотивирующих халатность. В то же время этот вид преступления, особенно в госсекторе, также латентизируется.

Снижение уровня неосторожного причинения смерти, на мой взгляд, также результат латентизации. За последнее время в Армении несколько не повысился уровень правопорядка, дисциплины, не снизился уровень тревожности, беспокойства, не ограничился круг стрессовых ситуаций, не снизился уровень конфликтности, безразличия, апатии. Поэтому нет никаких объективных предпосылок для снижения уровня этого вида преступления. Латентизация неосторожного причинения смерти вызвана следующими факторами: 1) часто трудно разграничить неосторожность от невиновного причинения вреда, поэтому ошибки при оценке деяния здесь встречаются довольно часто; 2) коррупция в правоохранительных органах—скрыть факты преступления, освободить виновного от ответственности на коррупционных основах при этом виде преступления легче из-за трудности и спорности разграничения неосторожности (особенно небрежности) от невиновного причинения вреда; 3) целенаправленная политика: правоохранительные органы очень часто прекращают дела из-за того, что в Армении нет колоний для лиц, совершивших преступление по неосторожности. Поэтому, если даже дело доходит до суда, он ограничивается либо штрафом, либо условным осуждением. Если же назначается лишение свободы, то осужденный “несет наказание” у себя дома.

Что касается неосторожного уничтожения имущества с тяжкими последствиями (в результате пожара), то это преступление никогда не регистрировалось, хотя его уровень и динамика имеют важное социальное значение и являются важными показателями нравственно-психологического климата общества, уровня недисциплинированности и безответственности, уровня технической безопасности. Хотя данное

преступление не регистрируется, косвенно о его динамике можно судить по статистическим данным о пожарах. К сожалению, я не располагаю данными на более или менее большой промежуток времени, но все же можно констатировать неблагоприятную динамику. Так, в 2003г. было зарегистрировано 1117 случаев пожара, в 2004г.–1683, в 2005г.–1590. Число погибших и раненных, соответственно составило– 11 и 24, 16 и 35, 24 и 26.

Не регистрируются и остаются латентными также неосторожные преступления, связанные с производством продуктов питания, медикаментов, лечением людей, ветеринарной помощью, а также в сфере коммунальных услуг. Достаточно сказать, что в последние годы участились случаи отравления людей питьевой водой, зарегистрированы случаи заболевания сибирской язвой. Что касается отравлений, то в 2005г., по сравнению с 2003г., их число увеличилось в 1,5 раза. Между тем уголовных дел по этим фактам не было возбуждено, а возбужденные необоснованно были прекращены.

Поэтому реальная доля неосторожной преступности на порядок больше, чем это отражено в официальной статистике. В Армении нет никаких условий сокращения этого вида преступности. Как уже отмечалось, в Армении не снизился ни уровень недисциплинированности, правового нигилизма, ни уровень страха, тревожности, беспокойства, конфликтности, напряженности, а уровень безопасности техники не повысился. Поэтому есть основания полагать, что неосторожная преступность в Армении латентизируется. По данным некоторых криминологических исследований, латентность неосторожной преступности составляет 20%¹. Единственное, что сдерживает неосторожную преступность в Армении на таком уровне (что значительно ниже чем, скажем, в России), так это то, что процесс научно-технического прогресса за последнее время затормозился, а промышленность практически бездействует. Естественно, сокращается сфера неосторожной преступности.

Важное криминологическое значение имеют мотивы поведения, приведшие к общественно опасным последствиям и, в конечном счете,

к неосторожному преступлению. Они отражают нравственно-психологический климат общества, отношение к закону, уровень дисциплинированности. За последние годы увеличивается удельный вес таких мотивов, которые являются отражением нарастающей тревожности, безнравственности, отчужденности, недисциплинированности, индивидуализма и эгоизма. Об этом свидетельствует, например, рост уровня таких причин ДТП, как превышение скорости (в 2004г., по сравнению с 1999г., таких случаев больше на 27%), вождение транспорта в состоянии опьянения (соответственно, больше в два раза). Исследование мотивов автотранспортных преступлений показало, что очень велика доля таких мотивов, как озорство и лихачество (76%), пренебрежительное отношение к запретам (69%), мотивация внешнего или внутреннего отвлечения (задумался, задремал, на улице происходило что-то интересное, что отвлекло внимание(21%).

Исследование мотивов неосторожного причинения смерти и телесных повреждений показало, что около 57% из них составляют такие мотивы, которые отражают вышеуказанные явления, происходящие в обществе: страх (2%), безответственное отношение к служебным обязанностям, недисциплинированность, нерадивость (11%), эгоизм, нежелание утруждать себя, лень, равнодушие к интересам других (5%), озорство, бравада (17%), ревность (2%), хулиганские побуждения (2%), корысть (4%), оскорбленное чувство собственного достоинства, возмущение мнимой обидой (16%).

За последние годы увеличивается корыстная мотивация неосторожных преступлений. Например, участились случаи ДТП в результате нарушения правил перевозки людей, что связано с желанием водителей, особенно микроавтобусов, как можно больше заработать, быстрее выполнить план.

Краткий перечень мотивов поведения, приведшие к общественно опасным последствиям и, в конечном счете, к неосторожному преступлению показывает, что хотя здесь есть свои особенности в том плане, что нет мотива преступления, а есть мотивы нарушений, приведших к общественно опасным последствиям¹, однако можно констатировать,

¹ См.: Криминология. Учебник для вузов. Под ред. В.Н. Бурлакова., Н.М. Кропачева. СПб., 2002, с. 293.

¹ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений. Государство и право. 2005, №6, с. 64.

что в основе неосторожных преступлений лежат те же криминогенные явления, которые играют существенную роль и в мотивации умышленных преступлений—эгоизм, индивидуализм, потребность в самоутверждении, безответственность, тревожность, отчужденность. При этом многочисленные криминологические исследования показывают, что лица, совершающие неосторожные преступления, по ряду характеристик (образование, воспитание, правосознание, поведение) отличаются от законопослушных граждан в отрицательную сторону. Не лучшим образом они характеризуются и в нравственно-психологическом аспекте. Им свойственны беспечность, легкомыслие, неосмотрительность, излишняя самоуверенность¹. Исследования, проводимые в Армении, показали, что около 6-8% лиц, совершивших транспортные преступления, были ранее судимы, а около 25-30% ранее подвергались административной ответственности. Эти показатели намного ниже, чем в России, где, по данным некоторых криминологических исследований, среди лиц, совершивших транспортные преступления, ранее к административной ответственности привлекались 80%, а к уголовной ответственности—12%². Это косвенно свидетельствует о том, что в Армении больше организационных, технических, социальных и, особенно, социально-психологических факторов неосторожной преступности. Немаловажное значение может иметь и латентность. Однако то, что в Армении в мотивации неосторожных преступлений все же большую роль играют социально-психологические явления, свидетельствует и тот факт, что среди лиц, совершающих транспортные преступления, очень велик удельный вес безработных (от 50 до 80%). Очевидно, что психологическое состояние стресса, безразличия, апатии, страха за будущее, растерянности, вызванные безработицей, играют существенную роль в мотивации неосторожных преступлений.

Поэтому в криминологической литературе справедливо отмечается, что причины неосторожной преступности носят социальный харак-

тер, и что неосторожная преступность в основном обусловлена теми же факторами, что и преступность в целом¹.

Если говорить о непосредственных причинах неосторожных преступлений, скажем, об автотранспортных, как о наиболее распространенных, то они связаны с тремя главными элементами: человеком, машиной, дорогой. Эти же элементы в несколько видоизмененном виде (человек—орудие—ситуация) отражают взаимосвязанную совокупность ближайших объективных и субъективных причин и условий, определяющих любое преступление легкомысленно-безответственной направленности. Последние два элемента (орудие и ситуация) представляют лишь обстоятельства, способствующие совершению преступления. Однако эти обстоятельства существенны, о чем свидетельствует “японское чудо”. За 10 лет, с 1970 по 1980гг., при двойном увеличении автопарка Японии на ее дорогах число погибших сократилось вдвое. Следовательно, в расчете на 10 тыс. автомашин число жертв дорожно-транспортных происшествий сократилось в четыре раза. Этот результат, как считают японские специалисты, был достигнут главным образом за счет интенсивного дорожного строительства, внедрения новых технических средств безопасности дорожного движения и его оптимальной организации, т.е. за счет совершенствования двух объективных элементов дорожно-транспортных происшествий—дороги и машины².

Несмотря на то, что в неосторожных преступлениях действительно роль орудия и ситуаций существенна, главную роль все же играет человек. Основной причиной неосторожных преступлений является безответственное, нерадивое отношение лица к своему долгу, обязанностям, личная недисциплинированность, авантюризм. По этим причинам совершаются более чем 68% неосторожных преступлений. Конечно, немаловажную роль играют и такие обстоятельства, как низкий уровень профессиональной подготовленности, недостаточный опыт. Однако в Армении специфика неосторожной преступности, особенно автотранспортных преступлений, именно в том, что здесь более су-

¹ См.: Жулев В.И. Предупреждение дорожно-транспортных происшествий. М., 1989.

² См.: Жулев В.И. Указ. работа.

¹ См.: Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977, с. 70., Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 115-116.

² См.: Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991, с. 277-278.

ществленную роль играют именно первые факторы. Косвенным образом об этом свидетельствует и тот факт, что в отличие от России, где наибольшую криминальную активность обнаруживают 18-24-летние, в Армении наибольшую криминальную активность обнаруживают 30-49-летние, потом 25-29-летние, затем лица старше 50 лет, а 18-24-летние занимают последнее место. Отчасти это можно объяснить и тем, что в Армении эта возрастная группа мало обеспечена собственным автотранспортом. Однако очевидно и то, что низкий уровень профессиональной подготовленности, отсутствие надлежащего жизненного опыта в Армении в генезисе неосторожных преступлений уступают место таким явлениям как безответственность, недисциплинированность, авантюризм. Сказанное подтверждается и тем, что за последние годы многие улицы Еревана были капитально отремонтированы, улучшилось их техническое состояние, однако уровень ДТП вырос как раз на этих улицах. Причина простая: при неблагоустроенных дорогах водители, даже при большом желании, не имели возможности для быстрой езды, превышения скорости, а благоустроенная дорога дает такую возможность. Отсюда и рост уровня ДТП на 27% по сравнению с 1999г.

Как уже отмечалось, существенную роль в генезисе неосторожных преступлений играет орудие–автотранспорт, техника и т. д. Надо заметить, что и в этой сфере в Армении не все благополучно. Техническое состояние автотранспорта, можно сказать, катастрофическое, значительная часть автопарка старые машины советского периода, среди автомобилей западных образцов также много подержанных машин с техническими неисправностями. Много недостатков в сфере обслуживания и ремонта транспортных средств. Особенно отрицательно сказывается высокая стоимость этих услуг и запчастей. Несовершенна система профотбора и обучения водителей. Особенно это касается водителей личных транспортных средств. Удельный вес личного автотранспорта в Армении составляет около 80%. Между тем подготовленность водителей личных автомобилей часто находится на низком уровне. Их водительское право не отражает уровня реальной подготовленности, так как получить водительские права очень легко: были бы знакомые и (или) деньги и без соблюдения соответствующего порядка, без экзамена можно получить это право.

Не лучше обстоят дела и в коммунальном хозяйстве. Более чем половина водоснабжающих труб заржавели и не пригодны для эксплуатации. Не случайно, что все чаще фиксируются случаи отравления питьевой водой. Из-за экономических трудностей государству не удается переоборудовать коммунальное хозяйство.

Немаловажную роль среди причин неосторожных преступлений играет и ненадлежащий контроль. Если проанализировать состояние контроля за движением автотранспорта, то можно выделить следующие недостатки и отрицательные явления: 1) низкий уровень технического оснащения органов государственной автоинспекции; 2) недобросовестное выполнение служебных обязанностей; 3) не выявление правонарушений; 4) скрытие правонарушений и преступлений; 5) коррупция (наши сотрудники госавтоинспекции появляются на улицах в основном для сбора взяток, часто они умышленно дислоцируются в таких местах, чтобы не были видны водителям и ждут пока кто-то нарушит правила, а потом внезапно появляются и берут очередную взятку); 6) применение двойных стандартов (водители высокопоставленных должностных лиц, а то и должностных лиц среднего звена, сами должностные лица, олигархи, их телохранители и т. д. находятся выше закона, при нарушении правил их не останавливают, если “по ошибке” останавливают, то извиняются).

Таким образом, общие причины преступности являются и причинами неосторожной преступности. Развал экономики, бедность, безработица, окорыствление общественных отношений, потребительская психология, эгоизм, индивидуализм, коррупция, правовой нигилизм, недисциплинированность, применение двойных стандартов, тревожность, страх, стремление самоутвердиться любыми способами являются детерминантами неосторожной преступности в такой же степени, как и общей преступности. Поэтому в деле контроля над неосторожной преступностью существенное значение имеют общесоциальные меры. Особенно важным считаю меры, направленные на повышение уровня правосознания населения, дисциплинированности, преодоление правового нигилизма, безразличия.

Однако, поскольку в генезисе неосторожных преступлений важное значение имеют орудия и ситуация, то довольно эффективны могут быть мероприятия по повышению уровня техники безопасности, про-

фессиональной подготовленности лиц, эксплуатирующих технику, технической оснащенности органов, контролирующей данную сферу, технической обеспеченности и безопасности дорог. Для повышения уровня и качества контроля над движением и транспортными преступлениями важное значение могут иметь преодоление коррупции в органах госавтоинспекции, исключение применения двойных стандартов, обеспечение принципа равенства перед законом. А для этого нужно существенно повысить зарплату сотрудников госавтоинспекции, обеспечить надлежащий уровень их защищенности, повысить ответственность конкретного сотрудника за состояние движения на прикрепленном за ним участке, в основу оценки работы конкретного лица поставить динамику транспортных правонарушений, при этом, для преодоления угрозы латентизации правонарушений и объективизации данных о правонарушениях и преступлениях систематически проводить мониторинг на конкретном участке. Важное значение для преодоления коррупции, нарушения прав водителей могло бы иметь оборудование улиц средствами автоматического наблюдения.

Устранение вышеуказанных недостатков и применение обозначенных мер могли бы стать существенным резервом контроля над неосторожной преступностью.

ГЛАВА 4.

Меры, предпринимаемые государством и обществом в целях контроля над преступностью в стране

§1. Общая характеристика мер и их недостатки

Контроль над преступностью—часть социального контроля. В литературе социальный контроль определяется как механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего-девиантного поведения¹. Однако данное определение слишком общее. В более узком смысле социальный контроль представляет собой совокупность средств и методов воздействия общества на нежелательные формы девиантного поведения с целью их элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации².

Какими же способами и средствами осуществляется социальный контроль?

Во-первых, общество задает ценности и нормы.

Во-вторых, обеспечивает их трансляцию посредством законов, традиций, обычаев.

В-третьих, обеспечивает усвоение и интериоризацию этих норм и ценностей индивидами посредством поощрения за их соблюдение или наказания за нарушение норм.

В-четвертых, принимает меры по предупреждению нежелательных форм поведения.

В свете вышесказанного контроль над преступностью можно определить как совокупность мер, направленных на формирование ценностей и норм, обеспечение их трансляции, усвоение и интериоризации этих норм индивидами, а также предупреждение преступности с целью его минимизации (сокращения).

Таким образом, контроль начинается с **формирования ценностей и норм общества**. Это необходимое условие самосохранения и саморе-

¹ См.: Гилинский Я. Девиантология. СПб., 2004, с. 411.

² Там же, с. 419.

гуляции общества. Без выработанных обществом ценностей и норм была бы невозможна культуризация общества, поддержание в нем порядка и солидарности.

Анализ тенденции преступности и ее отдельных видов позволяет прийти к выводу, что в Армении складывается неблагоприятная обстановка, которая может привести к дальнейшему росту преступности. Такая ситуация вынуждает искать пути и способы выхода из сложившегося положения. Так как истоки преступного поведения лежат в сфере биопсихологической и духовной готовности человека к деструктивному поведению, то очевидно, что основным направлением борьбы с преступностью могут выступать такие мероприятия, которые ослабили бы воздействие вышеуказанных факторов, нейтрализовали бы их влияние и наоборот, актуализировали высоконравственные свойства, присущие человеку. Поэтому наиболее эффективный контроль над преступностью, на мой взгляд, может обеспечить нравственный прогресс общества. Однако очевидно, что достичь этого за короткий срок невозможно. История цивилизации показывает, что именно нравственная сфера человеческого бытия наиболее консервативна и трудно поддается коррекции. Более того, глобальные процессы, происходящие в мире, не дают основания для оптимистического прогноза. Терроризм, противоречия, а иногда и откровенный конфликт между мусульманскими и христианскими мирами, между богатыми и бедными странами, культурная, правовая экспансия западных стран, природные катаклизмы, связанные с глобальным потеплением земли, миграционные процессы, все большее окорыствление общественных отношений и усиление потребительской психологии, происходящие во всем мире, всевозрастающая экономическая поляризация как внутри государств, так и между государствами, религиозный, национальный фанатизм, распространение сектантства с человеконенавистной идеологией и т. д., вот, чем характеризуется конец XX и начало XXI века. Можно констатировать, что научно-технический прогресс и общее увеличение экономического, материального потенциала человечества не привело к прогрессу в нравственном аспекте, не улучшило качество межличностных и межгосударственных отношений, не сделало человека более благородным. Наоборот, научно-технический, экономический прогресс привели к потребительской психологии, к психологии сверхприбыли, к появле-

нию все более изощренных способов уничтожения друг друга, эгоизму и идеологии индивидуализма. Естественно, на фоне всех этих явлений во всем мире уровень преступности вырос, опережая темпы роста населения. Лишь в тех странах (примером может быть Япония), где экономический и научно-технический прогресс сопровождался сохранением национальных традиций и культуры, удалось избежать катастрофического роста преступности. Но и в этих странах преступность растет. Однако не надо думать, что научно-технический и экономический прогресс является причиной роста преступности. Наоборот, экономический прогресс может стать основой нравственного прогресса и эффективного контроля над преступностью. На мой взгляд, правы те криминологи, которые считают, что материальные блага являются основой для развития человека, повышение материальной обеспеченности расширяет возможности приобщения к духовным, культурным общечеловеческим ценностям, что для развития духовного необходима соответствующая материальная основа¹. Но для этого нужно, чтобы экономический прогресс служил каждому члену общества, чтобы богатство накоплялось честными средствами, чтобы это не сопровождалось несправедливостью. Несправедливость богатства и чрезмерное экономическое расслоение—факторы, которые дают экономическому прогрессу криминогенный потенциал.

Как уже отмечалось, в Армении присутствуют оба фактора. В ценностно-нормативной системе армянского общества доминирует культ материального достатка, деньги стали главной ценностью, сформировалась потребительская психология. Очевидно, что в плане формирования ценностей и норм социальный контроль в Армении находится в наихудшем положении. Более того, посредством рекламы, поведения многих лиц, в том числе и из высших эшелонов власти, эта психология интенсивно внедряется в сознание людей. Библейская норма “не кради” у многих вызывает смех. Стремление к богатству и материальному достатку в нравственном плане может быть и не так осуждаемое явление, но когда оно становится чуть ли не единственной и главной жизненной целью, когда для достижения этой цели используются любые, в

¹ См.: Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001, с.271.

том числе аморальные и противоправные средства, когда эти средства не осуждаются повседневной моралью, то это стремление уже становится бедой для общества. Можно констатировать, что в Армении нет никаких условий для эффективного социального контроля. Что же предпринимают государство и общество, для смягчения ситуации? Практически ничего.

Как уже отмечалось, как официально, так и неофициально пропагандируется культ денег и материальных благ. Несмотря на то, что на государственном уровне объявлена беспощадная борьба с коррупцией, однако никакой реальной борьбы нет, а метастазы коррупции проникли во все сферы жизнедеятельности армянского общества. Ситуация усугубляется из-за высокого уровня бедности и небывалого экономического расслоения. Так что в области формирования ценностно-нормативной системы армянского общества сколько-нибудь позитивные процессы отсутствуют.

Не лучше обстоят дела и в области формирования правосознания. Как ранее уже отмечалось, в армянском обществе превалирует нигилистическое отношение к праву и закону. Попирание прав человека, правовой беспредел, нарушение принципов законности и равенства перед законом, судебный и полицейский произвол стали имманентными явлениями армянского общества. Люди протестуют против сложившейся ситуации. Однако надо констатировать, что такое отношение к закону свойственно почти всем. Эгоизм и индивидуализм, прагматизм, недисциплинированность, длительное отсутствие государственности и собственного порядка—факторы, приведшие к такой ситуации. Армянин не борется за свои права правовыми средствами. Если права армянина ущемлены, то он редко обращается в суд. Часто он обращается за помощью либо к авторитетным родственникам и друзьям, либо к криминальным авторитетам, либо сам нарушает закон. На вопрос к кому бы вы обратились, если бы у вас возникли проблемы, только 18,3% опрошенных указали на правоохранительные органы, 50% указали на родственников, 22,1%—на авторитетных знакомых, 6,5%—на криминальных авторитетов. Очевидно, что ни право, ни закон, ни правоохранительные органы не внушают доверия. Обесценивание закона во многом зависит от деятельности правоохранительных органов. В этом плане наиболее негативно воспринимается не столько неумение или неже-

вание этих органов защищать права людей, бороться с преступностью, обеспечивать правопорядок, сколько выборочное применение закона, коррумпированность, двойная мораль и двойные стандарты в их деятельности. На вопрос “Что, на ваш взгляд, мешает правоохранительным органам эффективно бороться с преступностью?” 64,3% респондентов указали на их коррумпированность, 20,8%—на низкий уровень профессионализма сотрудников правоохранительных органов, 9,1%—на их безразличие, 2,5%—на низкую заработную плату. Отношение к правоохранительным органам у подавляющего большинства наших граждан отрицательное. Так, к полиции отрицательно относились 67,6% опрошенных, к прокуратуре—61,5%, к суду—62,5%, к налоговым службам—81,8%. Виктимологические опросы также показали негативное отношение к правоохранительным органам. Так, около 70% потерпевших не заявляют о факте преступления. Это удручающая цифра даже по сравнению с некоторыми государствами СНГ. Так, на Украине не заявляют о преступлениях 34,2% потерпевших. В России по фактам угона автотранспорта не заявляют около 20% потерпевших, по фактам краж—60%, по фактам причинения телесных повреждений и мошенничества—75%, по фактам рэкета и вымогательства взятки—90%¹.

Негативное отношение к правоохранительным органам в Армении проявляется и в мотивах несообщения. Так, 43,5% латентных потерпевших не обратились к правоохранительным органам, потому что не доверяют им, 22,3%—предпочитают сами решать свои проблемы, что, по моему, также результат недоверия к этим органам². Между тем, почти ничего не предпринимается для повышения престижа правоохранительных органов, суда. Хотя зарплата у судей увеличилась, однако не до такой степени чтобы минимизировать риск коррупции. Появились некоторые законодательные новеллы относительно назначения судей, их снятия с должности и неприкосновенности. Однако в армянском обществе почти все вопросы решаются не на основе писаных норм, а на

¹ См.: Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В. Преступная деятельность. Киев, 2001, с. 97.

² Почти аналогичные результаты получены в Эстонии, Литве, Украине, Польши. См.: Кури Х. Развитие преступности, санкции и позиция населения: Восток и Запад. В кн.: Преступность и уголовная политика в Европе. Том 1., Бухум 2004, с. 13-15.

основе неписаных норм, традиций и обычаев. По прежнему очень действенным механизмом является "телефонное право". Суды фактически зависят от исполнительной власти и о независимом суде не может быть речи. Еще в более невыгодном положении находятся сотрудники полиции и прокуратуры. Они получают мизерную зарплату, не защищены от произвола.

Отношение к праву и закону зависит и от объективных условий жизни. Не секрет, что в Армении значительно ограничены законные способы удовлетворения потребностей. Мизерная зарплата, безработица, нехватка рабочих мест привели к тому, что у армянина сформировалось стойкое убеждение—законными способами невозможно прожить. И это в подавляющем большинстве случаев горькая правда. Дошло до того, что многие стали считать получение взятки крайней необходимостью.

Для формирования ценностно-нормативной системы общества огромное значение имеют искусство, спорт, образование. Но и в этих областях в нашем обществе не все благополучно. Из-за экономических трудностей с 1997г. до 2001г. вдвое сократилось число библиотек и почти столько же число читающих, уменьшилось число лиц, посещающих театры и музеи. Кино, телевидение насыщены низкопробной западной продукцией. За некоторым исключением, за последнее десятилетие низким профессиональным, художественным и духовным уровнем отличается также армянское кино, музыка и художественная литература. Уличный жаргон, секс, насилие, образы криминальных авторитетов, разборки, супружеская неверность, свободная любовь—вот чем насыщено армянское телевидение. Конечно, есть и серьезные, высококачественные образовательные и развлекательные программы, но они невостребованы большинством.

В области образования также не все благополучно. Хотя по числу вузов и школ Армения может опережать даже развитые западные страны, однако их техническое и материальное состояние в подавляющем большинстве случаев плачевное. Особенно это касается школ. Но дело даже ни в этом. Для подавляющего большинства учащихся и студентов важны не знания, а диплом или аттестат. Все дело в том, что до сих пор на высокооплачиваемую работу или, вернее сказать, на работу, которая даст возможность на высоком уровне обеспечить материальные запро-

сы, особенно в государственном секторе, нужны не знания и профессиональные навыки, а влиятельные знакомые. Этим и обусловлено отсутствие стимула получать образование. Для многих диплом высшего образования нужен лишь для престижа.

Между тем образование и культура расширяют круг интересов, развивают вкус, способность различать красивое и уродливое, прекрасное и безобразное не только в произведениях искусства, но и в окружающих явлениях. При отсутствии заботы о воспитании в людях доброты общество неизбежно пожинает плоды своей собственной слепоты и глухоты, воспроизводя безучастные, равнодушные массы¹.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что два первых компонента социального контроля—задание ценностей и норм, и обеспечение их трансляции, в армянском обществе не может играть анрикrimиногенную роль. Наоборот, есть все основания полагать, что неписанные нормы, традиции и обычаи в армянском обществе имеют более мощное мотивационное значение, чем право и писанные законы, при этом они несут в себе криминогенный потенциал. Государство, в свою очередь, ничего не предпринимает для повышения престижа закона. Как уже отмечалось, реально наше общество управляется не писаными законами, а традициями, обычаями и неписаными нормами поведения. Чего же ожидать, если сами государственные мужи не только в повседневной жизни, но и в работе руководствуются этими нормами. Не зря Президент Армении очень часто в своих выступлениях указывал на то, что надо избавиться от “воровской” идеологии и мышления. “Воровское” мышление в армянском обществе очень распространено. Как ранее уже отмечалось, армянин презирает “стукачество” и поэтому часто не сотрудничает с правоохранительными органами, в армянском обществе нет государственного мышления, интересы семьи, клана превагируют над интересами общества и государства.

На фоне вышеуказанных явлений слабо работает и третий компонент социального контроля—**усвоение и интериоризация ценностей и норм**. Что касается усвоения ценностей и норм, то здесь ситуация более или менее благополучна, особенно если иметь в виду пропаганду

¹ См.: Шестаков Г. Послушайте, мальчики, старого вора // Советский спорт, 1990, 12 декабря.

нормативных актов, прав и свобод человека и деятельности правоохранительных органов. По различным каналам армянского телевидения идут передачи, способствующие правовому образованию населения, в школах с 8-го класса преподаются юридические дисциплины—“Гражданское общество”, “Основы государства и права”, есть передачи, освещающие деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью и защите прав человека, работают юридические консультации, несколько активизировалась деятельность адвокатов. Но знание законов одно дело, а их исполнение и принятие—другое, знание своих прав одно дело, а готовность правовыми средствами защищать эти права—другое. Поэтому в сфере интериоризации ценностей и норм, особенно писаных, дело обстоит хуже. Как уже отмечалось, в повседневной жизни армянского общества превалируют неписанные нормы, обычаи и традиции.

Усвоение и интериоризация ценностей и норм происходит посредством поощрения за их соблюдение или наказанием за их нарушение. Что же происходит в этой сфере? Поощрение за соблюдение ценностей и норм вообще отсутствует. Правомерным способом достижения целей люди дают следующие оценки: ненадежность, неопределенность, длительность пути движения к цели, грубость, затрата неоправданно большого количества энергии, низкие гарантии справедливого результата¹. Что касается морального поощрения, то тут тоже не все благополучно. В армянском обществе не востребованы такие черты человека, как честность, принципиальность, доброта, образованность, законопослушность. Может быть на слове эти качества и ценятся, но в реальной жизни честные, добропорядочные люди считаются “белыми воронами”.

Что касается **наказания**, то в плане контроля над преступностью неформальное наказание могло бы иметь более антикриминогенную роль, чем уголовное. Как уже отмечалось, в армянском обществе все еще сильнее воздействие неформального контроля. Потребность сохранить расположение друзей, семьи, коллег, желание избежать насмешки, стыда, отторжения часто определяют поведение людей в значитель-

но большей степени, чем формальное поощрение или наказание¹. Однако он ограничен семьей, родственниками, соседями и друзьями. При этом в последнее время контроль со стороны родственников и соседей ослабел. Все больше сказывается влияние раскрепощения нравов, анонимности жизни, психологии индивидуализма. Вышеуказанные явления ослабили сдерживающее влияние таких факторов как мнение родственников, семьи, старших. Кроме того, неформальный контроль в Армении имеет антикриминогенное значение только по отношению к насильственным преступлениям, а по отношению к ненасильственным, корыстным преступлениям неформальный контроль не только не имеет никакого значения, но и способствует усвоению и интериоризации потребительской психологии, противоправных способов достижения корыстных целей.

Как же обстоят дела в области **уголовного наказания**. Есть все основания полагать, что уголовное наказание не выполняет своих функций. Причем данная проблема касается не только Армении. Кризис наказания проявляется в том, что оно практически не достигает целей, провозглашенных в уголовных кодексах. В УК РА сформулированы следующие цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений. Может быть более или менее реально осуществление цели восстановления социальной справедливости, воздаяния за совершенное зло. Но и это не абсолютно. Во-первых, уголовное наказание не может на 100% восстановить справедливость, особенно при насильственных преступлениях. Да и при корыстных преступлениях не всегда удается полностью компенсировать вред, нанесенный обществу и индивиду. Во-вторых, само наказание не всегда справедливо. Практика назначения наказания показывает, что преступники либо ускользают от строгого, но справедливого наказания, либо назначается необоснованно мягкое наказание, либо наоборот—необоснованно строгое наказание. Это в основном зависит от следующих факторов: коррупции в суде, неправильной квалификации преступлений. По нашим данным, около 89% осужденных за должностные преступления считали приговор несправедливым. Между

¹См.: Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996.

¹ См.: Гидденс Э. Социология. М., 1999, с. 121.

тем, несправедливый приговор препятствует осуществлению другой цели наказания—исправлению осужденного.

Цель исправления осужденного не осуществляется не только из-за несправедливого приговора, но и из-за условий исполнения наказания, особенно в виде лишения свободы. О губительном влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных писалось много¹. То, что наказание в виде лишения свободы не исправляет, доказывается и уровнем рецидива. Например, в России уровень рецидива в советский и постсоветский периоды составлял 20-28%², в Армении же в советские времена он составил 9-10%, а в последние годы—14-19%. И хотя в отдельных исправительных учреждениях Армении за последние годы наметилась тенденция к улучшению бытовых условий осужденных, тем не менее это не меняет суть проблемы. Тюремная субкультура оказывает разрушительное влияние на осужденных. Не зря тюрьмы называют "фабриками" по производству преступников. И чем больше людей мы отправим в тюрьмы, тем хуже станет с криминологической обстановкой в стране. Поэтому немаловажное значение имеет ресоциализация осужденных к лишению свободы. Однако армянское общество не располагает ни экономическими, ни организационными, ни правовыми средствами для выполнения данной задачи.

Что же происходит в Армении? В настоящее время проблема исправления преступников пущена на самотек. Она решается силами персонала, реализующего наказание в местах лишения свободы. О его профессиональной подготовленности говорить не приходится. По сути их функция сводится к надзору за осужденными. Ни о какой трудовой или образовательной программе речи быть не может. Отсутствует и квалифицированная психологическая служба. Из-за материальных трудностей ослабла связь с внешним миром. Хотя новый Уголовно-исполнительный кодекс Армении воспринял основные принципы обращения с осужденными, предусмотренные в международно-правовых актах, законодательно закрепил правовой статус осужденных, сделал исправительную систему более открытой для общества, однако практи-

ка исполнения наказания в виде лишения свободы существенно не изменилась.

Еще более драматична ситуация после освобождения. Бывших осужденных ожидают многочисленные испытания в области трудоустройства, решения жилищных проблем и т. д. Не лучше обстоит дело и в области надзора за бывшими осужденными. Практически никакой работы с ними не проводится. Бывший заключенный может годами не регистрироваться, а об этом никто и не узнает. Сохранился институт административного надзора, но за нарушения его правил предусмотрена лишь административная ответственность со смехотворной санкцией. Еще хуже обстоят дела в области условно-досрочного освобождения. Во-первых, коррупция в этой области достигла небывалых масштабов. Практически каждый заключенный вынужден дать взятку за условно-досрочное освобождение. Во-вторых, институт условно-досрочного освобождения применяется не на основании реального поведения осужденного, которое свидетельствовало бы о его исправлении, а опять-таки на основе коррупции. Достаточно, чтобы истек обязательный срок наказания, предусмотренный УК, и осужденный освобождается, если подкупает соответствующих должностных лиц. Очевидно, что такое положение дел формирует чувство безнаказанности.

Уголовное наказание не справляется с ростом преступности и не играет сколько-нибудь существенную предупредительную роль (общая превенция). Доказательством является рост преступности во всем мире. Конечно, тут немаловажную роль играет и латентность преступности, что не позволяет реализовать принцип неотвратимости ответственности. Однако надо учесть, что латентность преступности столь же вечное явление, что и преступность. Поэтому принцип неотвратимости уголовной ответственности никогда не может быть полностью реализован, поэтому страх перед наказанием не играет существенную мотивирующую роль. Но все же нельзя полностью исключить роль уголовного наказания в деле контроля над преступностью. Криминологические исследования показывают, что среди так называемых законопослушных граждан достаточно большой процент составляют те, которые удерживаются от совершения преступлений под влиянием страха перед наказанием. По некоторым данным, они состав-

¹ См.: Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991

² См.: Гилянский Я. Девиантология. СПб., 2004, с. 426.

ляют от 19,6% до 20%¹, а по другим—еще больше. Кроме этого, продуманная политика в области уголовного наказания может играть немаловажную антикриминальную роль.

В связи с этим важным показателем уровня контроля над преступностью является соотношение выявленной преступности, раскрываемости, выявленных правонарушителей и судимости. Эти показатели демонстрируют уровень эффективности работы правоохранительных органов и правосудия, уровень их профессионализма, законность деятельности, особенности уголовной политики.

Таблица 14

(соотношение выявленной преступности, преступников, судимости и раскрываемости преступлений в РА)

годы	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
преступность	13061	9923	10140	12479	12355	10761	10056	12050	11483	12074	11073	10083
доля выяв. преступников по отношению к преступности в %				66,8	79,7	79,3	78	67,2	72,1	62,3	60	67,9
судимость по отношению к преступности в %	49,1	71,1	61,8	54,2	57,3	59,8	65	56,3	47,8	39,9	41,2	43,1
лишение свободы в %	52,4	*	*	54,7	49,8	45,7	45,8	42,2	39,6	38,9	37,7	42,9
раскрываемость в %	50,5	71,8	80,2	68,7	84,8	85,1	83,4	83,8	84,6	84,2	82,7	84,7

¹ См.: Палубинская С.В. Общее предупреждение: эмпирические исследования. /Криминология, уголовное право и прокурорский надзор// Сборник научных трудов молодых ученых. М., 1990, с.9.

Начнем анализ с уровня выявленных лиц. Сравнительный анализ тенденции соотношения зарегистрированной преступности и выявленных лиц по некоторым странам привели профессора В.В. Лунеева к выводу, что чем ближе та или иная страна к демократическому развитию, тем меньше выявляется правонарушителей на то или иное число учтенных преступлений. Такое положение автор связывает с большими трудностями доказывания вины в условиях свободы, а также с более полной регистрацией преступлений в открытых обществах¹.

Если сравнивать показатели Армении с другими странами, то окажется, что они приближаются к показателям России 1983-1988гг.—в 2-3 раза больше, чем показатели таких стран, как Япония (25,3), Австралия (31,3), Сингапур (35,7), и почти на столько же меньше, чем в Республике Корея (103,8) и Индии (122,6)². Можно предположить, что Армения занимает промежуточное положение между странами с развитой демократией и тоталитарными государствами. Начиная с 1999г., в Армении уровень установленных лиц уменьшается. Если сравнивать данные установленных лиц с 80-ми годами и началом 90-ых годов прошлого столетия, то окажется, что по мере ослабления коммунистического режима эти показатели снижаются еще заметнее. Так, в 1987г. доля установленных лиц по отношению к преступности составила 99,7%, в 1988г.—81,3%, в 1989г.—74,9%, в 1990г.—47,3%, в 1991г.—42,3%, в 1992г.—41,9%, в 1993г.—42,1%. Оказали ли демократические перемены какое-либо влияние на деятельность правоохранительных органов в Армении, или же наблюдаемая картина—результат латентизации преступности, коррупции в правоохранительных органах, низкого уровня их профессионализма и малоэффективности работы? В конце 80-х начале 90-х годов тенденция уменьшения уровня установленных лиц и раскрываемости, на мой взгляд, имела больше объективных причин, чем сейчас. Тогда, в период разгара армяно-азербайджанского конфликта, уровень правового беспредела в Армении был выше, чем в других странах СНГ. Кроме того, как и в других бывших коммунистических странах, в Армении в начале 90-ых годов произошла так

¹ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005, Изд. 2-е, переработанное и дополненное. с. 782.

² Данные приводятся по: Лунеева В.В. Указ. соч.

называемая чистка правоохранительных органов. Многие опытные специалисты по политическим соображениям были исключены из правоохранительных органов. Существенную роль сыграл и небывалый рост преступности за достаточно короткий промежуток времени. Правоохранительные органы Армении попросту не были готовы в сложившихся условиях эффективно выполнять свои функции. Немаловажное значение имело и то, что в преступную деятельность были вовлечены многие представители пришедших к власти различных политических партий, военизированных отрядов, пользующихся покровительством властей, а также бандитские группировки, действовавшие под видом отрядов самообороны Арцаха. Поэтому можно констатировать, что в этот период правоохранительная система была просто парализована. Достаточно сказать, что за девять месяцев 1992г. в производстве органов предварительного следствия было 11542 дело, а в суд было отправлено всего 2069. За этот же период было завершено 8438 дел, из которых 5832 (70%) было приостановлено из-за невыявления преступника¹. Ни о каких демократических тенденциях речи быть не может.

В дальнейшем ситуация стабилизировалась и многие факторы ныне уже не имеют значение.

В 1998г. был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс РА с наиболее демократическими нормами, усиливающими защиту прав человека, что затрудняло доказывание вины. По таблице 14 видно, что уровень выявленных лиц начинает снижаться с 1999г., после года действия нового УК РА. Однако есть все основания полагать, что и сейчас на уровень выявленных лиц существенным образом влияет не демократизация правосудия, а низкий уровень профессионализма, равнодушие, коррупция, латентность. Надо сказать, что демократизация законодательства, в том числе уголовно-процессуального, мало влияло на способы и методы действия правоохранительных органов: особых трудностей доказывания вины они не испытывают. Я подчеркиваю слово “особых”, потому что все-таки суды стали более требовательными к качеству предварительного расследования. Но правоохранительные органы и суды в основном связаны круговой порукой. Не случай-

¹ См.: Авакян Р.З. За законность. Ереван, 2002, с. 193(на арм. языке).

но, что максимальное число оправданных, зарегистрированное в 2003г. составило всего лишь 4 человека (0,08%).

То, что на уровень установленных лиц влияет латентность преступности, не вызывает сомнения. О все большей латентизации преступности в Армении я уже говорил. Поэтому уровень установленных лиц прямо пропорционально коррелирует с уровнем раскрываемости, а последний обратно пропорционален числу зарегистрированных преступлений. Как видно из таблицы, чем больше установленных лиц, тем больше уровень раскрываемости. И наоборот, как правило, чем больше зарегистрировано преступлений, тем меньше уровень раскрываемости.

О состоянии контроля над преступностью, об эффективности, законности, демократичности и гуманности правоохранительной деятельности более точно можно судить по соотношению преступности, выявленных преступников и судимости. Как справедливо отмечает В.В. Лунеев, чем меньше лиц из числа выявленных правонарушителей осуждается к реальному уголовному наказанию, особенно к лишению свободы, тем гуманнее и индивидуализированнее правосудие. И наоборот, чем больше лиц из числа фактически совершивших преступления будет привлечено к уголовной ответственности и осуждено, тем результативнее работает система уголовной юстиции. Далее автор пишет, что гуманность и эффективность не совсем согласуются между собой и найти золотую середину между ними не просто¹.

Проанализируем соотношение преступности, выявленных лиц и судимости в Армении. Как видно из таблицы, за последние годы уровень судимости по отношению и к преступности, и к выявленным преступникам уменьшается. Самый большой процент судимости по отношению к преступности зафиксирован в 1994г.–71,1%, что на 22% выше, чем в 1993г., а по сравнению с 1990-1992гг.–на 28,3%. Это можно объяснить тем, что уровень преступности с 1993г. начал снижаться, а раскрываемость значительно улучшилась. Тогда это было объективной реальностью. Из-за некоторой стабилизации социально-экономической и политической ситуации, как ранее уже отмечалось, уровень преступности действительно снизился. Естественно, вырос уровень

¹ См.: Лунеев В. В. Указ. соч. с. 789.

раскрываемости. В дальнейшем уровень судимости постепенно, но стойко уменьшается. В 2004г. по сравнению с 1994г. он ниже на 30%. При этом наблюдается некоторая корреляция между судимостью, преступностью и раскрываемостью: чем выше раскрываемость и ниже уровень преступности, тем больше доля судимости. Исключение составляет лишь 2001г., когда по сравнению с 2000г. уровень преступности ниже, раскрываемость выше, но доля судимости уменьшается.

Важным показателем уровня контроля над преступностью является разница между судимостью по отношению к преступлениям и к преступникам. За последние годы она увеличивается и равняется 14,6% в 1997г., до 27,5% в 2000г. и в 2003г. Если сравнить эти показатели с показателями России за аналогичный период (1996–2003гг.), то можно констатировать почти аналогичную тенденцию. В то же время в России разница между судимостью по отношению к преступлениям и к преступникам больше, чем в Армении и составляет от 26,3% в 1996г. до 34,5% (самый высокий показатель) в 2003г. Отчасти это можно объяснить большей демократичностью и независимостью российских судов по сравнению с судами Армении. Одним из показателей, подтверждающих этот вывод, является доля оправданных в структуре осужденных. Так, в России она в последние годы составила 0,7–0,8%, а в Армении–0,08%. Другим фактором может быть некавалифицированное предварительное расследование в Армении. В 2004г. судами на дополнительное расследование было направлено на 58% больше дел, чем в 2003г. Соответственно, в 2004г. уровень судимости по отношению к выявленным преступникам был на 5,2% меньше, чем в 2003г. На уменьшение уровня судимости по отношению к выявленным преступникам влияет и уровень раскрываемости тех преступлений, при совершении которых осуждение более вероятно. Так, в 2004г. по сравнению с 2003г. на 3% сократилась раскрываемость убийств, на 20%–изнасилований, на 6%–разбоя, по сравнению с 2001г. на 5,4% сократилась раскрываемость тяжких телесных повреждений, на 3%–ДТП со смертельным исходом.

Тенденция уменьшения доли судимости по отношению к преступности и еще более к преступникам в Армении свидетельствует не столько о демократизации и гуманизации уголовной юстиции, сколько о латентизации преступности, снижении эффективности работы пра-

воохранительных органов и суда из-за коррупции, безразличия, снижения уровня профессиональной подготовленности. Об этом свидетельствуют не только приведенные факты, но и данные о приостановлении и прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Так, в 2000г. из-за неустановления лица, совершившего преступление, было приостановлено 19,8% уголовных дел, а из-за того, что лицо скрылось от следствия или суда–26,1%, в 2001г., соответственно–22,9% и 25,1%. О серьезных упущениях на стадии предварительного расследования постоянно говорится на заседаниях коллегии Генеральной прокуратуры РА. Отмечается, что не единичны случаи необоснованного приостановления и прекращения уголовных дел, некавалифицированного и неполного расследования, необоснованного отказа от возбуждения уголовного дела, непроведения неотложных следственных действий и т. д.¹

Важным показателем контроля над преступностью, особенностей работы судов и уголовной политики является динамика уголовных наказаний.

Из приведенной таблицы видно снижение доли лишения свободы. Одновременно растет доля штрафа–от 12,3% в 1997г. до 23,5% в 2004г., и доля условного осуждения–от 0,2% в 1997г. до 17,9% в 2004г.

Можно полагать, что в Армении идет процесс движения системы уголовной юстиции к более гуманному и демократическому правосудию. Однако это заключение не может быть абсолютным. Снижение доли лишения свободы наметилось и с 1981г. до 1990г. Так, если в 1981г. к лишению свободы было приговорено 48,6% осужденных, то в 1990г.–26,3%. Однако эта тенденция скорее всего была вызвана не гуманизацией и сознательным выбором такой политики, а теми факторами, о которых я уже говорил. Кроме того, есть основания полагать, что ныне это происходит и за счет коррупции в судах. Тем более очевиден этот факт потому, что в нашем обществе, в том числе среди судей, доминирует идея эффективности строгого наказания.

Если проанализировать состав осужденных, то окажется, что год от года увеличивается удельный вес лиц с непогашенной судимостью–с 9,1% в 1996г. до 19,6% в 2004г. Такая ситуация свидетельствует по

¹Из материалов заседания коллегии Ген. прокуратуры РА от 18. 02. 05.

меньшей мере о двух явлениях. Во-первых, больше всего осуждаются лица со стойкой антисоциальной направленностью, без особого рода занятия, не работающие и не учащиеся, т.е. те, которые в силу своих материальных возможностей, умственных и иных особенностей не могут увернуться от правосудия. Это косвенно свидетельствует о коррупции в судах. Во-вторых, армянское общество и государство не располагают достаточными средствами ресоциализации осужденных.

Увеличение доли рецидивистов в составе осужденных отрицательно сказывается на процессе исполнения наказания. Об этом свидетельствуют данные о совершении преступления после первого года освобождения от наказания и лицами, досрочно освобожденными от наказания. Так, в 2004г. доля лиц, совершивших преступления после первого года освобождения от наказания в виде лишения свободы, в общем массиве лиц, освобожденных от наказания составила 20,1%, а доля лиц, совершивших преступление после досрочного освобождения, в общем массиве лиц, досрочно освобожденных, составила 10,6%.

Несмотря на то, что в Армении в составе осужденных постепенно сокращается доля лиц, приговоренных к лишению свободы, она по-прежнему выше, чем в европейских странах и приближается к российским показателям, хотя и несколько опережает их. Для сравнения приведем некоторые цифры. В Германии в середине 90-х годов доля приговоренных к лишению свободы составила 11,5%, в Японии в течение 1978-1982гг.—3,5%, в Англии и Уэльсе, а также в Швеции—около 20%, в России в 2001г.—39,5% (1988-1995гг.—от 30 до 39,5%).

Низкая доля приговоренных к лишению свободы в европейских и некоторых других странах не случайность, а вполне продуманная политика, ибо в результате этого не происходит стигматизация лиц, совершивших преступление, как преступников. Смягчаются сложности ресоциализации преступников после их чрезмерной изоляции от общества и таким образом вносится значительный вклад в предупреждение рецидива¹. Некоторые криминологические исследования доказывают, что применение альтернативных мер гораздо эффективнее с точ-

¹ См.: Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989, с. 96, 176-177.

ки зрения предупреждения рецидива¹ (хотя есть исследования подтверждающие, что это не всегда так)².

Однако, на мой взгляд, для таких государств, как Армения, где общество и государство не располагают иными эффективными средствами контроля над преступностью, где нет ни экономических, ни социальных, ни правовых и социально-психологических предпосылок обеспечения ресоциализации осужденных, где альтернативные лишения свободы меры применяются в основном на коррупционной основе, где штраф из-за неплатежеспособности населения либо не применяется, либо при применении не исполняется, а из-за ничтожных размеров (минимальный размер штрафа по УК РА равняется 50, а максимальный—2000 долларам США) не имеет сколько-нибудь предупредительной роли, уменьшение доли лишения свободы, как и судимости, может свидетельствовать лишь о снижении эффективности контроля над преступностью, может формировать атмосферу безнаказанности и способствовать дальнейшему росту как первичной, так и рецидивной преступности.

Наконец, в деле контроля над преступностью особое место занимает **предупреждение преступности**. Предупреждение преступности—составная часть контроля над преступностью. Именно контроля, а не борьбы с преступностью, как полагают некоторые криминологи³. Борьба—это всегда противостояние противоположных интересов, цель которой—господство одних над другими⁴. Но кто над кем будет господствовать в этой борьбе? Законопослушные граждане над преступниками? Общество или государство над преступниками? Но кто такие законопослушные граждане? Кто такие преступники? Ведь как уже отмечалось, подавляющее большинство людей либо совершают преступле-

¹ См.: Marya-Liza Muiluvuori Recidivism among people sentenced to community service in Finland. Journal of Scandinavian studies in criminology and crime prevention., vol 2, N1, 2001, p. 72-81.

² См.: Kathryn D. Morgan Factors influencing probation outcome: a review of the literature. Federal probation. Vol. 57.

³ См.: Карпец И.И. Проблема преступности., М., 1969, с. 149, Криминология: Учебник для юридических вузов / Под общей ред. д-ра юр. наук, проф. А. И. Долговой. М., 1999, с. 209.

⁴ См.: Литвинов А.Н. Предупреждение преступлений и правонарушений. М., 2004.

ние, либо готовы его совершить. Имеют ли государство и общество моральное право “бороться” с преступниками и господствовать над ними? Ведь именно общество и государство виновны в происходящих в обществе криминогенных процессах. Если и говорить о борьбе, то, на мой взгляд, нужно говорить о борьбе против нас самих. Каждый должен бороться против самого себя, против таких своих качеств, которые приводят к совершению безнравственных, противоправных поступков. А преступник—это член нашего общества, с такими же потребностями, целями и интересами, как большинство из нас. Поэтому предупреждение преступности должно быть направлено не “против кого-то или чего-то”, а “за то”,—чтобы смягчить или, если это возможно, нейтрализовать влияние криминогенных факторов с тем, чтобы минимизировать преступность, удержать ее на допустимом уровне, за то, чтобы изменить структуру преступности, сделать ее гуманной и менее общественно опасной, чтобы не допустить совершение конкретного преступления конкретным лицом.

В криминологической литературе есть множество определений предупреждения преступности. По мнению Г.А. Аванесова, понятие “предупреждение преступления” означает “исторически сложившуюся систему объективных предпосылок ликвидации преступности, а также комплекс государственных и общественных мер, направленных на искоренение данного явления, причин и условий, его порождающих”¹.

Другие считают предупреждение преступности социальным процессом, снижающим, ограничивающим, ликвидирующим явления, порождающие преступность².

В вышеуказанных определениях вызывает сомнение употребление термина “ликвидация”. Ликвидировать явления, порождающие преступность, или ликвидировать преступность невозможно. Во-первых, нет одного единичного явления, порождающего преступность. Преступность зависит от сложного переплетения многих явлений. Во-вторых, преступность порождается не самими явлениями, а теми про-

тиворечиями, которые имеются между разнообразными явлениями и в самих явлениях. При этом криминогенную нагрузку могут иметь и положительные для данного общества явления, порождающие определенные противоречия (например, переход к рыночной экономике с экономической точки зрения благо, а с криминологической нет). Ликвидировать противоречия невозможно, а ликвидировать положительные для общества явления нецелесообразно. В-третьих, в основе преступного поведения лежит биопсихологическая готовность человека к такому поведению, что также невозможно ликвидировать. Поэтому общество не в силах искоренить преступность, но в состоянии удерживать ее на социально терпимом уровне¹.

Реально, что может сделать общество,—это смягчить противоречия, уменьшить их влияние, создать благоприятную ситуацию для повышения уровня культуры с тем, чтобы нейтрализовать влияние биопсихологических факторов преступности.

Поэтому предупреждение преступности—это комплекс мероприятий осуществляемых государством и обществом, воздействующих на криминогенные факторы с целью минимизирования преступности, уменьшения его общественной опасности или удержания на допустимом уровне.

В криминологической литературе меры предупреждения преступности классифицируются по нескольким критериям.

По уровню обычно выделяются общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения преступности.

Общесоциальные меры предупреждения преступности реализуют антикриминальный потенциал общества в целом, всех его институтов². Функции общесоциальной профилактики последовательно осуществляются прогрессивным развитием общества. Она связана с наиболее продолжительными и масштабными видами деятельности, значительными мерами развития экономики, обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан, укрепления культуры, морали и законности,

¹ См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980, с. 406.

² См.: Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений—основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964.

¹ См.: Лунеев В.В. Преступная мифология. Что скрывалось под покровом секретности // Известия, 1991, 15 апр.

² См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001, с. 26.

социальной защищенности населения¹. Эти меры прямо не направлены на предупреждение преступности и устранение ее детерминант, но имеют антикриминальный потенциал. Например, развитие экономики может способствовать уменьшению силы действий таких криминогенных факторов, как бедность, социально-экономическое расслоение, безработица, бытовая необустроенность. Развитие и внедрение демократических традиций может способствовать укреплению законности, повышению уровня правосознания населения и т. д.

Специально-криминологические мероприятия разрабатываются и осуществляются применительно к разным видам преступлений и типам преступного поведения, к различным сферам общественной жизни, социальным группам, отраслям хозяйства. Профилактика на специально-криминологическом уровне органично дополняет и конкретизирует общесоциальную. Меры специально-криминологической профилактики строго целенаправлены, специализированы. В сущности, лишь один этот признак – целенаправленность, имеет в известном смысле абсолютное значение, играет роль качественного критерия для разграничения общесоциальной и специально-криминологической профилактики². Поэтому при анализе профилактических мер я не буду их строго разграничивать.

Надо заметить, что прогрессивное развитие общества само по себе противоречиво и может приводить не только к положительным, но и отрицательным последствиям. Так, внедрение современных технологий в производство может привести к безработице, росту неосторожных преступлений в связи с эксплуатацией сложной техники и т. д. Развитие демократии, свобода слова, плюрализм могут продуцировать культурный, религиозный, политический конфликт. Поддержка малоимущих граждан различного рода пособиями может сформировать иждивенческую психологию, нежелание трудиться. Обилие товаров и услуг при дефиците денег может актуализировать материальные потребности и сформировать мотивацию корыстных преступлений и т. д.

¹ См.: Литвинов А.И. Предупреждение преступлений и правонарушений. М., 2004, с. 14.

² См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А. Я. Указ. соч. с. 31.

В условиях переходного периода противоречивость прогрессивного развития общества наиболее ощутима. В литературе справедливо отмечается, что специфика переходного периода такова, что в различных сферах социальной жизни более заметны диспропорции, разнообразные кризисные явления, интенсивно воспроизводящие преступность, нежели факторы позитивного характера, изначально, по своей антикриминальной сути противостоящей ей¹.

Сказанное вполне относится и к Армении.

Переход к рыночной экономике, многообразию форм собственности, радикальная реформа хозяйственного механизма направлены на повышение эффективности производства, стимулирование деловой активности и инициативности людей, их заинтересованности в результатах труда, обеспечение социальной защищенности различных слоев населения, в конечном счете к материальному благосостоянию. Но к чему фактически привели эти меры в Армении уже известно. Предпринимаются ли государством меры по преодолению бедности и безработицы, социально-экономического расслоения, перестройке клановой экономики? Сказать, что ничего не предпринимается, было бы несправедливо. Как уже отмечалось, принята “Стратегическая программа по преодолению бедности”, действует “Закон о занятости”, направленный на защиту безработных. Но в условиях клановой экономики, несостоявшегося среднего бизнеса, необоснованного налогового законодательства эти законы в основном остаются только на бумаге.

Формирование и развитие демократических традиций, свобода слова, гласность направлены на обеспечение прав и свобод граждан, стимулирование их политической активности. Однако при ослаблении государственного и социального контроля эти меры привели к беспределу во всех областях жизнедеятельности. Я уже привел данные о криминогенном воздействии СМИ. Надо заметить, что пресса и телевидение немало сделали для криминализации общественного сознания и просвещения потенциальных и действующих преступников. И дело не только в насыщении эфира насилием и сексом, но и в том, что воспеваемые СМИ раскованность и свободомыслие, оборачивающиеся на самом деле вседозволенностью, культ героя-одиночки, который бро-

¹ См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И. Сухарев А. Я. Указ. соч. с. 27.

сает вызов обществу и оказывается куда красивее и обаятельнее законопослушных обывателей, –далеко не лучшие нравственные ориентиры в реальной повседневности, особенно в нынешнее время¹. Тревожно и то, что во многих произведениях бандиты, “воры в законе”, насильники представляются даже если не как положительные герои, то по крайней мере вызывающие сочувствие или симпатию. В очень многих произведениях восхваляется романтика воровской жизни, показывается сила, власть преступников, что имеет существенное значение для формирования воровской морали и мышления у многих членов общества. Между тем в Армении ничего не предпринимается для осуществления хоть какой-нибудь цензуры в этой области. Ведь гласность и свобода слова не должны означать вседозволенность.

Предполагалось, что в плане преодоления криминогенных факторов, действующих в духовно-нравственной сфере, большое значение могут иметь устранение идеологического диктата, формирование объединяющей общество национальной идеи, возрождение лучших народных традиций, сохранение национальной культуры. Но и в этой сфере не все однозначно. Устранение идеологического диктата способствует прогрессивному развитию общества. Однако идеологический плюрализм таит в себе угрозу возникновения конфликтов, появления и распространения чужденонравственных, опасных религиозных и иных сект и т. д. Кроме того, плюрализм в переходные периоды, в состоянии аномии, распада ценностно-нормативной системы, падения нравственности и культ материальных ценностей таит в себе угрозу атомизирования общества. Достаточно сказать, что в Армении сейчас существуют более 4000 общественных и политических организаций.

В условиях глобализации укрепление национальной идеологии и национальная культура также могут стать источником конфликтов. Например, Армения вошла в Совет Европы и ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав и основных свобод человека. В связи с этим сейчас в Армении остро стоит проблема сексуальных меньшинств. Армянский менталитет не терпит проявления гомосексуализма, были случаи избиения гомосексуалистов.

¹ См.: Карпец И.И. Преступность как реальность // Вопросы философии, 1989, N 5, с. 95.

В связи с демократизацией и вступлением в Совет Европы права и свободы человека были провозглашены наивысшей ценностью. Оставим в стороне проблему реализации этого принципа в жизни. Как уже говорилось, правовой беспредел в армянском обществе норма, а не исключение. Проблема не только в этом. Другой важной проблемой является обеспечение гармонии между правами личности, ее интересами и интересами общества. Надо сказать, что по-видимому никакому государству еще не удавалось сделать это. Особенно остро стоит данная проблема в области уголовного права и процесса. В Армении приняты новые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. При этом законодатель постарался приблизить их к нормам Европейской Конвенции. Однако и здесь не обошлось без перегибов. Оставим вопрос о смертной казни. В УК РА она отменена и надо сказать, что это само по себе не привело к ухудшению криминальной обстановки в стране. Еще до отмены она с 1991г. фактически не применялась. Если проследить динамику убийств в Армении за этот период, то окажется, что их удельный вес в структуре преступности сократился с 2,9% в 1990г. до 1,1% в 2004г. Снизился уровень убийств и по абсолютным показателям. Даже с учетом латентности можно констатировать, что отмена смертной казни никак не повлияла на их динамику. На мой взгляд, предупредительный эффект смертной казни может быть наиболее высок в преступлениях с так называемой “рациональной” мотивацией (экономические преступления, коррупционные преступления). Но смертная казнь за эти преступления в XXI веке немыслима для демократического общества. Поэтому возлагать надежды на смертную казнь, как средство контроля над преступностью не имеет смысла.

Другой важной проблемой стал вопрос о конфискации имущества, как дополнительного наказания. Некоторые криминалисты полагали, что этот вид наказания противоречит нормам Европейской Конвенции, точнее–статье 1 Протокола 1, которая защищает право собственности, и что надо исключить конфискацию из системы наказания.

Статья 1 Протокола 1 гласит: “Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущее положение ни в кой мере не ущемляет права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или для сборов или штрафов”.

Второе и третье предложения статьи устанавливают, соответственно условия лишения имущества и контроля за использованием собственности. Однако надо иметь в виду, что вторая и третья нормы касаются конкретных случаев вмешательства в право свободно пользоваться имуществом и поэтому должны рассматриваться в свете общего принципа, провозглашенного в первом предложении. Поэтому, хотя пункт второй статьи 1 устанавливает, что законы, которые государство считает необходимыми для контроля за использованием собственности в соответствии с интересами общества, не нарушают положений данной статьи, однако надо учитывать два обстоятельства:

1) преследует ли законодательство законную цель обеспечения общих интересов?

2) является ли функционирование этого законодательства и осуществляемый таким образом контроль соразмерным преследуемой законной цели.

Важно, чтобы меры, предусмотренные законом или принимаемые правительством, обеспечили справедливый баланс между интересами общества и интересами собственника.

В связи с вышеуказанными разъяснениями Европейского суда возникают сомнения, что норма о конфискации имущества, в том виде, в котором она существовала в УК РА 1961 г., не соответствовала положениям конвенции. Дело в том, что эта норма допускала возможность конфискации всего имущества осужденного, не связывая размер конфискации с размером того вреда, который был причинен преступлением, а также с размером той выгоды, которую лицо получило преступным путем. Такое положение действительно противоречило статье 1 Протокола 1 и Конвенции в целом в смысле обеспечения соразмерного и справедливого баланса между общими и частными интересами. Однако сказанное не означает, что конфискации имущества, как вид дополнительного наказания, сама по себе противоречит положениям Конвенции. Конфискация имущества является действенным и

эффективным средством контроля над преступностью, особенно корыстной, экономической. Наказание должно не только создавать условия, при которых совершение преступлений было бы невыгодным с экономической точки зрения, но и сделать так, чтобы расплата за преступления была бы выгодна государству и потерпевшим. Давно пора дать в руки Феиды калькулятор для того, чтобы скрупулезно и педантично высчитывать экономический ущерб, нанесенный преступником и, исходя из этого, определять наказание¹.

Сказанное весьма актуально для Армении. Состояние восстановления вреда, причиненного государству преступлениями в Армении, катастрофическое. Так, в течение 1999г. вред, нанесенный хищениями государственного имущества, был восстановлен лишь на 46,1%; налоговыми преступлениями—на 14,9%. В течение 2000г. вред, нанесенный кражами, был восстановлен лишь на 16,4%, хищениями гос. имущества—на 27,1%. Между тем в санкциях многих статей, предусматривающих ответственность за корыстные преступления, конфискация не предусмотрена, что, на мой взгляд, является пробелом закона. Так, этот вид наказания не предусмотрен за такие преступления, как торговля людьми, кража с отягчающими обстоятельствами, мошенничество с отягчающими обстоятельствами, незаконное предпринимательство, лжепредпринимательство, незаконное изготовление оружия, организация проституции, распространение порнографических материалов и предметов, содержание и организация притонов для употребления наркотических или психотропных веществ, незаконное занятие частной медицинской практикой, изготовление или сбыт фальшивых лекарств, злоупотребление должностными полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности и т.д.

Поэтому проблема не в конфискации самой по себе, а в законодательном определении границ ее применения.

Благо армянский законодатель не поддавался влиянию вышеуказанных криминалистов и не исключил конфискацию имущества из системы наказания. В то же время в действующем УК РА этот вид наказания определен таким образом, что исключает противоречия с Европейской

¹ См.: Проблемы борьбы с организованной преступностью: Сборник научных трудов., М. 1990, с. 386.

Конвенцией. Согласно части второй статьи 52 УК РА: “Размер конфискации имущества определяется с учетом размера имущественного вреда, причиненного преступлением, и размером имущества, добытого преступным путем. Размер конфискации не может превышать размер имущественного вреда, причиненного преступлением, и размер имущественной выгоды, полученной преступным путем”.

Что касается уголовно-процессуальных средств контроля над преступностью, то здесь тоже не все однозначно. В связи с демократизацией общества, провозглашением прав и свобод человека наивысшей ценностью, реформировались вся судебная система и уголовно-процессуальный кодекс. Однако во главе угла как будто ставилась цель защиты прав только подозреваемого, обвиняемого, осужденного, а права и интересы потерпевшего и общества в целом предали забвению. Приведем некоторые примеры. УПК РА предусматривает судебный контроль за такой мерой пресечения, как арест. В стадии предварительного расследования эта мера пресечения применяется только решением суда по ходатайству прокурора или следователя. В юридической литературе такая позиция законодателя обоснованно критиковалась на том основании, что при этом теряется оперативность принятия решений, увеличивается возможность утраты доказательств и разглашения данных предварительного расследования¹.

Другой пример. Срок задержания подозреваемого по УПК РА 72 часа. Раньше этот срок равнялся 96 часам. По истечении срока, если лицу не предъявлено обвинение, он должен быть освобожден. При этом в отношении подозреваемого по УПК РА невозможно применить такую меру пресечения, как арест, что создает благоприятные условия для подозреваемого скрыться от правосудия. Но надо отметить, что даже при четырехдневном сроке задержания органы предварительного расследования затруднялись собрать достаточные доказательства для предъявления обвинения. Правда, здесь надо обратить внимание на то обстоятельство, что время задержания отводится не для собирания доказательств, а для их оформления. Однако от сложившейся практики

¹ См.: Казинян Г.С. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля в досудебных стадиях судопроизводства по УПК Республики Армения // Прокурорская и следственная практика, 1999, №3, с. 108-110.

не уйдешь. Так уж сложилось, что часто сначала лицо задерживают, а потом начинают собирать доказательства, необходимые для предъявления обвинения. Уменьшение времени задержания объясняется стремлением обеспечить стандарты Конвенции. Соблюдение требований Европейской Конвенции необходимо, но при этом не надо забывать о закреплении в законе таких норм, которые смогли бы нейтрализовать негативное влияние норм Европейской Конвенции на правоприменительную практику. Например, в УПК РА нет альтернативных мер, обеспечивающих надлежащее и спокойное собирание доказательств. Между тем, например, по УПК РФ, по истечении срока задержания, который, кстати, равняется 48 часам, к подозреваемому, по решению суда, можно применить арест сроком до пяти дней.

Вопиющим примером ущемления прав потерпевшего в УПК РА был тот факт, что до 2004г. он не имел права опротестовать приговор суда в порядке кассации.

По новому УПК РА по всем видам преступлений обязательно предварительное следствие, нет протокольной формы судопроизводства, что отрицательно сказывается на быстроту и эффективность судопроизводства.

Можно было бы продолжить этот перечень. Однако важно выявить суть проблемы. Пытаясь усовершенствовать и демократизировать законодательство, армянский законодатель заимствовал только демократические институты, не задумываясь над тем, чтобы одновременно повысить эффективность закона. Складывается впечатление, что УПК рассматривается как инструмент защиты прав обвиняемого и подозреваемого и забывается, что целью системы уголовной юстиции является контроль над преступностью, а соблюдение прав личности хотя и важное, но только средство достижения этой цели¹.

Как уже отмечалось, в Армении более чем актуальна проблема контроля над “беловоротничковой” преступностью. В этой области формирование соответствующего законодательства также очень важно. Для повышения эффективности контроля над этим видом преступности, или вернее сказать для имитации желания усилить контроль, в

¹ См.: Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России. //Государство и право, 2004, №1, с. 10.

Армении принят ряд законодательных актов. Среди этих актов, непосредственно направленных на борьбу с коррупцией, можно отметить “Закон о декларации имущества и доходов руководящих работников органов власти Армении”, “Закон о государственной службе”, “Закон об административном делопроизводстве и администрировании”, “Закон о государственных закупках”. Однако никакой пользы от этих законов нет. Во-первых, в них много пробелов. Например, в “Законе о декларации имущества и доходов руководящих работников органов власти Армении”, говорится лишь о декларации доходов этой категории лиц и ничего о декларации расходов. Между тем разрыв между декларируемыми доходами и недеклалируемыми расходами достигает многократного размера. Никто ни официально, ни неформально не считал эту разницу, но наличие у руководящих работников органов власти Армении дач, особняков, дорогостоящих машин и т. д. ни у кого не вызывает сомнений. Армения – маленькая страна и тут почти все на виду. Очевидно, что изначальная цель данного закона – контролировать деятельность должностных лиц высшего эшелона власти, сделать ее прозрачной, как и во многих случаях, не достигнута.

Во-вторых, как уже отмечалось, в Армении гораздо действенны неписанные законы, поэтому писанные законы не работают.

Важным средством предупреждения преступности является виктимологическая профилактика. В настоящее время одним из главных направлений развития криминологической науки является виктимология. Во многих государствах ежегодно осуществляются виктимологические исследования, разрабатываются меры, направленные на уменьшение риска стать жертвой преступления, принимаются законы о защите прав жертв преступлений, осуществляются мероприятия и принимаются законы по компенсации материального и морального вреда, причиненного жертве преступления, полиция проходит специальные курсы по различным аспектам виктимологии, почти во всех европейских странах действуют специальные организации по оказанию помощи жертвам преступлений¹. Виктимологические исследования помогают выявить латентную часть некоторых видов преступлений, понять роль

¹ См.: Anna Werges, *Crime victims in the European Union*. Sweden, 1999; Kauko Aromaa, Markku Heiskanen "Crime risks in Finland". Helsinki, 2000

жертвы в механизме преступления, выявить особенности тех лиц и их поведения, которые стали жертвой преступления или проявляют склонность стать таковой. Многочисленные исследования показали, что жертва играет существенную роль в генезисе преступления. Основные понятия виктимологии “виктимность” и “виктимизация”. Под виктимностью на макроуровне понимают определенное массовое явление, адекватное преступности. На индивидуальном уровне виктимность понимается как предрасположенность лица стать жертвой преступления¹. Причем сюда входит и статическая личностная характеристика жертвы, включающая комплекс стабильных типических свойств личности², и особенности поведения жертвы³, и уязвимость лица, зависящая от его статуса и социальной роли⁴.

Под виктимизацией понимается процесс превращения в жертву. При этом различают виктимизацию на макроуровне, т. е. виктимизация общества от преступности, и виктимизацию на индивидуальном уровне, т. е. процесс превращения лица в жертву от преступления⁵. Виктимологическими исследованиями накоплен богатейший эмпирический материал, который может быть использован в профилактических целях. В большинстве стран мира результаты виктимологических исследований довольно успешно используются в этих целях.

Виктимологические исследования направлены на: 1) выявление морально-психологических и социальных характеристик жертв преступлений, с тем, чтобы понять, почему, в силу каких моральных, интеллектуальных, волевых или эмоциональных качеств, какой социальной направленности человек оказался потерпевшим от преступления; 2) выявление отношений, связывающих преступника с жертвой, с тем, чтобы понять, в какой мере эти отношения значимы для создания предпосылок совершения преступления, как они мотивируют

¹ См.: Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33, М., 1980, с. 32-33.

² Там же, с. 32-33.

³ См.: Минская В.С. Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспект виктимологии // Сов. гос. и право, 1985, №7, с. 81.

⁴ См.: Курс советской криминологии. Т. 1., М., 1985, с. 181.

⁵ Там же, с. 182.

действия преступника; 3) выявление ситуаций, которые предшествуют и сопровождают преступление с тем, чтобы понять, каковы мотивы виктимного поведения, как в этих ситуациях во взаимодействии с поведением преступника, криминологически значимо проявляется поведение (действие или бездействие) жертвы; 4) выявление посткриминального поведения жертвы, чтобы ответить на вопрос: что она предпринимает для восстановления своего права, прибегает ли к защите правоохранительных органов, содействует или препятствует им в установлении истины; 5) разработку мероприятий профилактического характера, в которых учитываются и используются защитные возможности как потенциальных, так и реальных жертв; 6) выявление возможностей, путей и средств возмещения причиненного преступлением вреда¹.

Результаты виктимологических исследований позволяют выработать профилактические меры, направленные на: 1) выявление лиц, статус или социальная роль или особенности поведения которых указывают на большую вероятность стать жертвой преступления; 2) повышение защищенности лиц, склонных стать жертвой преступления; 3) выявление виктимогенных зданий, территорий, мест; 4) повышение защищенности виктимогенных зданий и территорий; 5) повышение виктимологических знаний населения с тем, чтобы научить выбору наиболее оптимального варианта поведения. Очевидно, что виктимологическая профилактика, сочетаемая с традиционной, существенно расширяет возможности, повышает уровень и эффективность превентивного противодействия преступности, делает предупредительную деятельность в целом логически завершенной. Пренебрегать виктимологической профилактикой, игнорировать ее означает вести борьбу с преступностью полумерами².

Как же обстоят дела в Армении? Можно констатировать, что в этой области ничего не предпринимается. До сих пор не осуществляются систематические виктимологические исследования, правоохранительные органы, а тем более население, не обладают даже мизерными виктимологическими знаниями, в статотчетах о преступности нет сведений о потерпевших, отношение правоохранительных органов к

¹ См.: Ривман Д.В. Устинов В.С. Виктимология. Нижний Новгород, 1998, с. 8-9.

² См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А. Я. Указ. соч. с. 109-110.

потерпевшим безразличное, а иногда и враждебное, нет закона, защищающего права потерпевших, потерпевшие не могут каким-то образом получать компенсацию. Между тем, результаты виктимологических исследований, проведенные мною в течение 2001-2002гг., выявили такие закономерности, использование которых в профилактической деятельности могло бы дать некоторые положительные результаты. Например, выяснилось, что: 1) в Армении наиболее виктимна возрастная группа 18-25-летних (42%); 2) в 49,2% случаев выявилась определенная связь между преступником и потерпевшим (преступник и потерпевший были родственниками в 10,5% случаев, друзьями—в 16,8% случаев, соседями—в 33,3% случаев, познакомились в местах проведения досуга в 2,4% случаев, не были знакомы, но совместно проводили досуг—в 6,2% случаев). При этом в 29% случаев, когда преступник и потерпевший были знакомы, отношения между ними были конфликтными. А это значит, что если бы соответствующие правоохранительные органы своевременно реагировали на делящуюся конфликтную ситуацию, то смогли бы предотвратить преступление; 3) при совершении преступления в присутствии свидетелей, последним при активном вмешательстве в 27% случаев удавалось предотвратить наступление последствий и преступление заканчивалось на стадии покушения. Между тем, более чем в 55% случаев свидетели проявили безразличие. Следовательно меры, направленные на поощрение гражданской активности, могли бы иметь существенный профилактический потенциал; 4) в 50% случаев активное сопротивление потерпевшего предотвратило преступление, в то же время в 18,2% случаев такое поведение способствовало совершению более тяжкого преступления, чем было задумано изначально. Можно сделать вывод о том, что потерпевший, не имея виктимологических знаний, не смог сориентироваться в ситуации, не учел ее особенности. Между тем, в виктимологии выработаны простейшие механизмы поведения потерпевшего, выявлены некоторые закономерности, знание которых необходимо для выбора оптимального варианта поведения. Например, доказано, что лучше, если жертва сразу не подвергается виктимизации и не ощущает себя жертвой, а старается внушить преступнику, что она личность и в данной ситуации является не объектом, а активным субъектом¹. Кроме этого, доказано, что

¹ См.: Шнайдер Г.Й. Криминология. М., 1994, с. 360-361.

если сопротивление жертвы недостаточно, то оно может привести к наиболее опасным последствиям¹; 5) выяснилось, что в 20% случаев поведение потерпевшего было провокационным, в 30% случаев – легкомысленным. Виктимизации способствовали и чрезмерная эмоциональность, раздражительность жертвы, и ее алчность, и желание помочь человеку, оказавшемуся в беде и т. д.; 6) легкомысленное отношение к собственной безопасности, игнорирование элементарных правил безопасности привели к виктимизации в 40% случаев грабежей, в 25% случаев краж, в 55% случаев разбойных нападений. Очевиден тот факт, какой профилактический потенциал могло бы иметь обучение населения элементарным правилам личной безопасности.

Очень важным направлением предупреждения преступности является деятельность полиции, которая выполняет большой объем работы по специально-криминологической профилактике. Особая роль полиции определяется разнообразием и широтой компетенции по осуществлению оперативно-розыскной, административно-юрисдикционной, уголовно-процессуальной и иных видов деятельности по борьбе с преступлениями. Права и обязанности полиции закреплены в “Законе о полиции”. Надо сказать, что полиция обладает широким спектром прав для осуществления своих задач. Однако эффективность деятельности полиции не столь уж высока. Если в деле раскрытия преступлений полиция занимает ведущее место, то в сфере пресечения преступлений дела обстоят хуже. Так, в 1995г. около 22% преступлений было раскрыто полицией, в 1996г.–17,4%, в 1997г.–32,8%, в 1998г.–49,1%, в 1999г.–35,5% в 2000г.–36,7%, в 2003г.–17,1%, в 2004г.–28%. При этом, в раскрытии преступлений ведущее место занимает уголовный розыск, потом участковые, потом служба ППС. За аналогичный период динамика пресечений преступлений полицией выглядит следующим образом: в 1995г. сотрудниками полиции было пресечено 0,12% преступлений, а участковыми инспекторами–0,009%, в 1996г. соответственно–0,13% и 0%, в 1997г.–0,21% и 0,01%, в 1998г.–0,16% и 0%, в 1999г.–0,06% и 0%, в 2000г.–0,27% и 0%, в 2001г.–0,2% и 0%, в 2002г.–0,14% и 0,008%, в 2003г.–0,16% и 0%, в 2004г.–0,17% и 0,02%. Бросается в глаза низкая эффективность профилактической деятельности. Особен-

но удручает профилактическая работа участковых инспекторов: по сути она равна нулю. Между тем именно участковые инспектора, если можно так сказать, являются связующим звеном между преступностью и правоохранительными органами. Хотелось бы обратить внимание еще на один факт. Я уже говорил о том, что в латентизации преступности немаловажную роль играет и политическая обстановка в стране и то, что в годы политической активности и нестабильности (выборы президента, депутатов Национального Собрания и т. д.), когда полиция активно вовлекается в политические процессы, латентность преступности возрастает. Так было в 1998г. и в 2003г. Динамика пресечения преступлений показывает, что именно в эти годы уровень эффективности профилактической работы полиции еще больше снижается.

В деле контроля над преступностью важное значение имеет борьба с незаконным изготовлением, хранением и ношением огнестрельного оружия. Надо сказать, что из-за Арцахского конфликта, особенно в его первые годы, в Армении произошло спонтанное и неконтролируемое вооружение населения, что не могло не отразиться на криминальной ситуации в стране и не привести к негативным изменениям в структуре преступности. Так, в 1991г. доля преступлений с применением огнестрельного оружия составила 0,7%, в 1992г.–0,6%, в 1993г.–0,6%, в 1994г.–0,9%, в 1995г.–0,9%, в 1996г.–0,6%, в 1997г.–0,6%, в 1998г.–0,9%, в 1999г.–0,8%, в 2000г.–0,5%, в 2001г.–0,7%, в 2002г.–0,6%, в 2003г.–1,1%, в 2004г.–0,9%. Надо сказать, что динамика преступлений с применением огнестрельного оружия в 1992 и 1993гг. не отражает реальность из-за очень высокой латентности. Это период обострения карабахского конфликта и разгула преступности, поэтому доля преступлений с применением оружия объективно не могла быть ниже, чем в последующие годы.

Данные о хищениях огнестрельного оружия показывают, что хотя начиная с 1994г. их уровень уменьшается, однако в последние годы опять наблюдается рост. Так, в 1991г. было зарегистрировано 204 случаев хищения огнестрельного оружия, в 1992г.–347, в 1993г.–666, в 1994г.–570, в 1995г.–582, в 1996г.–507, в 1997г.–504, в 1998г.–346, в 1999г.–197, в 2000г.–238, в 2001г.–258, в 2002г.–240, в 2003г.–248, в 2004г.–258. Не случайно, что в последние годы увеличивалась и доля преступлений с применением огнестрельного оружия. Хотя правоохра-

¹ См.: Алексеев А.И. Как защитить себя от преступника? М., 1990, с. 71.

нительные органы время от времени проводят операции по изъятию незаконного оружия, а по телевидению иногда разъясняются правовые последствия добровольной сдачи оружия, однако динамика хищений огнестрельного оружия показывает, что эти мероприятия не дают существенных результатов.

В Армении до сих пор нет государственной программы контроля над преступностью. Лишь время от времени на проблемы преступности обращают внимание высокопоставленные гос. чиновники, да и то в преддверии президентских или парламентских выборов. Может быть, на первый взгляд, преступность в Армении не является такой существенной проблемой, как, скажем, в России, США, некоторых европейских странах. Это связано с некоторыми факторами. Во-первых, в Армении действительно, несмотря на большой уровень латентности, уровень преступности значительно ниже по сравнению со многими государствами. Во-вторых, в Армении ниже уровень тяжкой насильственной и уличной преступности. Поэтому преступность в Армении не вызывает серьезную тревогу, озабоченность. Однако тенденции развития армянского общества настораживают, и если не предпринимать адекватные меры, то преступность в Армении может стать серьезной проблемой.

§2. Предложения по совершенствованию контроля над преступностью

Анализ состояния контроля над преступностью в Армении и выявление имеющихся недостатков позволяют выработать некоторые рекомендации по его совершенствованию контроля над преступностью.

I. В социально-экономической сфере меры контроля должны быть направлены на смягчение криминогенного воздействия некоторых противоречий, влияние которых особенно остро воспринимается населением. Это в первую очередь относится к небывалому экономическому расслоению общества, уменьшению уровня бедности и безработицы. Но для этого нужно, чтобы развивалась экономика, что возможно только в случае разрушения ее клановой структуры. Однако в Армении—это

чрезвычайно трудная задача, поэтому ждать скорых успехов не реально. На мой взгляд, разрушению клановой системы могло бы способствовать законодательное закрепление некоторых льгот для малого и среднего бизнеса. Например, смягчение налогового бремени, государственная поддержка в области реализации продукции, организации производства и т. д. Нужен дифференцированный подход к хозяйствующим субъектам. Развитие малого и среднего бизнеса способствовало бы также уменьшению уровня безработицы и бедности.

Нужно уделить особое внимание малообеспеченным семьям. Они должны быть включены в программы по преодолению бедности. При этом важно, чтобы в этой сфере соблюдалась социальная справедливость. Ранее в списки нуждающихся по различным программам попадали семьи, материальное положение которых было удовлетворительным. Поэтому включение таких семей в списки нуждающихся должно осуществляться под контролем не только государственных, но и общественных организаций, сопровождаться объективной оценкой фактического материального состояния семьи на месте. При этом инициатива по включению той или иной семьи в программы поддержки должна исходить не только и не столько от членов семьи, а, в первую очередь, от государственных органов и общественных организаций. Только в этом случае можно было бы констатировать, что государство выполняет свои социальные обязательства.

Для социально-экономической поддержки малообеспеченных слоев населения нужно создавать соответствующие фонды. Одними из главных источников формирования финансовых средств этих фондов должны стать денежные поступления от представителей крупного бизнеса. Можно было бы законодательно обязать их ежемесячно выплачивать определенную сумму в процентном соотношении от их прибыли, освободив эту часть прибыли от налогообложения.

Для смягчения экономических и психологических проблем, связанных с безработицей, нужно не только повысить объем пособий по безработице, но и создать механизмы безвозмездной переквалификации безработных с тем, чтобы они смогли быстрее найти работу.

Но по моему самое главное это создание гражданского общества, развитие демократии, реальное обеспечение прав и свобод человека,

обеспечение доступа к рынкам, к процессам принятия политических решений.

II. Важное значение могло бы иметь повышение уровня правосознания населения. Здесь важно не только знание правовых норм, но и готовность и желание согласовать свое поведение с этими нормами. А для этого нужно повысить ценность права и закона. Повышению ценности права и закона могли бы способствовать следующие меры: 1) соблюдение принципа равенства перед законом, исключение двойных стандартов при применении закона, 2) соблюдение принципа неотвратимости ответственности, 3) повышение уровня профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов и судей, 4) обеспечение ответственности представителей политической элиты за аморальное, а порой и противоправное поведение, 5) минимизирование политической коррупции, коррупции в системе уголовной юстиции.

Вышеизложенные меры способствовали бы не только повышению правосознания, но и смягчению социальной несправедливости, улучшению нравственно-психологического климата в обществе.

III. Особо важное значение имеет контроль над коррупцией. Общие меры контроля могут быть сведены к следующему: 1. построение гражданского общества, развитие демократии, реальное обеспечение прав и свобод человека, стимулирования гражданской активности, 2. сокращение объема управленческих решений, зависящих от усмотрения государственного служащего, ограничение его компетенции формализованными и четко регулируемыми функциями, 3. сокращение прав госслужащих по регулированию экономики, образования, науки и т. п., 4. сокращение запретительной нормативной базы, ибо чем больше запретов, тем больше возможностей обойти их с помощью подкупа, – сокращение управленческого аппарата, особенно с параллельными функциями, 5. существенное повышение оплаты труда госслужащих и одновременно ужесточение контроля над ними, 6. обеспечение реализации принципа неотвратимости ответственности должностных лиц, 7. обеспечение независимости и повышения престижа суда, 8. максимальная прозрачность деятельности госслужащих для общественности, населения, средств массовой информации, 9. наличие реальной, а не декларативной политической воли по осуществлению этих и других мер,

10. доведение до сознания людей того обстоятельства, что взяточничество и коррупция глубоко аморальные виды поведения, что причины практически всех их бед исходят от произвола и коррумпированности должностных лиц, и, на этой основе, формирование нетерпимого отношения к коррупции, включение общественности в борьбу с коррупцией,

Существенную роль может играть соответствующее законодательство. В “Законе о декларации имущества и доходов руководящих работников органов власти Армении” нужно предусмотреть декларацию о расходах должностных лиц. Контролю над коррупцией способствовало бы сокращение числа депутатов Национального Собрания РА, оптимизация госаппарата, создание специального органа по борьбе с коррупцией, включение общественности в эту борьбу, предусмотрение ответственности не только должностных лиц-коррупционеров, но и тех, кто пользовался материальными благами, добытыми в результате коррупции, если последние знали о происхождение этих благ. Было бы полезно предусмотреть запрет на занятие предпринимательством не только должностных лиц, но и их близких родственников.

IV. Для предупреждения насильственной преступности существенное значение могло бы иметь введение цензуры на демонстрацию насилия и секса. Необходимо в УК РА предусмотреть уголовную ответственность за распространение продукции, пропагандирующей насилие, за жестокое обращение с животными.

Было бы полезно повысить уровень преподавания религии в школах. Сейчас в школах Армении с 4-ого класса преподается религия, однако ученики просто знакомятся с историей религии, религиозными праздниками, с религиозными догмами без вникания в их суть. Им не объясняют ни нравственные, ни философские, ни мировоззренческие аспекты религиозных постулатов.

Было бы полезно расширить сеть служб психологической помощи, которые смогли бы помочь людям выйти из стрессовых ситуаций, разрешить конфликты.

Важное значение могло бы иметь повышения эффективности работы участковых инспекторов и ППС. Для этого нужно не только существенно повысить их зарплату, минимизировать риск коррупции, но и поднять авторитет полиции вообще и названных институтов в част-

ности. А для этого нужно, чтобы государственная власть стала гарантом их действительной защищенности. В ситуации, когда криминальные авторитеты квартала или региона имеют больше влияния, чем полиция, прокуратура и суд, когда даже представители государственной власти или представители местной власти готовы пожертвовать государственные интересы или законные интересы и права своих честных подчиненных, готовых бросать вызов криминальной среде, ни о какой эффективной борьбе с преступностью не может быть и речи.

Важным направлением предупреждения насильственных преступлений является обеспечение "эффекта присутствия полиции" там, где возможны межличностные конфликты (скверы, парки, дискотеки, рестораны). Для предупреждения корыстно-насильственных преступлений, особенно разбойных нападений, важное значение могло бы иметь патрулирование тех безлюдных, неосвещенных частей улиц, парков, скверов которые, особенно в вечернее и ночное время, "притягивают" преступников.

Важным направлением профилактики насильственных преступлений является контроль над оборотом оружия. В настоящее время решением данной проблемы занимаются многие органы и подразделения: Полиция, Таможенная служба, Министерство обороны, Служба национальной безопасности. Однако в их деятельности нет скоординированности, единой стратегии и тактики, достаточной целенаправленности, сплоченности. Может быть было бы лучше создать при полиции специальное подразделение по борьбе с незаконным оборотом оружия.

В деле предупреждения насильственных преступлений важную роль смогли бы играть органы местного самоуправления путем организации более полноценного, заполненного привлекательными и общественно полезными занятиями досуга граждан, особенно детей и подростков.

V. Для эффективного контроля над преступностью важное значение имеет повышение эффективности уголовного наказания. Для этого нужно повысить качество предварительного расследования, минимизировать коррупцию в системе уголовной юстиции, обеспечить независимость судей, максимально дифференцировать и индивидуализировать назначение наказания, повысить эффективность альтернативных мер. В то же время, исполнение лишения свободы должно быть максималь-

но дифференцировано. Я бы предложил отделить рецидивистов от первичных преступников, насильников от лиц, совершивших корыстные преступления, содержать их отдельно, если не в разных учреждениях, то хотя бы в разных помещениях, и максимально оградить первичных преступников от рецидивистов, корыстных преступников от насильников, исключить их контакты во время отбывания наказания. Антикриминогенное значение могло бы иметь совершенствование процесса исполнения наказания в виде лишения свободы на основе рекомендаций науки и зарубежного опыта. Например, содержать осужденных в трех-четырёхместных камерах, обеспечить высококвалифицированную психологическую службу, организовать переквалификацию осужденных, уже имеющих специальность, но которая ныне не востребована, организовать учебу для неграмотных, обучать специальности, организовать контакты между преступником и жертвой, по возможности организовать труд осужденных, создать условия для творческой работы. Процесс исполнения лишения свободы должен не карать осужденного, потому что карой является само наказание, а стать способом его исправления.

Для предупреждения рецидива, кроме названных мер, существенное значение могли бы иметь устранение недостатков при применении институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания, преодоление коррупции и формализма при применении этих институтов.

Важное значение имеет совершенствование института административного надзора, максимальная дифференциация его применения, восстановление уголовной ответственности за нарушения правил административного надзора.

Для устранения негативных явлений при исполнении наказания в виде лишения свободы, при применении институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания необходимо существенно повысить зарплату сотрудников исправительных учреждений, уровень их социальной обеспеченности, личной безопасности, профессиональной подготовленности.

VI. В деле контроля над преступностью несовершеннолетних эффективными могут быть следующие мероприятия: 1) гуманизация уголовного законодательства, ограничение сферы применения лишения

свободы к несовершеннолетним и расширение сферы применения альтернативных мер. Например, можно было бы допустить эту меру наказания только при совершении тяжких и особо тяжких преступлений (сначала УК РА 2003г. исключал возможность применения лишения свободы к несовершеннолетним при совершении преступления небольшой тяжести, но потом эта довольно прогрессивная норма по непонятным мотивам была исключена из УК). Кроме того, можно было бы сократить круг преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет. Например, из этого перечня можно исключить такие преступления, как простое хулиганство, завладение транспортными средствами без цели хищения, простую кражу, повреждение транспортных средств и путей сообщения, которые, в подавляющем большинстве случаев, являются следствием подросткового озорства; 2) создание системы ювенальной юстиции, кроме юристов включающей также педагогов, психологов, криминологов, социальных работников.

Для предупреждения преступности несовершеннолетних существенное значение могли бы иметь: 1) мероприятия по оказанию помощи бедным семьям, безработным; 2) мероприятия по обучению родителей азам педагогики; 3) внедрение цензуры на показ насилия, секса, фильмов ужасов; 4) существенное увеличение финансирования школ, повышение зарплаты учителей; 5) пересмотр школьных программ, их существенная разгрузка, ориентация школы на выявление творческих способностей детей, преодоление формализма и показухи; 6) совершенствование деятельности специальных детских учреждений (спец. школы, интернаты и т. д.), увеличение их финансирования, комплектование соответствующими кадрами; 7) совершенствование процесса исполнения наказания, создание квалифицированной психологической службы в колониях для несовершеннолетних, надлежащая организация их учебы и работы.

VII. Необходимо также улучшить нравственно-психологический климат в обществе путем преодоления потребительской психологии, повышения уровня культуры, пропаганды высокой культуры, запрещения таких видов рекламы, которые способствуют формированию потребительской психологии, деморализуют людей, особенно молодежь и несовершеннолетних, запрещения показа таких фильмов, клипов. кон-

цетров и т. д., которые пропагандируют насилие, секс, актуализируют сексуальные потребности.

Особо важное значение могла бы иметь минимизация несправедливости в обществе. Хотя в Армении, где более действенны неписанные нормы, где культ денег, где человек в первую очередь оценивается по материальному благосостоянию, а разрыв между потребностями и законными способами их удовлетворения громадный, добиться этого очень сложно¹.

VIII. В Армении в деле контроля над преступностью важное значение может иметь виктимологическая профилактика. Можно было бы в структуре полицейских участков создать виктимологическую службу, которая занималась бы изучением виктимологических особенностей преступлений и, на этой основе, распространением виктимологических знаний, виктимологических брошюр, указаний, рекомендаций по охране зданий, объектов, по улучшению личной безопасности и т. д. Важное значение имела бы соответствующая подготовка полицейских, прохождение ими специальных курсов по виктимологии.

IX. В УПК РА необходимо предусмотреть протокольную форму судопроизводства, возможность ареста подозреваемого по решению суда сроком до пяти дней.

¹ Как, на мой взгляд, справедливо замечает Ральф Дарендорф, истоки неравенства между людьми заключаются в существовании во всех обществах норм поведения, снабженных санкциями. По мнению ученого если нормы существуют в качестве неизбежных требований к поведению для людей, и если тем самым ролевое поведение измеряется по этим нормам, то возникает и ранговая упорядоченность социального статуса. Даже позитивное право имеет такое значение. Тем более источником неравенства являются неписанные нормы (См.: Ральф Дарендорф "Тропы из утопии". М., 2002, с. 506-508). Кроме того, истоки неравенства кроются в физических, умственных, психологических и других различиях между людьми. На мой взгляд, хотя социальное неравенство само по себе воспринимается как несправедливость, однако ощущение несправедливости во многом усиливается если неравенство является следствием аморальной, преступной деятельности, если попираются такие принципы как равенство перед законом, неизбежность ответственности, когда при применении законов руководствуются двойными стандартами. Поэтому смягчение негативного воздействия неравенства с помощью позитивного права, его неукоснительного применения мне кажется возможным.

Х. Так как в деле контроля над преступностью чрезвычайно важное значение имеет работа полиции, то огромное значение имеет совершенствование ее деятельности. Для этого нужно существенно повысить зарплату полицейских, повысить их ответственность за состояние правопорядка на закрепленном за ними участке, пересмотреть критерий оценки их деятельности с тем, чтобы по возможности минимизировать уровень искусственной латентности. Этому могла бы способствовать оценка деятельности данного сотрудника населением обслуживаемого участка, число жалоб на его деятельность, число пресеченных преступлений.

Огромное значение могла бы иметь соответствующая кадровая политика. Отбор кадров должен проводиться не на основе протекционизма, кумовства, а профессиональных и моральных качеств.

Важно, чтобы полиция не использовалась в политических целях. Ныне полиция большинством членов общества рассматривается как инструмент защиты прав и неприкосновенности политической элиты, олигархов. И для этого есть все основания. Уже отмечалось о применении полицией и другими правоохранительными органами двойных стандартов, несоблюдении принципа равенства всех перед законом, участии полиции в предвыборных кампаниях и т. д. Все это отдаляет полицию от населения и никак не способствует их сотрудничеству, роль которого неопределима. Поэтому минимизирование коррупции в полиции, пересмотр критериев оценки ее работы, исключение полиции из политических процессов, способствовали бы улучшению отношения населения к полиции и их сотрудничеству.

XI. Необходима государственная целостная программа контроля над преступностью. В этой программе должны быть четко зафиксированы факторы преступности, ближайшие и перспективные цели, источники финансирования, уровень и источники технической оснащенности, перечень мероприятий, органы, ответственные за различные участки работы, орган, координирующий деятельность остальных звеньев. Тот же перечень вопросов должен быть зафиксирован по отдельным видам преступлений.

XII. Для контроля над преступностью важное значение могло бы иметь формирование гражданского общества. Важнейшим условием для этого является легитимная власть, избранная в результате честных,

демократических, гласных выборов. Но для этого нужно, чтобы действующая власть имела политическую волю и желание организовать и обеспечить проведение таких выборов. Немаловажное значение имеет и повышение уровня политической и правовой грамотности населения, уровня политического и правового сознания, политической активности. На мой взгляд, немаловажное значение могла бы иметь и отмена депутатской неприкосновенности. Ныне из-за неприкосновенности в политику рвутся олигархи, бизнесмены, преступные элементы, представители организованной преступности, у которых лишь свои узкоэгоистические, корыстные цели, и которые ни перед чем не останавливаются для достижения этой цели.

XIII. Существенное значение могло бы иметь внедрение криминологической экспертизы законодательных актов с тем, чтобы выявить пробелы или те нормы этих актов, которые могут способствовать криминальному поведению, возникновению новых видов преступлений или правонарушений.

XIV. Очень важным представляется сохранение антикриминального потенциала армянского общества. Для этого нужно всячески поощрять и пропагандировать те обычаи и традиции, которые имеют положительное влияние на нравственно-психологическую атмосферу общества, воспитательное значение и, естественно, существенный антикриминальный потенциал (например, не так уж поощрять эмансипацию женщин). Традиционное место армянской женщины в семье имеет колоссальное положительное нравственное и антикриминогенное значение. Армянская женщина традиционно является хранительницей очага, воспитательницей детей, домашней хозяйкой. В то же время она не безмолвный придаток мужа. К женщине особо уважительное отношение, ее мнение всегда учитывается, она может более эффективно разрядить конфликтную ситуацию. Поэтому кажется, что общество и государство должны сделать все для того, чтобы неработающая женщина в экономическом, социальном и психологическом плане была в более выгодном положении. Например, было бы целесообразно платить пособие домохозяйкам в размере не уступающем размеру зарплаты самых высокооплачиваемых работников.

Антикриминогенное значение могло бы иметь создание атмосферы нетерпимости и осуждения вокруг тех родителей которые бросают

своих детей, отдают в детские дома, приюты. Как уже отмечалось, армянское общество отличается жертвенной любовью к детям, что, как правило, имеет большое антикриминогенное значение. Поэтому надо всячески поощрять молодые семьи, родителей-одиночек, помогать им в экономическом отношении, материально стимулировать рождение детей, создавать качественные государственные бесплатные учреждения для детей дошкольного возраста, оказывать помощь в деле трудоустройства и т. д.

Для повышения эффективности неформального контроля можно было бы приостановить процесс урбанизации. Укрупнение городов, уничтожение сел способствует анонимности жизни, препятствует не только неформальному контролю, но и затрудняет формальный контроль, способствует распаду традиционной системы ценностей армянского общества, имеющего антикриминогенное влияние. Поэтому надо особое внимание уделить социальным, экономическим, бытовым, досуговым проблемам сел, помочь сельчанам в приобретении сельскохозяйственной техники, семян, удобрений и т. д., по необходимости предусмотреть возможность государственной дотации и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование преступности армянского общества переходного периода позволило прийти к следующим выводам:

I. Преступность в Армении обнаруживает некоторые тенденции, характерные для большинства стран СНГ и других государств, переживающих переходный период: абсолютный и относительный рост, латентизация, увеличение в ее структуре корыстных преступлений с вероятностью вспышки насилия в отдельные годы, рост беловоротничковой, экономической преступности.

Несмотря на неблагоприятную криминологическую обстановку, уровень преступности в Армении традиционно низок по сравнению с другими странами СНГ, да и мира. И хотя одной из причин такого положения может быть низкий уровень регистрации преступлений, однако в силу некоторых причин в Армении уровень преступности сравнительно низок. Таковыми являются маленькая территория Армении, где осуществление социального контроля легче, достаточно сильный неформальный контроль (контроль семьи, соседей, родственников, трудовых коллективов); мононациональный состав страны и отсутствие межнационального конфликта культур, достаточно сильные позиции национальной культуры. Армянам удалось избежать полной западнизации, особенно в сфере межличностных отношений и нравов. Например, эмансипация армянской женщины происходит очень медленно, конфликт между поколениями не такой острый, и т. д.

Несмотря на вышесказанное,стораживают тенденции развития армянского общества. Массовый отток населения, постепенное внедрение западной культуры (армяне очень восприимчивы к другим культурам), дальнейшее социально-экономическое расслоение общества, увеличивающиеся безработица и бедность, в купе с некоторыми негативными чертами армянского менталитета (индивидуализм, отсутствие национальной доктрины, тот факт, что армянин не государственный и т. д.)—факторы, которые могут детерминировать дальнейший рост преступности.

II. Преступность переходного периода в Армении имеет некоторые мотивационные особенности по сравнению с преступностью допереходного периода. Более заметны изменения в блоке нравственного фильтра, ценностных ориентациях, способах и путях удовлетворения

потребностей. Политические изменения, происходящие в обществе, демократизация, которая иногда трактуется как вседозволенность, разрушение системы тотального контроля над членами общества, внедрение западной культуры и образа жизни, сопровождающиеся экономическими трудностями, расслоением общества, обнищанием населения, породили негативные изменения в ценностных ориентациях людей, сформировали отрицательный нравственно-психологический климат в обществе. Деньги и материальное благополучие стали чуть ли не единственными ценностями. В обществе сформировались потребительская психология, бездуховность, безразличие, безответственность. На фоне все более усугубляющейся социальной несправедливости, коррупции, проникшей во все эшелоны власти, двойной морали представителей властей, попираания принципов равенства перед законом и неотвратимости наказания, преступные способы удовлетворения потребностей стали инструментальными ценностями. Состояние аномии, складывающаяся нравственно-психологическая атмосфера, социально-экономические трудности и другие негативные явления стали благоприятной почвой для оправдания преступлений, отрицания тех моральных и этических начал, которые в условиях стабильности так или иначе сдерживали многих членов нашего общества от противоправных поступков.

Можно предположить, что рост преступности в переходный период во многом обусловлен не столько социально-экономическими неурядицами, бедностью, некачественными законами и правоохранительной деятельностью (хотя недооценивать их значение будет неправильно), сколько такими психологическими, духовными явлениями, как возрастающая несправедливость, культ материальных ценностей, обесценивание человеческой жизни, его прав и свобод, отрицание высоких нравственных принципов, ощущение собственной незащищенности, неполноценности и вытекающего отсюда чувства вины, стыда, тревожности, страха, отчужденности—чувств и эмоций, которые всегда присущи человеку, но которые обостряются в переходные периоды.

III. У человека есть биопсихологическая и духовная способность (предрасположенность) к преступному поведению. Однако биопсихологические особенности человека не имеют изначально преступное содержание. Такое содержание им дают социальные факторы. Во-первых, круг преступных деяний определяется культурой. Кроме того, социальные факторы способствуют проявлению негативных, деструктив-

ных тенденций, заложенных в человеке, и формированию таких криминальных качеств и психических состояний, как зависть, алчность, гордыня, тщеславие, комплекс неполноценности и т. п. Поэтому выбор преступного способа поведения предопределяется взаимодействием биопсихологических и социальных факторов. Поэтому чем больше социальные явления способствуют проявлению деструктивных тенденций, заложенных в человеке, тем больше уровень преступности. При этом от характера и глубины противоречий, а также от степени культуры данного общества зависит структура преступности.

Тревожность, страх смерти, чувство вины, отчужденность, потребность в самоутверждении, стремление защитить свой биологический или социальный статус лежат в основе всякого преступного поведения и являются основаниями всякого преступного поведения. Поэтому различные виды мотивации—корыстная, насильственная и т.д., есть лишь различные формы проявления глубинных мотивов человеческого поведения, а различные виды реализации этих мотивов, существование различных видов преступлений в основном зависит от особенностей социализации, умственных и физических способностей, ценностных ориентаций, социальных ролей, социального статуса индивида. Поэтому изменение социальных условий, особенно изменение социального статуса личности может повлиять на форму реализации глубинных мотивов и вид преступного поведения—насильник может превращаться в корыстного преступника и наоборот.

Так как преступное поведение зависит от взаимодействия биопсихологических, духовных качеств человека с социальными факторами а наличие и состояние преступности зависит от социальных противоречий, то кажется, что по мере развития человеческой цивилизации уровень преступности будет расти. Дело в том, что человечество слишком увлечено материальными ценностями, экономическое благосостояние и технический прогресс стали наивысшей ценностью, главными ориентирами человеческой деятельности, что с неизбежностью порождает все новые противоречия и обостряет уже существующие, так как не все в обществе и не все общества располагают равными возможностями. При этом постепенно ослабевает социально-правовой контроль. Что наиболее тревожит, так это то, что человечество как будто забыло о нравственности. Провозглашение прав и свобод человека, контроль со стороны международных организаций за их соблюдением, на первый

взгляд, могли бы способствовать и нравственному прогрессу, и минимизации преступности. Однако на самом деле все сложнее и противоречивее. Во-первых, особенно в обществах, переходящих от тоталитаризма к демократии, права и свободы человека часто трактуются как вседозволенность, что приводит к ослаблению правового контроля. Во-вторых, соблюдение прав и свобод в таком понимании, которое существует на Западе, с неизбежностью приводит к раскрепощению нравов, что таит в себе угрозу развала неформального контроля в традиционных обществах, обострению противоречий между поколениями. В-третьих, процесс правовой и культурной глобализации обостряет конфликт между государствами, обществами, различными частями одного общества. В-четвертых, иногда права и свободы человека в таком понимании, которое существует на Западе, в традиционных обществах рассматриваются как противоречащие естественной природе вещей и нравственности. Например, эмансипация женщин, свобода для гомосексуалистов, распространение эротики и т.д. Надо сказать, что перечисленные явления в действительности имеют криминогенный потенциал. Поэтому может быть было бы правильно в отдельных случаях дать государствам больше свободы в принятии решения по степени соблюдения отдельных прав и свобод, особенно тех, которые связаны с культурными, национальными особенностями данного народа. Например, соблюдение прав и свобод гомосексуалистов, сексуальных меньшинств в таких обществах, как армянское, можно было бы ограничить отказом от их преследования. Можно было бы не осуждать государство за то, что оно фактически не поощряет эмансипацию женщин, и не заставлять государство искусственно повышать активность женщин и по плану или “указу” с верха увеличивать количество женщин-депутатов, министров и т.д. Мировой криминологический опыт показывает, что общества, в которых сильны позиции национальной культуры, в которых сохранились национальные традиции и обычаи, более эффективно справляются с преступностью с помощью неформального контроля.

IV. Анализ региональных особенностей преступности в Армении выявил некоторые криминологически значимые показатели, влияющие на уровень и структуру преступности, что позволяет прийти к следующим выводам:

1) на уровень преступности, в первую очередь, влияют такие социально-экономические явления, как уровень безработицы, уровень социально-экономического расслоения, уровень обеспеченности жилплощадью, а уровень бедности играет относительно второстепенную роль;

2) в Армении региональные особенности преступности зависят от наличия в том или ином регионе криминальных авторитетов республиканского уровня;

3) на региональные особенности преступности влияют и этнопсихологические особенности населения данного региона;

4) на региональные особенности преступности значительное влияние имеют нравственно-психологические явления: раскрепощение нравов, внедрение западной культуры, неблагоприятные тенденции в динамике браков и разводов являются существенными детерминантами относительно высокого уровня преступности;

5) на статистически выявленные особенности преступности разных регионов существенное влияние может оказать уровень латентности преступности того или иного региона.

Поэтому при анализе региональных особенностей преступности надо основываться не только на официальную статистику, но и на количественный и качественный анализ социальных, экономических, нравственно-психологических, правовых, этнопсихологических особенностей регионов;

6) наблюдается некоторая интенсификация преступности в регионах Армении, в которых в основном превалирует сельский уклад жизни. Это обстоятельство настораживает, потому что свидетельствует о снижении эффективности неформального контроля, о девальвации традиционных нравственных ценностей. В то же время наиболее интенсивно преступность растет в тех регионах, где за последние годы наблюдается рост экономической активности. Можно предполагать, что преступность регионов Армении все более обретает черты городской преступности;

7) Экономическое развитие регионов Армении пока что способствует росту уровня как корыстной так и насильственной преступности, потому что сопровождается усугублением социально-экономического расслоения населения, безработицей и социальной несправедливостью.

V. Насилие имеет глубинные биологические и психологические корни. Врожденные инстинкты, тревожность, страх, комплекс непол-

ноценности, психические травмы детства, архетипы создают почву для насилия. Но эти факторы не имеют фатального значения. В выборе насилия, как способа удовлетворения потребностей и разрешения конфликтов важную роль играют и другие факторы: неблагоприятное воздействие микросреды, фрустрация, научение, нравственная, эмоциональная и умственная ущербность. Огромное значение имеют социальные факторы, среди которых особую криминогенную роль играют социально-экономическое расслоение общества, социальная несправедливость, бедность, безработица, бурные процессы урбанизации и раскрепощения нравов, деятельность средств массовой информации, развал традиционной армянской семьи, внедрение частной собственности, формирование потребительской психологии.

Хотя насильственный способ разрешения конфликтов в Армении достаточно распространен, однако по уровню насилия Армения вместе с Таджикистаном занимает последнее место среди стран СНГ. Кроме этого в Армении очень низок уровень убийств с особой жестокостью, серийных убийств и изнасилований. Низкому уровню статистически регистрируемого насилия способствует не только более высокий уровень латентности преступности в Армении, но и влияние некоторых факторов, которые имеют сдерживающее значение. Такими факторами являются—жертвенная любовь к детям, пока еще сильные позиции национальной культуры, маленькая территория, пока еще сильный неформальный контроль, особенности коллективного бессознательного, в частности, архетип Давида Сасунского—героя армянского эпоса, олицетворяющего силу, браваду, но в то же время исключительную доброту и наивность.

Однако в армянском обществе есть множество факторов социально-экономического, психологического, культурно-исторического характера, способствующих росту насилия.

К социально-экономическим факторам можно отнести социально-экономическую расслоенность общества, бедность и безработицу.

К психологическим факторам можно отнести эгоизм и индивидуализм, присущие армянам, которые к тому же усилились в результате внедрения рыночных отношений и ценностей рыночной экономики; эмоциональность и вспыльчивость; высокая степень тревожности, которая усиливалась в результате глубокого кризиса во всех областях

жизни; отчужденность, как результат аномии; характерный для модельного армянина комплекс неполноценности.

Культурно-исторические факторы сводятся к следующему.

Насильственный способ решения конфликтов в армянском обществе имеет исторические корни. История Армении—история войн и конфликтов. К сожалению новейшая история Армении также наполнена войнами: первые и вторые мировые войны, геноцид, карабахский конфликт.

Армяне всегда были оседлыми землевладельцами, что усилило частнособственническое мировоззрение. Как показывают исследования антропологов, кочевые и полукочевые общества отдают предпочтение мирным способам урегулирования конфликтов, чего не скажешь об обществах оседлых землевладельцев.

Росту насилия способствуют бурные процессы урбанизации и раскрепощения нравов, деятельность средств массовой информации, развал традиционной армянской семьи, о чем уже говорилось, внедрение частной собственности, формирование потребительской психологии.

Наряду с этим, есть и сдерживающие факторы.

Так как насилие имеет глубокие, неосознаваемые психологические причины, воздействие на которые представляется трудным, то профилактика насильственной преступности возможна посредством воздействия на социальные факторы, направленные на ослабление тревожности и отчужденности людей. Здесь важными направлениями профилактики могут быть преодоление бедности и смягчение расслоения общества, повышение уровня образования и культуры, контроль над средствами массовой информации в плане недопущения перенасыщения эфира насилием и порнографией, повышения уровня духовности общества, контроль над оборотом оружия, меры, направленные на поддержку семьи, повышение профилактического потенциала участковых инспекторов и т. д.

Преодолению насилия способствовал бы возврат к вере, религии и нравственности, которые учат внутреннему контролю.

Однако реализация указанных мероприятий чрезвычайно трудно из-за материальных, кадровых, технических, организационных проблем. Особенно в Армении из-за существующего тяжелого социально-экономического положения, падения уровня нравственности и других

негативных явлений реализация этих мероприятий представляется еще более сложным. Существенными проблемами являются и инерция мышления, психология индивидуализма, культ материальных ценностей, политическая, культурная, идеологическая нетерпимость. Поэтому представляется, что насильственная преступность будет расти, причем не только в Армении, но и во всем мире.

VI. Динамика официально зарегистрированной корыстной преступности в Армении не отражает реальность—она показывает снижение уровня корыстной преступности. Объективно такого не может быть. В Армении есть все предпосылки роста этой преступности—небывалое социально-экономическое расслоение, безработица, дефицит денег, клановая экономика, негативная ценностно-нормативная система, где человек оценивается по своему материальному положению и уровню материальной обеспеченности своих потомков, индивидуализм и эгоизм, присущие армянам.

Уровень корыстной преступности в Армении и далее будет расти, приближаясь к показателям европейских стран. При этом даже сейчас он не уступает уровню корыстной преступности Европейских стран, если учитывать гораздо более высокий уровень латентности корыстной преступности в Армении.

Другой тенденцией корыстной преступности в Армении является увеличение в ее структуре экономических и коррупционных преступлений. Хотя официальная статистика показывает обратную тенденцию, однако есть все основания полагать, что увеличивается латентность этих преступлений.

Таким образом основными тенденциями развития корыстной преступности в Армении являются ее абсолютный и относительный рост, сопровождающиеся нарастающей латентностью, интеллектуализацией и общественной опасностью.

VII. Беловоротничковая преступность и коррупция стали глобальной угрозой для человечества, а для Армении, где из-за исторических и культурных особенностей отсутствует государственное мышление, где государство рассматривается только как инструмент подавления и эксплуатации, где люди в основном ориентированы на интересы семьи и клана, где более действенны неписанные, чем писанные законы коррупция стала угрозой для национальной безопасности. Коррупция разлагает общество, обесценивает право, закон и моральные принципы, тор-

мозит развитие экономики. Поэтому от уровня коррупции во многом зависит и уровень преступности вообще. Если общество желает минимизировать преступность, создать благоприятные условия для жизни, творческой работы, улучшить нравственно-психологический климат в обществе, повысить уровень культуры, то контроль над коррупцией и беловоротничковой преступностью должен стать приоритетным направлением контроля над преступностью.

VIII. Преступность несовершеннолетних в Армении характеризуется отрицательными количественными и качественными изменениями—растет и ее уровень и доля в преступности, а в структуре преступности несовершеннолетних растет доля корыстных преступлений. Несмотря на это уровень преступности несовершеннолетних в Армении ниже, чем в большинстве стран СНГ и мира. Однако процессы, происходящие в армянском обществе—эмансипация армянской женщины, внедрение западной культуры, раскрепощение нравов, распад традиционной армянской семьи, постепенное ослабление неформального контроля, могут способствовать дальнейшему росту преступности несовершеннолетних. Кроме этого есть факторы, которые традиционно присутствовали в армянском обществе, но которые еще более обострились в переходный период. Между тем контроль над преступностью несовершеннолетних за последние годы ослабляется. При этом разница между выявленными лицами и судимостью постепенно увеличивается. Увеличивающаяся разница между выявленными лицами и преступностью, между выявленными лицами и судимостью указывает на возрастающую латентизацию преступности несовершеннолетних и ослабление контроля над их преступностью.

То, что все меньшее число несовершеннолетних преступников попадает в орбиту правоохранительной системы может быть и к лучшему, потому что предохраняет их от стигматизации. С другой стороны безнаказанность может мотивировать дальнейшее преступное поведение. Поэтому совершенствование контроля над преступностью несовершеннолетних должно осуществляться таким образом, чтобы по возможности обеспечить неотвратимость ответственности и, в то же время, по возможности смягчить эту ответственность.

Для предупреждения преступности несовершеннолетних существенное значение могли иметь гуманизация уголовного законодательства, ограничение сферы применения лишения свободы к несовершенно-

летним, сокращение круга преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14 лет, создание системы ювенальной юстиции, проведение мероприятий по оказанию помощи бедным семьям, безработным, существенное увеличение финансирования школ, зарплаты учителей, пересмотр школьных программ, их существенная разгрузка, ориентация школы на выявление творческих способностей детей, совершенствование деятельности специальных детских учреждений, совершенствование процесса исполнения наказания, создание квалифицированной психологической службы в колониях для несовершеннолетних, надлежащая организация их учебы и работы.

IX. Хотя официальная статистика показывает снижение уровня неосторожной преступности, однако реальная доля неосторожной преступности на порядок больше, чем это отражается в официальной статистике. В Армении нет никаких условий сокращения этого вида преступности—не снизился ни уровень недисциплированности, ни правового нигилизма, страха, тревожности, беспокойства, конфликтности, напряженности, а уровень безопасности техники не повысился. Поэтому, есть основания полагать, что неосторожная преступность в Армении латентизируется.

Хотя мотивация неосторожных преступлений имеет свои особенности в том плане, что в них нет мотива преступления, а есть мотивы нарушений, приведших к общественно опасным последствиям, однако в основе неосторожных преступлений лежат те же криминогенные явления, которые играют существенную роль и в мотивации умышленных преступлений. В основе неосторожных преступлений лежат тревожность, страх, эгоизм, индивидуализм, потребность в самоутверждении, безответственность, тревожность, отчужденность.

Несмотря на то, что в неосторожных преступлениях роль орудий и ситуаций существенна, однако главную роль все же играет человек. Основной причиной неосторожных преступлений является безответственное, нерадивое отношение лица к своему долгу, обязанностям, личная недисциплированность, авантюризм.

Общие причины преступности являются и причинами неосторожной преступности. Развал экономики, бедность, безработица, окорыствление общественных отношений, потребительская психология, эгоизм, индивидуализм, коррупция, правовой нигилизм, недисциплинированность, применение двойных стандартов, тревожность, страх,

стремление самоутвердиться любыми способами являются детерминантами неосторожной преступности в такой же степени, как и общей преступности. Поэтому в деле контроля над неосторожной преступностью существенное значение имеют общесоциальные меры контроля. Особенно важными являются меры, направленные на повышение уровня правосознания населения, дисциплинированности, а также на преодоление правового нигилизма, безразличия.

Поскольку в генезисе неосторожных преступлений важное значение имеют орудия и ситуация, то немаловажное значение могут иметь мероприятия по повышению уровня техники безопасности, профессиональной подготовленности лиц, эксплуатирующих технику, технической оснащенности органов, контролирующей данную сферу, технической обеспеченности и безопасности дорог. Для повышения уровня и качества контроля над движением и транспортными преступлениями важное значение могут иметь преодоление коррупции в органах госавтоинспекции, исключение применения двойных стандартов, обеспечение принципа равенства перед законом. А для этого нужно существенно повысить зарплату сотрудников госавтоинспекции, обеспечить надлежащий уровень их защищенности, повысить ответственность конкретного сотрудника за состояние движения на прикрепленном за ним участком. В основу оценки работы конкретного лица необходимо поставить динамику транспортных правонарушений, при этом, для преодоления угрозы латентизации правонарушений и объективизации данных о правонарушениях и преступлениях нужно систематически проводить мониторинг на конкретном участке. Важное значение для преодоления коррупции, нарушения прав водителей могло бы иметь оборудование улиц средствами автоматического наблюдения.

X. В Армении контроль над преступностью имеет много недостатков и нерешенных проблем.

Формирование ценностно-нормативной системы армянского общества находится в удручающем состоянии. В армянском обществе доминирует культ материальных ценностей, интенсивно внедряется потребительская психология, превалирует нигилистическое отношение к праву и закону. Попирание прав человека, правовой беспредел, нарушение принципов законности и равенства перед законом, судебный и полицейский произвол стали имманентными явлениями армянского общества. Армянское общество в основном управляется не законами а

неписанными нормами, обычаями и традициями. Нет в армянском обществе государственного мышления: интересы семьи, клана превалируют над интересами общества и государства. Между тем государство ничего не предпринимает для повышения престижа закона и права.

Раскрепощение нравов, распад традиционной армянской семьи, культ материальных ценностей, урбанизация и неконтролируемая миграция привели к тому, что постепенно сдает позиции неформальный контроль.

Не выполняет свои функции уголовное наказание. Вопрос исправления осужденных пущен на самотек. В процессе исполнения наказания, особенно в виде лишения свободы, процветает коррупция, на коррупционных основаниях реализуются такие институты, как условно-досрочное освобождение, условное осуждение.

В Армении намечается тенденция увеличения разницы между преступностью и выявленными лицами, между выявленными лицами и судимостью. Это обусловлено не демократизацией правоохранительной системы и уголовной юстиции, а латентизацией преступности, коррупцией, некавалифицированным предварительным расследованием, малоэффективностью работы правоохранительных органов.

Хотя за последнее время в Армении доля лишения свободы в системе назначенных наказаний уменьшается, а доля штрафа возрастает, однако это связано не столько с гуманизацией уголовной юстиции и целенаправленной политикой, сколько с коррупцией в правоохранительной системе. При этом в Армении штраф из-за неплатежеспособности населения и ничтожных размеров, не может быть эффективным, а дальнейшее его применение может создать атмосферу безнаказанности. Поэтому важно не расширение сферы применения штрафа и ограничение сферы применения лишения свободы, а совершенствование применения и исполнения последнего.

В связи с тем, что уголовное наказание, в том виде, в каком существует ныне, не выполняет свои функции, эффективность контроля над преступностью в основном зависит от эффективности предупреждения преступности и социального, правового, формального и неформального контроля.

XI. Предупреждение преступности—составная часть контроля над преступностью. Предупреждение преступности—это комплекс мероприятий, осуществляемых государством и обществом, воздействующий

на криминогенные факторы с целью минимизирования преступности, уменьшения его общественной опасности или удержания на допустимом уровне.

И в этой сфере в Армении не все благополучно.

В стране нет целостной государственной программы предупреждения преступности. Меры, предпринимаемые государством и направленные на преодоление бедности, безработицы, недостаточны, а самое главное, остаются только на бумаге.

Демократизация общества, свобода слова при ослаблении государственного контроля привели к беспределу во всех областях жизнедеятельности. Особенно криминогенно воздействие СМИ, которые насыщены насилием, сексом. Между тем ничего не предпринимается для осуществления хоть какой-нибудь цензуры, построенной на демократической основе.

В связи с провозглашением демократизации армянского общества и с членством в Совете Европы, права и свободы человека провозгласились наивысшей ценностью. Однако, особенно в уголовно-процессуальном законодательстве, во главе угла как будто ставилась цель защиты прав только подозреваемого, обвиняемого, осужденного, а права и интересы потерпевшего и общества в целом предали забвению.

Важным средством предупреждения преступности является виктимологическая профилактика. Между тем в этой области ничего не предпринимается. До сих пор не осуществляются систематические виктимологические исследования, правоохранительные органы, а тем более население, не обладают даже мизерными виктимологическими знаниями, в статотчетах о преступности нет сведений о потерпевших, отношение правоохранительных органов к потерпевшим безразличное а иногда и враждебное, нет закона, защищающего права потерпевших, потерпевшие не могут каким-то образом получать компенсацию.

Эффективность деятельности полиции не столь уж высока. Низкой эффективности профилактической деятельности полиции способствуют следующие факторы: коррупция в системе полиции, низкая профессиональная подготовленность, безразличие, необеспеченность необходимыми финансовыми и техническими средствами, активное вовлечение полиции в политические процессы, низкий престиж полиции в глазах населения, тот факт, что население не сотрудничает с полицией.

ХП. Для повышения эффективности контроля над преступностью важны следующие меры:

1. **Смягчение криминогенного воздействия некоторых противоречий**, влияние которых особенно остро воспринимается населением. Это в первую очередь касается небывалого экономического расслоения общества, уменьшения уровня бедности и безработицы. Для этого нужно, чтобы развивалась экономика, что возможно только в том случае, если будет разрушена ее клановая структура. Разрушению клановой системы могло бы способствовать законодательное закрепление некоторых льгот для малого и среднего бизнеса. Особо актуально создание гражданского общества, развитие демократии, реальное обеспечение прав и свобод человека, обеспечение доступа к рынкам, к процессам принятия политических решений.

2. **Повышение уровня правосознания населения**. Здесь важно не только знание правовых норм но и готовность согласовать свое поведение с этими нормами. А для этого нужно повысить ценность права и закона. Повышению ценности права и закона могли бы способствовать следующие меры: а) соблюдение принципа равенства перед законом, исключение двойных стандартов при применении закона, б) соблюдение принципа неотвратимости ответственности, в) повышение уровня профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов и правосудия, г) обеспечение ответственности представителей политической элиты за аморальное, а порой и противоправное поведение, д) минимизация политической коррупции, коррупции в системе уголовной юстиции.

3. **Повышение эффективности уголовного наказания**. Для этого нужно повысить качество предварительного расследования, минимизировать коррупцию в системе уголовной юстиции, обеспечить независимость судей, максимально дифференцировать и индивидуализировать назначение наказания, повысить эффективность альтернативных мер. Важное значение может иметь совершенствование процесса исполнения наказания в виде лишения свободы на основе рекомендаций науки и зарубежного опыта.

Для предупреждения рецидива, кроме названных мер, важное значение могли бы иметь устранение недостатков при применении институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения от на-

казания, преодоление коррупции и формализма при применении этих институтов.

Важное значение могло бы иметь совершенствование института административного надзора, максимальная дифференциация его применения, восстановление уголовной ответственности за нарушения правил административного надзора.

4. **Внедрение виктимологической профилактики**. Можно было бы в структуре полицейских участков создать виктимологическую службу, которая занималась изучением виктимологических особенностей преступлений и, на этой основе, распространением виктимологических знаний, виктимологических брошюр, указаний, рекомендаций по охране зданий, объектов, по улучшению личной безопасности и т. д. Важное значение имело бы соответствующая подготовка полицейских, прохождение ими специальных курсов по виктимологии.

5. **Совершенствование деятельности полиции**. Для этого нужно существенно повысить зарплату полицейских, повысить их ответственность за состояние правопорядка на прикрепленном к нему участке, пересмотреть критерий оценки их деятельности с тем, чтобы по возможности минимизировать уровень искусственной латентности. Этому могло способствовать положение в основу оценки деятельности конкретного сотрудника или подразделения в целом не уровня и динамики преступности на прикрепленном участке, хотя и это может быть одним из показателей, а оценка деятельности данного сотрудника населением обслуживавшего участка, число жалоб на его деятельность, число пресеченных преступлений.

Важно также, чтобы полиция не использовалась в политических целях.

6. **Формирование гражданского общества**. Важнейшим условием этого является легитимная власть, избранная в результате честных, демократических, гласных выборов.

7. **Сохранение антикриминального потенциала армянского общества**. Для этого нужно всячески поощрять и пропагандировать те обычаи и традиции, которые имеют положительное влияние на нравственно-психологическую атмосферу общества, имеют воспитательное значение и, естественно, существенный антикриминальный потенциал.

Для повышения эффективности неформального контроля можно было бы приостановить процесс урбанизации. Укрупнение городов,

уничтожение сел способствует анонимности жизни, препятствует не только неформальному контролю, но и затрудняет формальный контроль, способствует распаду традиционной системы ценностей армянского общества, имеющий антикриминогенное влияние. Поэтому надо особое внимание уделить социальным, экономическим, бытовым, досуговым проблемам сел.

8. *Улучшение нравственно-психологического климата общества* путем преодоления потребительской психологии, повышения уровня культуры, пропаганды высокой культуры, запрещения таких видов рекламы, которые способствуют формированию потребительской психологии, деморализуют людей, особенно молодежь и несовершеннолетних, запрещения показа таких фильмов, клипов, концертов и т. д., которые пропагандируют насилие, секс, актуализируют сексуальные потребности.

Особо важное значение могла бы иметь **минимизация несправедливости в обществе.**

Перечисленные меры могут иметь существенное антикриминогенное значение. К сожалению, из-за ускоренного темпа жизни, научно-технического прогресса, глобализации, падения нравственности эффективность контроля над преступностью снижается. Можно только надеяться, что общество найдет в себе силы переосмыслить существующие ценности, что нравственность станет главным критерием оценки деятельности личности, общества и государства, что материальные ценности отодвинутся на второй план и будут лишь средством нравственного прогресса общества, что свобода будет трактоваться не как вседозволенность или осознанная необходимость, а умение жить в гармонии и любви.

Использованная литература

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000.
2. Авакян Р.З. Преступность в Армении. Ереван, 1997.
3. Авакян Р.З. За законность. Ереван, 2002, (на арм. языке).
4. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
5. Аверин В.А. Психология личности. учебное пособие. СПб., 1999.
6. Агамов Г. Правовые и социальные проблемы предупреждения рецидивной преступности. журнал Уголовное право, 2001 N 3.
7. Адлер А. Наука жить. Киев, 1967.
8. Алауханов Е.О. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений. СПб., 2005.
9. Алексаян Г.Б. Преступность молодежи в сельской местности и ее предупреждение. Дисс. на соиск. ученой степени кандидата юрид. наук. М., 1989.
10. Алексеев А.И. Как защитить себя от преступника? М., 1990.
11. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001.
12. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений., М., 1996.
13. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001.
14. Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995.
15. Антонян Ю.М. Актуальные проблемы насилия в российском обществе. // Уголовное право. М., 2000, N 3.
16. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. М., 2005.
17. Антонян Ю.М. Тени прошлого., М., 1996.
18. Антонян Ю.М. Убийства ради убийства. М., 1998.
19. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991.
20. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. М., 2004.

21. Аракелян С.В. Убийства в сфере семейно-бытовых отношений и их предупреждение (по материалам Республики Армения), дисс. на соиск. учен. степени кандидата юридических наук. Ереван, 1999.
22. Арзуманян С.Д. Психолого-криминологическая теория становления личности правонарушителя. Ереван, 2000.
23. Армения 2020: Стратегия развития и безопасности. Ереван, 2002, (на арм. языке).
24. Армения: преграды к развитию и политика правительства. Часть 1., Ереван, 2001 г.
25. Арутюнян Э. Переходное общество как система трансформационной деятельности. на арм. языке, Ереван, 2000.
26. Аствацатуров С. Безработные: проблемы и решения. в журнале “Меняющееся общество”, Ереван, 2001, N 1-2.
27. Бабаев М., Крутер М. Современная криминологическая ситуация России и проблемы ее изучения и оценки. Уголовное право, М., 2000, N2.
28. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1999.
29. Бартол К., Психология криминального поведения. СПб., 2004.
30. Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В. Преступная деятельность. Киев, 2001.
31. Блувштейн Ю.Д. О понятии личности преступника. //В кн.: Теоретическое учение о личности преступника.
32. Бодалева А. А. Восприятие человека человеком. Изд. ЛГУ, 1968.
33. Вильюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986.
34. Волженкин Б. В., Квашис В. Е., Цагикян С. Ответственность за взяточничество. Ереван, 1988.
35. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений., Казань, 1969.
36. Габиани А.А., Гачечиладзе Р.Г., Дидебулидзе М.И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси, 1985.
37. Габузян А.А. Должностные преступления: криминологический и уголовно-правовой аспекты субъективной стороны. Ереван, 2000.

38. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998.
39. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
40. Гишинский Я. Девиантология. СПб., 2004.
41. Глонти Г. Криминологическая характеристика коррупции в Грузии: реалии и перспективы. В кн.: Преступность и уголовная политика в Европе. Том 1., Бохум 2004.
42. Горяинов К.К., Кононенко В.И., Кудрявцев С.В. Взаимодействие социально-экономических и социально-психологических процессов в генезисе преступности. СГП., 1985, N12.
43. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996.
44. Грибакина Э.Н. Социальная сфера общества, ее специфика. Екатеринбург, 1992.
45. Гыске А.В. Современная российская преступность и проблемы безопасности общества. Политический анализ. М., 2000.
46. Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977.
47. Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере. М., 2004.
48. Джангирян Г.В. Социокультурные факторы досуговой преступности.–В кн.: Материалы VII конференции молодых научных работников Института философии и права АН Армянской ССР. Ереван, 1982.
49. Доклад Всемирного Банка по институциональному и управленческому исследованию Армении. 2000.
50. Душков Б. А. Индустриально-педагогическая психология. М., 1981.
51. Егиазарян М. Р. Скрытая безработица как явление переходной экономики. Вестник Ереванского Университета., 2001, N 2.
52. Ениколопов С.М. Некоторые результаты исследования агрессии.–В сб.: личность преступника как объект психологического исследования.
53. Жулев В.И. Предупреждение дорожно-транспортных происшествий. М., 1989.
54. Забрянский Г.И. Криминологические проблемы села. Ростов-На Дону, Изд. Ростовского университета, 1990.

55. Зелинский А.М. Криминальная психология. Киев, 1999.
56. Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998.
57. Иванников В.А. Формирование побуждения к действию // Вопросы Психологии. М., 1985, N 3.
58. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.
59. Изменяющееся общество. Под ред. Л.А. Арутюняна (на арм. языке). Ереван, ЕГУ, 1997, N 1–2.
60. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.
61. Казинян Г.С. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля в досудебных стадиях судопроизводства по УПК Республики Армения // Прокурорская и следственная практика, 1999, N3, с. 108-110.
62. Карпец И.И. Преступность как реальность // Вопросы философии, 1989, N 5.
63. Карпец И.И. Проблема преступности., М., 1969.
64. Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры. // В кн.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974.
65. Кириллов С.И. Личность преступника (проблемы типологии). М., 1998.
66. Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микроримнология). М., 2001.
67. Косалс Л. Я. Рывкина Р. В. Социология перехода к рынку в России. М., 1998.
68. Криминальная мотивация. М., 1986.
69. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под общей ред. д-ра юр. наук, проф. А.И. Долговой. М., 1999.
70. Криминология. изд. Московского университета. М., 1994.
71. Криминология. учебник под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова-2-е изд. перераб. и доп. М., Юристь. 2000.
72. Криминология. М., 1988.
73. Криминология. Учебник для вузов. Под ред. В.Н. Бурлакова., Н.М. Кропачева. СПб., 2002.
74. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования. М., 1998.

75. Кудрявцев В.Н., Преступность и нравы переходного периода., М., 2002.
76. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. М., 2006.
77. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
78. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии., М., 1969.
79. Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений. Государство и право. 2005, N6.
80. Кузнецова Н.Ф. Мотивация преступлений и тенденции ее изменения // Вопросы советской криминологии (материалы науч. конф.). М., 1976. Ч.2.
81. Кузнецова Н. Ф. “Круглый стол” по проблемам противостояния коррупции в России.–Вестник МГУ. Серия 11. Право.–1999, N4.
82. Курганов С.И., Кравченко А.И. Социология для юристов. М., 1999.
83. Кури Х. Развитие преступности, санкции и позиция населения: Восток и Запад. В кн.: Преступность и уголовная политика в Европе. Том 1., Бохум 2004.
84. Курс советской криминологии. М., 1985.
85. Литвинов А.Н. Предупреждение преступлений и правонарушений. М., 2004.
86. Левон Мелик-Шахназарян Характер Армянского народа, на арм. языке, Ереван, 1999.
87. Леонард Берковиц Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.
88. Лопашенко Н. Коррупция: содержание, проблемы правовой регламентации. // Уголовное право. 2001.
89. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005, Изд. 2-е, переработанное и дополненное.
90. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999.
91. Лунеев В.В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские. Советское государство и право. N4, 1993.
92. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991.

93. Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.) //Государство и право, 2000, N 11.
94. Лунеев В.В. Преступная мифология. Что скрывалось под покровом секретности // Известия, 1991, 15 апр.
95. Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России. //Государство и право, 2004, N1.
96. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.
97. Манасерян Т. Контуры новой экономической политики. на арм. языке, Ереван, 2000.
98. Маргарян А.Р. Криминологическая характеристика корыстно-насильственной преступности. Дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Ереван 2003, с.41 (на арм. языке).
99. Маркосян А.Х. Государство и рынок. на арм. языке, Ереван, 2000.
100. Механизм преступного поведения. М., 1986.
101. Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971.
102. Миненок Ш.Г., Личность расхитителя. Криминологическая характеристика и типология. Уч. пособие. Калининград, 1980.
103. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001.
104. Минская В.С. Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспект виктимологии //Сов. гос. и право, 1985, N7.
105. Михайленко П.П., Гельфанд И.А. Предупреждение преступлений—основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964.
106. Монахов Н. А. О социобиологических механизмах формирования антиобщественного поведения молодежи. // Советское Государство и Право. 1989, N 8.
107. Московичи С. Машина творящая богов. М., 1998.
108. Налчаджян А.А., Мкртчян А.М. Мотив, конфликт, фрустрация (на арм. языке). Ереван, 1978.
109. Насильственная преступность против личности в странах СНГ. Уголовное право, 2001. N3.
110. Насильственная преступность против личности в странах СНГ в 2000-2003 гг. Уголовное право, N4, 2003.

111. Налчаджян К. Этническое самосознание. Ереван, 2003 (на арм. языке).
112. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе.- Социологические исследования, 1995, N2.
113. Палубинская С.В. Общее предупреждение: эмпирические исследования. /Криминология, уголовное право и прокурорский надзор// Сборник научных трудов молодых ученых. М., 1990.
114. Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. Лекция. М., 1990.
115. Побегайло Э.Ф. Криминальное насилие в России: основные тенденции. Вып. 8. М., 1995.
116. Побегайло Э. Психологические детерминанты криминальной агрессии. Уголовное право. N1, 2002.
117. Погосян Г.А. Армянское общество в трансформации, Ереван, 2003.
118. Проблемы борьбы с организованной преступностью: Сборник научных трудов., М. 1990.
119. Психология экстремальных ситуаций. Минск, 1999.
120. Психологический словарь. М., 1985.
121. Пятницкая И.Н., Шаталов А.И. Девиантное поведение подростков. М., 2003.
122. Равия-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М., 2000.
123. Ральф Дарендорф Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М. 2002.
124. Ральф Дарендорф Тропы из утопии. М., 2002.
125. Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования в системе криминалистической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних //Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33, М., 1980.
126. Ривман Д.В. Устинов В.С. Виктимология. Нижний Новгород, 1998.
127. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. М., 1999.
128. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000.
129. Сапогова Е.Е. Психология развития человека. М., 2001.

130. Саркисов Г.С. Объект индивидуального профилактического воздействия в теории предупреждения преступности. Ереван, 1985.
131. Сахарова А.Б., Саркисова Г.С. Проблема преступности в современных условиях. Ереван, 1991.
132. Симонян Т.В. Криминологическая характеристика преступности молодежи в Республике Армения. Дисс. на соиск. учен. степени кандидата юрид. наук. Ереван 2004 (на арм. языке).
133. Словарь иностранных слов. М., 1954.
134. Сухарев А.Я. Феномен российской преступности в переходный период: тенденции, пути и средства противодействия. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора юрид. наук., М., 1996.
135. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003.
136. Территориальные различия преступности и их причины. М. 1988.
137. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989
138. Устинов В. Причины качественных изменений преступности в современной России. Уголовное право, М., 1999, N 4.
139. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.
140. Философия. Ростов-на-Дону, 1999.
141. Фишер П. Чудеса и тайны нашего мозга // За рубежом, 1985, N 10.
142. Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980.
143. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.
144. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991.
145. Чайченко Г.М., Харченко П.Д. Физиология высшей нервной деятельности. Киев, 1981.
146. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
147. Шестаков Г. Послушайте, мальчики, старого вора // Советский спорт, 1990, 12 декабря.
148. Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем: Новая концепция и отрасли криминологии. М., 2003.
149. Шнайдер Г.Й. Криминология. М., 1994.

150. Элвин Тофлер "Шок Будущего". М., 2003.
151. Энциклопедический словарь., Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и Ко., 7-ое совершенно переработанное издание, Томъ 33, М., 1912, Типография Т-ва Рябушинскихъ.
152. Юридическая социология. М., 2000.
153. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969
154. Яковлев А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения. Горький, 1977.
155. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.
156. Andri Ahven, Lauri Tabur, Kauko Aromaa "Victims of crime in Estonia 1993-2000". Tallin-Helsinki, 2001.
157. Kauko Aromaa, Markku Heiskanen "Crime risks in Finland". Helsinki, 2000.
158. Anna Werges, Crime victims in the European Union. Sweden, 1999.
159. European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2003, Second edition.
160. European Sourcebook of Crime and Criminal Justice, Statistics-2006, Third edition.
161. Marya-Liza Muiluvuori "Recidivism among people sentenced to community service in Finland". Journal of Scandinavian studies in criminology and crime prevention., vol 2, N1, 2001, p. 72-81.
162. Office of International Information Programs, US Department of State. Web site: [http:// usinfo. stste. gov](http://usinfo.stste.gov).
163. Kathryn D. Morgan Factors influencing probation outcome: a review of the literature. Federal probation. Vol. 57.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Криминологическая характеристика преступности в РА в переходный период	6
§1. Уровень, структура, динамика преступности	6
§2. Мотивационные особенности преступности переходного периода	30
§3. Лица, совершающие преступления.....	56
ГЛАВА 2. Региональные особенности преступности в Армении	80
§1. Криминологическая характеристика региональной преступности в Армении	80
§2. Причины региональных особенностей преступности	86
ГЛАВА 3. Криминологическая характеристика отдельных видов преступности	95
§1. Проблема криминологической классификации преступлений ..	95
§2. Насильственная преступность	98
§3. Корыстная преступность	123
§4. Коррупционная преступность	141
§5. Преступность несовершеннолетних.	158
§6. Неосторожная преступность	174
ГЛАВА 4. Меры, предпринимаемые государством и обществом в целях контроля над преступностью в стране	184
§1. Общая характеристика мер и их недостатки.....	184
§2. Предложения по совершенствованию контроля над преступностью	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	230
Использованная литература	246

Габузян Ара Арутюнович

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Сдано в набор 15.11.2006. Подписано в печать 20.02.2007.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Объем 16 п.л. Тираж 700 экз.

Издательство Ереванского университета

Ул. А.Манукяна 1